

Prof. BERNHEIM.

ГИПНОТИЧЕСКОМЪ ВПУШЕНИИ

И ПРИМѢНЕНИИ ЕГО

КЪ ЛЕЧЕНЮ БОЛѢЗНЕЙ

Д-ра БЕРНГЕЙМА,

профессора медицинскаго факультета въ Паиси.

— . — . —
ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.
. — . — .

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Д-ра Е. Б. Перельцевейса.

. — . — .
ЧАСТЬ I.

О Д Е С С А.

ж. тип. Цсаковича, уголъ Дерибасовской и Гаванной ул., соб. д. № 10.

1887.

О

В Н У Ш Е Н И И

И ПРИМЕНЕНІЕ ЕГО

ВЪ ТЕРАПІИ.

Часть первая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть этой книги была уже опубликована в 1884 году. Я ее вновь пересмотрѣлъ, присоединилъ новые факты, новыя наблюденія и отвѣтилъ сдѣланнымъ мнѣ за это время возраженіямъ. Вторая часть, вполне новая, предметомъ своимъ имѣетъ *терапію при посредствѣ внушенія*.

Я озаглавилъ эту книгу: *О внушеніи*. Слово «магнетизмъ», происшедшее отъ ошибочнаго толкованія явленій, не имѣетъ болѣе своего *raison d'être*. Двигателемъ болѣею части проявленій гипноза является *внушеніе*; а минимы физическія явленія представляютъ собою, по моему мнѣнію, только явленія психическія. Дѣло идетъ о задуманной операторомъ идеѣ, которая, схваченная загипнотизированнымъ и запечатлѣвшаяся въ его мозгу, реализируется явленіемъ съ помощью возбужденной внушимости, происходящей отъ сосредоточенія способности, присущей гипнотическому состоянію. *Внушеніе составляетъ ключъ къ бредизму*.

Ученіе это побудило насъ держаться г. Liébeault'a въ его методѣ внушенной терапіи.

Г. Liébeault'у, доктору медицины въ Nancy, я обязанъ знакомствомъ съ тѣмъ методомъ, который я употребляю для вызыванія сна и полученія извѣстныхъ несомнѣнныхъ терапевтическихъ дѣйствій. Вотъ уже болѣе 25 лѣтъ, какъ этотъ собратъ, прививая

связанныя съ употребленіемъ въ практикѣ того, что называютъ животнымъ магнетизмомъ, продолжаетъ свои изслѣдованія и безъ интереса посвящаетъ себя леченію болѣзней съ помощью сна.

Идея о внушеніи, высказанная Faria, лучше выражена была Braid'омъ. Г. Liébeault, усовершенствовавъ способъ и наиболѣе упрощая его, доказалъ послѣ Braid'a, что громадное большинство лицъ способно поднасть его вліянію и что многіе могутъ оказать благотворное дѣйствіе при помощи таковымъ образомъ вызваннаго психическаго состоянія. Первыя изслѣдованія Панскаго врача собраны въ одномъ томѣ, озаглавленномъ: *О силѣ и о наблюдаемыхъ аналогичныхъ состояніяхъ, разсматриваемыхъ особенно съ точки зрѣнія моральнаго дѣйствія на физику*. Парижъ, 1866 г.

Увѣренія г. Liébeault'a встрѣтили только подовѣрчивость. Его приемы столь, казалось, носили отпечатокъ странности, чтобы не сказать наивности, что врачи отвергли ихъ, не подвергнувъ ихъ даже всестороннему разсмотрѣнію. Г. Liébeault жилъ въ сторонѣ, внѣ медицинскаго міра, всецѣло отдаваясь своимъ больнымъ (почти преимущественно изъ бѣднаго класса) и своимъ убѣжденіямъ.

Пять лѣтъ тому назадъ г. Dumont, завѣдующій физическими работами при медицинскомъ факультетѣ, слѣдуя указаніямъ Liébeault'a, убѣдился въ дѣйствительности замѣченныхъ явленій; онъ съ успѣхомъ экспериментировалъ въ Маченнскомъ пріютѣ и имѣлъ счастье уничтожить у одной, страдавшей истеро-эпилепсіей, 3 года длившуюся контрактуру правой ноги и прекратить истеро-эпилептическіе припадки, повторявшіеся 5 или 6 разъ въ день.

По моей просьбѣ онъ 10 мая 1882 г. представилъ въ

Нашей четырехъ субъектовъ, надъ

которыми онъ произвелъ извѣстное число опытовъ, сильно поразившихъ членовъ этого Общества.

Съ этого времени я самъ экспериментировалъ съ болѣе или мѣнѣе, признаюсь, скептицизмомъ вначалѣ; но послѣ нѣкоторыхъ колебаній и нерѣшительности, я не преминулъ констатировать извѣстные поразительные результаты, которые обязываютъ меня не умолчать о нихъ.

Въ первой части этой книги я изложу сначала методъ, употребляемый для производства гипнотизма, и различныя проявленія, которыя можно вызвать у загипнотизированныхъ субъектовъ.

Затѣмъ я сдѣлаю краткій историческій обзоръ этого вопроса; разсмотрю теоретическіе взгляды, высказанные по этому предмету, и изложу свое личное мнѣніе о психологическомъ механизмѣ этихъ явленій.

Наконецъ, въ общемъ видѣ разсмотрю примѣненіе ученія о внушеніи къ психологіи, судебной медицинѣ и къ социологіи.

Во второй части я спеціально изучу терапію при посредствѣ внушенія и изложу свои личныя наблюденія.

Н. Bernheim.

Июль, 1886 г.

Оглавление первой части.

ГЛАВА I. Способъ —внушеніемъ произвести гипнотизмъ. — О различныхъ степеняхъ гипнотизма. — О пробужденіи. — Число способныхъ къ гипнотизаціи лицъ	Стр. 1 — 16
ГЛАВА II. Явленія, установленныя во время гипнотическаго сна. — О чувствительности. — Анестезія самопроизвольная или внушенная. — Гипнотизмъ не можетъ замѣтить хлороформъ. — Измѣненія двигательной способности. — Внушенная катаlepsія — Объ автоматическихъ движеніяхъ. — О раздражательныхъ движеніяхъ. — О внушенномъ параличѣ — О сомнамбулизмѣ съ забвеніемъ по пробужденіи. — Автоматическая покорность. — О чувственныхъ внушеніяхъ — О внушенныхъ галлюцинаціяхъ. — О внушеннн дѣйствіи, чувственныхъ иллюзіи, галлюцинаціи на время, слѣдующее за пробужденіемъ. — Объ отрицательныхъ галлюцинаціяхъ. — О галлюцинаціяхъ на долгій срокъ	17 — 54
ГЛАВА III. Наблюденіе различныхъ типовъ сомнамбулизма. — О двойственности личности у нѣкоторыхъ сомнамбулистовъ. — О самопроизвольныхъ грѣзахъ съ сохраненіемъ или несохраненіемъ сознанія дѣйствительности	55 — 80
ГЛАВА IV. О кровообращеніи и дыханіи у гипнотизированныхъ. — Измѣненія, констатированныя авторами, обязаны душевному возбужденію субъектовъ. — Вліяніе гипнотическаго внушенія на органическія жизненныя функціи: замедленіе и ускореніе пульса, вліяніе на вазомоторное кровообращеніе: покраснѣніе, нарываніе, геморрагія по внушенію	81 — 86
ГЛАВА V. О внушеніи въ состояніи бодрствованія. — Производство при помощи простаго увѣренія тѣхъ же явленій у способныхъ къ гипнотизаціи, но не загипнотизированныхъ лицъ. Перенесеніе (transfert) геміалестезіи у одной истеричной. — О чувственныхъ внушеніяхъ. — О галлюцинаціяхъ. — Внушенныя измѣненія поля зрѣнія	87 — 99
ГЛАВА VI. Отвѣтъ нѣкоторымъ критикамъ. — Три фазы гипнотизма по Salpêtrière-ской школы. — Опыты о трансфертѣ. — Экспериментальныя иллюзіи. — О настоящемъ и галлюцинаторномъ воображеніи	100 — 123

ГЛАВА VII. Краткое историческое обозрѣніе. — Месмеръ и месмеризмъ. — Оужденіе его учеными корпорациями. — Доклады Pichon'a. — Аббатъ Faria и сонъ по внушенію. — Доктрина Alexandre Bertrand'a. — Опыты и флюидическая доктрина генерала Noizet'a. — Второй періодъ: Braid и бредимъ. — Авантъ его ученія. — Grimes и электро-біологія въ Америкѣ и въ Англіи. Опыты и ученіе Darand'a, изъ Gros'a. — О моральной медицинѣ доктора Charignon'a; его флюидическое ученіе. — О бредимѣ въ Франціи: сообщеніе профессора Azam'a. — Попытка примѣненія къ хирургической анестезіи. — Опыты и ученіе доктора Liebeault'a, въ Нанси: гипнотическій сонъ, усовершенный общаго вѣщанію сну. — О гипнотизмѣ у животныхъ: Kitcher, Sletmack, Preyer, Wilson, Beard. — О сомнамбулизмѣ, вѣщаніемъ во Франціи: опыты Charles'a Richet. О снѣ, вѣщаніемъ у истеричныхъ: опыты Charcot, Dumontpallier. О гипнотизмѣ у человека въ Англіи: опыты датскаго магистера Nassea'a; фзіологическія теоріи Kumpf'a, химическая теорія Preyer'a, физико-фзіологическая Schneider'a, Berger'a, Heidenheim'a. — Ученіе Proszper'a Despine'a. — Недавнія научныя сообщенія. 124 138

ГЛАВА VIII. Теоретическое соображеніе автора о точкованіи идей въ внушеніи. — Автоматизмъ въ обыденной жизни, рефлекторные акты; автоматическіе, инстинктивные акты. — Автоматизмъ у поло-рожденныхъ и у взрослого. — Регулярное ищаніе идеическаго органа. — О чувственныхъ идеяхъ, проявляемыхъ психическимъ органомъ. — Опыты А. Маугу. — Гипнотическія галлюцинаціи. — О вѣщаніи. — Чувственный внушенія при посредствѣ подражанія. — Объ автоматическомъ поведеніи. — Вѣщаніе идей на дѣйствіе. — О доктринѣ Despine'a: превращеніе состоянія сознанія — Состояніе сознанія неизмѣнно существуетъ. — Повышеніе рефлекторной идео-двигательной, идео-чувствительной, идео-чувственной возбудимости. — Объ отрицательныхъ внушеніяхъ. — Запрещеніе. — О снѣ по внушенію, отъ усталости — вѣкъ, отъ закрыванія глазъ, отъ слабого непрерывнаго монотоннаго впечатлѣнія. — О внушеніи болей сна. — Классификація Chambard'a различныхъ періодовъ гипнотическаго сна. Выраженія. — Попытка объясненія латентныхъ воспоминаній и внушеній на долгій срокъ 149 191

ГЛАВА IX. Общія приложенія ученія о внушеніи. — Моральная и психологическая точка зрѣнія. — О воспитаніи. — Юридическая точка зрѣнія. — Преступныя внушенія. — Наблюденіе. Регрессивныя галлюцинаціи. — Тисса — Деларекое дѣло. — Инстинктивное ствованіе. — Отвѣтъ г-ну Paul Janet. 195 223

О

ВНУШЕНІИ

и о примѣненіи его въ терапіи.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Глава I.

Способъ — внушеніемъ произвести гипнозизмъ. — О различныхъ степеняхъ гипнозизма. — О пробужденіи. — Чисто способныхъ къ гипнозизму лицъ.

Вотъ, какъ я поступаю для вызыванія гипнозизма. Я начинаю съ заявленія больному, что нахожу нужнымъ съ пользою подвергнуть его леченію гипнозизмомъ; что есть возможность вылечить или облегчить его при помощи сна; что дѣло не идетъ о какомъ либо вредномъ или необыкновенномъ пріемѣ, а о *простомъ снѣ*, который можно называть у всякаго человека, о снѣ спокойномъ, благоговорномъ, возстановляющемъ равновѣсіе нервной системы и проч. Въ случаѣ необходимости, я усматриваю предъ лицомъ одного или двухъ субъектовъ, съ цѣлью показать ему, что этотъ сонъ не представляетъ собою ничего тягостнаго но сопровождается никакимъ неспытаніемъ; когда же и такимъ образомъ освободить его умъ отъ озабоченности, которую въ немъ порождаетъ идея о магнетизмѣ; отъ таиннаго страха, связаннаго съ этимъ неопытностью; въ особенности, когда онъ видѣлъ больныхъ, выздоровѣвшихъ или получившихъ облегченіе вслѣдъ за этимъ сномъ, онъ становится доверчивымъ и отдается вамъ. Тогда и ему говорю: «забудьте на меня приоткрыто и думайте только о томъ чтобы спать. Сейчасъ вы

почувствуете тяжесть въ вѣкахъ, усталость въ глазахъ; они мигаютъ, вотъ начинаютъ слезиться; взглядъ дѣлается мутнымъ, вотъ они закрываются.» Нѣкоторые субъекты закрываютъ глаза и тотчасъ засыпаютъ. У другихъ мнѣ приходится повторять, сильнѣе настаивать, присоединить жесты, все равно, какого-бы характера они ни были. Я помѣщаю два пальца правой руки передъ глазами субъекта, приглашаю фиксировать ихъ, или же обѣими руками я провожу сверху внизъ нѣсколько разъ передъ его глазами; а то еще я предлагаю ему фиксировать мои глаза и въ то же время я стараюсь сосредоточить все его вниманіе на идеѣ о снѣ. Я говорю: «Вѣки ваши закрываются, вы не можете ихъ открыть. Вы испытываете тяжесть въ рукахъ и ногахъ; вы больше ничего не чувствуете; ваши руки неподвижны; вы ничего не видите; сонъ наступаетъ»; и тономъ, нѣсколько повелительнымъ, прибавляю: «Сните». Часто это слово уничтожаетъ нерѣшимость; глаза закрываются; больной спитъ.

Если субъектъ не закрываетъ глазъ или не держитъ ихъ закрытыми, то дольше я не продолжаю фиксаціи моихъ глазъ или рукъ его взглядомъ, ибо въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ такими субъектами, которые только неопредѣленно пучатъ глаза и которые, вмѣсто того, чтобы получить идею о снѣ, заняты только мыслью о томъ, чтобы строго выполнить фиксацію; въ такомъ случаѣ большаго успѣха достигаемъ, закрывая имъ глаза. По истеченіи двухъ или трехъ минутъ фиксаціи, я вѣки поддерживаю закрытыми, или же медленно и тихо надвигаю ихъ на глазныя яблока, прогрессивно, все болѣе и болѣе закрывая ихъ и подражая тому, что происходитъ во время наступленія естественнаго сна. Кончивъ это, я поддерживаю ихъ закрытыми, все продолжая внушеніе: «Ваши вѣки слипаются, вы не можете ихъ открыть; потребность спать все болѣе и болѣе является настоящей, вы не можете дольше противостоятъ.» Постепенно понижая голосъ, повторяю приказаніе

«Сните», и рѣдко бываетъ, чтобы прошло 4 или 5 минутъ безъ того, чтобы не настала сонъ. Это сонъ по внушенію; это изображеніе сна, которое я внушаю, начертаю въ мозгу.

Пассы, фиксація глазъ или пальцевъ оператора, нужные единственно для сосредоточенія вниманія, не составляютъ абсолютной необходимости.

Дѣти, начиная съ почитливаго возраста, когда они слушаютъ уже и понимаютъ, поддаются гипнозу вообще весьма скоро и очень легко. Часто я довольствуюсь тѣмъ, что закрываю имъ глаза, держу ихъ закрытыми нѣсколько мгновений, приказываю имъ спать, затѣмъ заявляю, что они уже спать.

Нѣкоторые взрослые точно также засыпаютъ самымъ легкимъ образомъ, при простомъ закрываніи глазъ. Также часто я приступаю сразу, безъ пассовъ, безъ фиксаціи предмета, закрывъ только глаза и слегка поддерживая ихъ закрытыми, приглашая субъекта держать ихъ прикрытыми и внушая ему явленіе сна. Нѣкоторые при этомъ впадаютъ въ боляе или менѣе глубокой сонъ.

Иные выказываютъ больше сопротивленія, иногда мнѣ удается ихъ усыпить, долго поддерживая ихъ глаза закрытыми, предписавъ имъ молчаніе и неподвижность, постоянно повторяя однѣ и тѣ же формулы: «Вы чувствуете онемѣніе, оцѣпенѣніе; ноги и руки ваши неподвижны; вотъ въ вѣкахъ чувствуете нѣкоторую теплоту, нервная система ваша успокоивается; вы не имѣете больше собственной воли; глаза ваши остаются закрытыми; наступаетъ сонъ и проч.»

По истеченіи нѣсколькихъ минутъ этого продолжительнаго слухового внушенія, я отнимаю свои пальцы и глаза остаются закрытыми. Я поднимаю руки субъекта, они остаются въ воздухѣ: мы имѣемъ дѣло съ каталентическимъ сномъ.

Третьи еще болѣе упорны. Озабоченные, неспособные предаваться теченію событий, они анализируютъ себя, при-

слушиваются къ своему состоянію и заявляютъ, что не могутъ спать. Я предписываю имъ спокойствіе и только говорю объ оцѣпенѣніи, онѣмѣніи: «Этого достаточно будетъ, говорю я, чтобы добиться результата. Внушеніе можетъ оказаться дѣйствительнымъ даже и безъ сна. Оставайтесь только неподвижнымъ и будьте спокойны.» Въ подобнаго рода состояніи духа субъекта я и стараюсь вызывать каталептиформенныя явленія, такъ какъ подобный субъектъ, находясь просто въ онѣмѣніи, но всегда бодрствуя, во всякое время готовый схватиться, легко выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія.

Въ такихъ случаяхъ иной разъ я, довольствуясь однимъ сомнительнымъ онѣмѣніемъ и не желая провѣрить, дѣйствительно ли субъектъ находится подъ вліяніемъ, предоставляю его самому себѣ, приглашая его оставаться въ этомъ оцѣпенѣніи въ теченіи нѣкотораго времени. Иные остаются въ этомъ состояніи довольно долго, не имѣя возможности сказать, добровольно или не добровольно они это дѣлаютъ. Обыкновенно при второмъ или третьемъ сеансѣ, этимъ пріучиваньемъ субъекта съ помощью внушенія, мнѣ удается вызвать дальнейшую степень несомнѣннаго гипноза съ внушенной каталепсіей или даже сомнамбулизмомъ.

Если у нѣкоторыхъ успѣхъ скорѣе получается, дѣйствуя на нихъ добротою, то на другихъ лучше дѣйствовать строго, говорить тономъ повелѣнія, съ цѣлью пріостановить стремленіе къ смѣху или къ произвольному сопротивленію, которое можетъ быть вызвано способомъ гипнотизаціи.

Многія лица, повторяю, уже при первомъ сеансѣ поддаются вліянію; другія только при второмъ или третьемъ. Послѣ одной, двухъ гипнотизацій, вліяніе дѣлается быстрымъ. Часто достаточно бываетъ посмотреть на нихъ, протянуть пальцы къ ихъ глазамъ, сказать: «Спите», чтобы въ нѣсколько секундъ, даже мгновенно, глаза ихъ закрылись и наступили всѣ явленія сна. Другія же только по истеченіи известнаго

числа сеансовъ, въ общемъ немногочисленныхъ, пріобрѣтають способность скоро усыпляться.

Иной разъ случается мнѣ усыпить послѣдовательно семь или восемь больныхъ, каждаго въ мигъ; затѣмъ попадаются и такіе, которые представляютъ нѣкоторую непокорность или трудность къ усыпленію. Въ такихъ случаяхъ я только нѣсколько минутъ настаиваю; второй или третій сеансъ часто приноситъ сонъ, недостигнутый при первомъ сеансѣ.

Субъекты, у которыхъ гипнотическая внушимость весьма развита, засыпають, какъ только имъ подають идею о снѣ. Ихъ можно гипнотизировать черезъ передачу, заявивъ имъ, напримѣръ, что, какъ только письмо ими будетъ прочтено, они уснутъ; ихъ можно гипнотизировать по телефону, какъ то дѣлалъ г. Liégeois. Каковъ-бы ни былъ путь, по которому внушеніе передается мозгу, оно производитъ свое дѣйствіе.

Нѣкоторыя лица впадаютъ въ гипнозъ подѣ вліяніемъ хлороформа, прежде чѣмъ хлороформъ проявитъ свои дѣйствія. Каждому хирургу приходилось наблюдать, какъ пациенты быстро засыпають, безъ возбужденія, послѣ нѣсколькихъ вдыханій анестезирующаго вещества, тогда какъ послѣднее навѣрное еще не успѣло оказать свое дѣйствіе. Это явленіе я наблюдалъ надъ кліентами, которыхъ я хлороформировалъ передъ дантистомъ для извлеченія зуба. Такимъ образомъ, извлекая пользу изъ этого наблюденія, я стараюсь каждый разъ, когда я хлороформирую, при первомъ вдыханіи внушить больному, что онъ уснетъ быстро и тихо. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ гипнотическій сонъ наступаетъ раньше сна отъ хлороформа. Если сонъ достаточно глубокъ, чтобы вызвать полную анестезію, что мнѣ приходилось видѣть, то операція, не ожидая, можетъ быть совершена. Если же нѣтъ, то я продолжаю ингаляцію хлороформа до появленія общей анестезіи, которая наступаетъ скорѣй при помощи

внушения; и, такимъ-то образомъ поступаая, я предупреждаю въ этихъ случаяхъ періодъ возбужденія.

Не слѣдуетъ думать, чтобы впечатлительными къ гипнозу были всѣ невропаты, люди слабого ума, истеричные, женщины. Бѣльшая часть моихъ наблюдений относится къ мужчинамъ, нарочно мною выбраннымъ, чтобы я могъ отвѣтить на это возраженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительность эта различна: простой народъ, послушные умы, старые воины, мастеровые, люди привычные къ пассивному повиновенію, казались мнѣ такъ же, какъ и г. Liébeault'у, болѣе способными къ внушенію, нежели умы образованные, озабоченные, которые представляютъ нѣкоторое моральное сопротивление, часто безсознательное. Помѣшанныхъ, меланхоликовъ, ипохондриковъ часто бываетъ трудно, а то и невозможно, усыпить; нужно, чтобы въ этомъ участвовало моральное желаніе спать; нужно, чтобы субъектъ безъ мозгового сопротивленія волиѣ отдался въ распоряженіе усыпителя; и я повторяю, опытъ показываетъ, что громадное большинство лицъ легко этого достигаютъ.

Я усыплялъ людей весьма интеллигентныхъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ общества, ничуть не нервныхъ, въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову. Безъ сомнѣнія, лица, которыя считаютъ вопросомъ чести показать, что они не способны къ гипнотизаціи, что мозгъ ихъ лучше развитъ, нежели у другихъ; что они не способны къ внушенію, не могутъ часто быть усыплены, ибо они не умѣютъ придать себѣ то психическое состояніе, которое необходимо для осуществленія внушенія сна; они отъ себя, сознательно или безсознательно, его отталкиваютъ; они ставятъ себя въ нѣкотораго рода состояніе противо-внушительное.

Степень вызваннаго сна различествуетъ, смотря по характеру субъектовъ.

Одни испытываютъ только болѣе или менѣе выражен-

ное онѣмѣніе, тяжесть въ вѣкахъ, сонливость; эти составляютъ самое малое число. Это *первая степень* по Liébeault'у. Эта сонливость можетъ исчезнуть тотчасъ, какъ только операторъ перестаетъ вліять; у однихъ она продолжается нѣсколько минутъ, у другихъ дольше, въ теченіи часа, напри- мѣръ. Одни остаются инертными; другіе выполняютъ нѣкоторыя движенія, перемѣняютъ свое положеніе, оборачиваются, но продолжаютъ оставаться сонными. При одномъ изъ слѣдующихъ сеансовъ этотъ сонъ можетъ перейти въ одну изъ дальнѣйшихъ степеней; въ другой разъ, наоборотъ, дальше этого идти нельзя. У одной дамы я больше, чѣмъ сто разъ, вызывалъ сонливость, длившуюся отъ получаса до часа; но дальше первой степени эта сонливость не шла.

Нѣкоторые лица не обнаруживаютъ сонливости въ смыслѣ этого слова, но они сохраняютъ вѣки закрытыми и открывать ихъ не могутъ; они разговариваютъ, отвѣчаютъ на вопросы, заявляютъ, что не спятъ. Но я говорю имъ: «Вы не можете открыть глаза», и они дѣлаютъ безплодныя усилія, чтобы ихъ открыть, а вѣки остаются точно каталептизированныя. Мнѣ казалось, однако не могу этого утверждать, что эта форма гипнотизма чаще наблюдается у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Одна изъ нихъ дѣлала неслыханныя усилія, чтобы отдѣлать вѣки, смѣялась, говорила бойко; я ей повторялъ: «постарайтесь ихъ открыть;» она для этого употребляла всю свою силу воли безъ всякаго успѣха, пока я не прекратилъ своихъ чаръ, сказавъ: «Вы можете ихъ открыть».

Я это еще называю разновидностью первой степени.

Во *второй степени* субъекты держатъ вѣки, закрытыми, члены ихъ расслаблены; они слышатъ все, что къ нимъ говорятъ; все, что вокругъ нихъ говорится; но они остаются въ подчиненіи воли усыпителя. Ихъ мозгъ находится въ томъ состояніи, которое магнетизеры называютъ *гипотаксіей* или *чарой*.

Эта степень характеризуется *внушенной каталепсией*.

Подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ слѣдующія явленія: какъ только субъектъ усыпленъ и находится въ разслабленномъ состояніи, то, если я подымаю его руку, она остается въ воздухѣ; если подымаю его ногу, она остается въ воздухѣ: члены сохраняютъ придаваемые имъ пассивныя положенія. Мы называемъ эту каталепсію *внушенной*, потому что, какъ легко въ этомъ убѣдиться, она является чисто психической, связанной съ пассивнымъ состояніемъ субъекта, который автоматически сохраняетъ данное ему положеніе, какъ и всякую воспринятую имъ идею. И въ самомъ дѣлѣ, можно видѣть, какъ это явленіе у одного и того-же лица, или у различныхъ лицъ, выступаетъ болѣе или менѣе отчетливо, смотря по глубинѣ сна, или смотря по психической восприимчивости. Сначала это каталептизированное состояніе едва замѣчается; приподнятый членъ только нѣсколько мгновеній остается въ воздухѣ, но вслѣдъ затѣмъ скоро опускается съ нѣкоторымъ колебаніемъ; или же предплечье одно остается въ воздухѣ. Если хотятъ приподнять всю верхнюю конечность, предплечье и плечо, она снова опускается; пальцы въ отдѣльности не сохраняютъ придаваемого имъ положенія, но вся кисть руки и предплечье остаются неподвижными.

Нѣкоторые субъекты, если быстро поднять у нихъ наприкладъ, руку и предоставить ее самой себѣ, снова ее опускаютъ; но если ее поддержать нѣсколько секундъ въ воздухѣ такимъ образомъ, чтобы запечатлѣть, такъ сказать, въ ихъ мозгу идею этого положенія, тогда она остается въ воздухѣ.

Наконецъ у нѣкоторыхъ каталепсія можетъ быть вызвана только съ помощью словесно формулированнаго внушенія: ну, можно сказать загнипнотизированному: «ваши руки остаются въ воздухѣ, ваши ноги остаются въ воздухѣ» и только тогда они остаются въ этомъ положеніи. Одни пассивно сохраняютъ новое положеніе, если имъ ничего не сказать; но если

ихъ вызвать изъ этого положенія, они спохватываются и, такъ сказать, призываютъ свою оцѣненѣлую волю, опускаютъ поднятый членъ; часто тогда они пробуждаются. Эти случаи устанавливаютъ *промежуточные степени между первой и второй степенями*. Большая часть, наоборотъ, не можетъ, вопреки всѣмъ усилямъ, измѣнить приданное имъ положеніе.

Такимъ образомъ по спеціальному выраженію каталептиформеннаго состоянія можно слѣдить за прогрессивнымъ развитіемъ внушимости. У весьма большого числа это состояніе сразу выступаетъ отчетливо; съ первой гипнотизаціи члены произвольно сохраняютъ сообщенное имъ положеніе безъ того, чтобы явилась необходимость формулировать внушеніе. Члены въ этомъ положеніи остаются то фиксированными такъ долго, сколько продолжается гипнотизмъ, то медленно, постепенно опускаются по истеченіи нѣсколькихъ минутъ, четверти часа, получаса или еще больше.

По пробужденіи нѣкоторые субъекты, не перешедшіе второй степени, воображаютъ себѣ, что они не спали, потому что вспоминаютъ, что они все слышали; они полагаютъ, что все это дѣлалъ изъ угожденія. Но, повторяя опытъ, внушенная каталепсія вновь является. Если мы не имѣемъ дѣла со сномъ, то по крайней мѣрѣ это представляетъ собою спеціальное психическое состояніе, которое уменьшаетъ силу мозгового сопротивленія, дѣлаетъ мозгъ послушнымъ внушенію.

Въ *третьей степени* онѣмѣніе является болѣе выраженнымъ; тактильная чувствительность можетъ быть уменьшена или уничтожена; помимо внушенной каталепсіи субъектъ дѣлается способнымъ къ *автоматическимъ движеніямъ*. Я вращаю обѣ его руки одну вокругъ другой и говорю: «Вы не можете остановить ихъ». Руки продолжаютъ вращаться долго или бесконечно. Субъектъ слышитъ все, что вокругъ него говорится.

У однихъ этотъ ротаторный автоматизмъ слѣдуетъ за сообщеннымъ его рукамъ импульсомъ, такъ что словесное внушеніе не является необходимымъ. Въ этой степени можно также вызвать *внушенную контрактуру*.

Четвертая степень характеризуется, помимо предъидущихъ явленій, потерей общепій съ вѣшнимъ міромъ. Субъектъ слышитъ только то, что говоритъ операторъ, но не слышитъ того, что говорятъ другія лица, что говорится вокругъ него: его чувства находятся въ общеніи только съ усыпителемъ. Со всеѣмъ тѣмъ они способны быть поставленными въ общеніе со всеѣми.

Пятая и шестая степени, характеризуясь, по г. Liébeault'у, забвеніемъ, по пробужденіи, всего того, что происходило во время ихъ сна, устанавливають самнамбулизмъ. Пятая степень представляетъ *легкій самнамбулизмъ*: субъекты вспоминаютъ еще неопредѣленно, они смутно представляютъ себѣ нѣкоторые моменты; пзвѣстные воспоминанія произвольно пробуждаются. Уничтоженіе чувствительности, внушенная поталансія, автоматическія движенія, *галлюцинаціи по внушенію*—всеѣ эти явленія, о которыхъ болѣе подробно мы еще скажемъ, достигаютъ тогда своего наибольшаго выраженія.

Въ глубокомъ сомнамбулизмѣ или въ *шестой степени* воспоминаніе всего того, что происходило во время сна, абсолютно уничтожено и не можетъ *самопроизвольно* пробуждаться.

Дальше мы увидимъ, что эти воспоминанія могутъ *всегда* быть пробуждены *искусственно*.

Субъектъ продолжаетъ спать по желанію оператора и становится совершеннымъ автоматомъ, послушнымъ всеѣмъ приказаніямъ.

Это раздѣленіе сна на нѣсколько степеней чисто теоретическое: оно позволяетъ классифицировать каждаго подвергшагося вліянію субъекта, безъ подробнаго его описанія. Суще-

ствують конечно варианты, промежуточные степени между этими различными степенями; наблюдаются всевозможные переходы, начиная простымъ оцѣненіемъ и сомнительнымъ сномъ и кончая наиболѣе глубокимъ сомнамбулизмомъ.

Прибавлю, что послушность къ внушеніямъ и легкость вызывать различныя явленія не всегда находятся въ отношеніи съ глубиною сна. Одни спятъ чутко, отвѣчаютъ на вопросы, все вспоминаютъ по своему пробужденіи и со-всѣмъ тѣмъ контрактура, печувствительность, заданныя или сообщенныя автоматическія движенія, терапевтическія внушенія хорошо у нихъ удаются. Это сдѣлается легко понятнымъ, когда я буду говорить о внушеніи въ состояніи бодрствованія.

Другіе, наоборотъ, впадаютъ въ тяжелый, глубокий сонъ, абсолютно ничего не вспоминаютъ по своему пробужденіи. Въ то время, когда они спятъ, то какъ ихъ ни распрашивай, какъ ни тормоши ихъ вопросами, они остаются инертными. Внушенная катаlepsія трудно удается у нихъ; они только малое время сохраняютъ руки въ воздухѣ. Внушенія, дѣйствія, иллюзія, галлюцинація, заданныя на время пробужденія, не осуществляются; можно бы поэтому сказать, что они не находятся въ общеніи съ операторомъ. И однако достаточно сказать: «Проснитесь», чтобы они произвольно пробуждались — очевидное доказательство, что общеніе это существуетъ. У одного господина, съ виду инертнаго, сонъ котораго былъ такимъ, какой я только что описалъ, я вызвалъ непосредственныя терапевтическія дѣйствія при посредствѣ слуховаго внушенія: возвращеніе чувствительности, исчезновеніе болей, увеличеніе мускульной силы, измѣряемой динамометромъ, — доказательство, что, не смотря на кажущуюся свою инертность, онъ во время своего сна находился въ общеніи со мною.

Третьи, наконецъ, отвѣчаютъ на всѣ вопросы, говорятъ съ развязностью, кажутся, не смотря на раскрытые глаза, совершенно бодрствующими; они не способны, или мало способны,

каталептизироваться; нельзя у нихъ вызвать ни иллюзій, ни галлюцинацій, и однако, по пробужденіи, амнезія полная.

Каждый спящій имѣетъ, такъ сказать, свою индивидуальность, свою манеру быть исключительнымъ. Я просто хочу въ настоящій моментъ установить, что способность реализовать внушенныя явленія не всегда пропорціональна глубинѣ сна.

Пробужденіе можетъ совершаться произвольно. Субъекты, чутко спящіе при первомъ сеансѣ, имѣютъ иногда стремленіе пробуждаться вдругъ. Ихъ нужно держать подъ чарами, придерживая ихъ вѣки закрытыми и время отъ времени повторяя: «Спите.» Какъ скоро привычка ко сну приобретена организмомъ, загипнотизированный не пробуждается, если только гипнотизеръ находится подлѣ него. Нѣкоторые тотчасъ пробуждаются, какъ только перестаютъ чувствовать это вліяніе. Большая часть, предоставленная самой себѣ, продолжаетъ спать въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, полчаса, одного или нѣсколькихъ часовъ. Одну изъ больныхъ моихъ я оставилъ спать въ теченіи 15 часовъ, другого въ теченіи 18 часовъ.

Для полученія непосредственнаго пробужденія, я действую словеснымъ внушеніемъ, какъ и при полученіи сна. Я говорю: «кончено, проснитесь.» И этого слова, даже тихимъ голосомъ произнесеннаго, достаточно бываетъ для лицъ, ужъ нѣсколько разъ гипнотизированныхъ, чтобы вызвать непосредственное пробужденіе. У другихъ приходится повторять приказаніе: «глаза ваши открываются, вы пробуждаетесь.» Если это оказывается недостаточнымъ, то однократное или многократное дуновеніе на глаза вызываетъ пробужденіе. Никогда не являлась мнѣ надобность прибѣгать къ другимъ приемамъ, какъ, напр., къ обрызгиванію холодной водой; пробужденіе всегда получалось, какъ нельзя легче.

Иногда ничего болѣе страннаго не бываетъ, какъ это пробужденіе. Субъектъ въ глубокомъ снѣ; я его разспраши-

ваю, онъ мнѣ отвѣчаетъ; если онъ по природѣ своей боязливъ, онъ можетъ говорить съ развязностью. По серединѣ его бесѣды я вдругъ говорю: «Проснитесь», онъ открываетъ глаза и ничего изъ того, что происходило, не помнитъ; онъ не помнитъ ни того, что я говорилъ, ни того, что говорилъ онъ за десятую часть секунды, быть можетъ, передъ своимъ пробужденіемъ. Чтобы придать явленію болѣе поразительности, я бужу его иной разъ такимъ образомъ: «Считайте до 10; когда громко произнесете 10, вы проснетесь». Въ моментъ, когда онъ произнеситъ 10, глаза его открываются; онъ не помнитъ, что считалъ. Въ другой разъ я говорю ему: «Вы будете считать до 10; когда дойдете до 6, вы проснетесь, но будете продолжать считать до 10.» Дойдя въ своемъ счетѣ до цифры 6, онъ открываетъ глаза и продолжаетъ. Когда онъ кончилъ, я его спрашиваю: «Почему вы считаете?» Онъ не помнитъ, что считалъ. Много разъ повторялъ я этотъ опытъ надъ людьми весьма интеллигентными. У нѣкоторыхъ истеричныхъ слѣдуетъ дѣйствовать съ осторожностью, слѣдуетъ избѣгать касаться болѣзненныхъ точекъ, вызывать истеричныя зонае; ибо тогда можетъ наступить истерическій приступъ, гипнотическій сонъ можетъ уступить мѣсто истерическому сну и операторъ не будетъ больше въ общеніи съ субъектомъ. Тогда внушеніе остается безъ вліянія.

Нѣкоторыя лица по своемъ пробужденіи продолжаютъ оставаться сонными; достаточно тогда нѣсколько разъ провести руками поперегъ такимъ образомъ, чтобы взволновать воздухъ передъ ихъ глазами, и оцѣпенѣніе это исчезаетъ. Другіе жалуются на тяжесть въ головѣ, на тупую головную боль, на головокруженіе. Чтобы предотвратить эти различныя ощущенія, я говорю субъекту передъ его пробужденіемъ: «Вы проснетесь и придете въ себя: вы не будете чувствовать никакой тяжести въ головѣ; вы будете себя чувствовать совершенно хорошо,» и внушенное пробужденіе совершается безъ всякаго непріятнаго ощущенія.

Слѣдующая таблица, сообщенная г-ну Dimont'у г-мъ Liébeault'омъ, даетъ представленіе о пропорціи, въ какой относительно значительное число субъектовъ всякаго возраста, всякаго пола, всякаго темперамента распредѣляется по различнымъ категоріямъ сна.

1880 годъ. На 1014 лицъ, подвергнутыхъ гипнотизаціи.

Упорные	27
Сонливость, тяжесть	33
Легкій сонъ	100
Глубокій сонъ	460
Очень глубокий сонъ	232
Легкій сомнамбулизмъ	31
Глубокій сомнамбулизмъ	131

Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что г. Liébeault имѣлъ дѣло особенно съ юдьми изъ простаго народа, которые къ нему прибѣгаютъ съ цѣлью усыпяться; которые, убѣжденные въ его *магнетическія* ~~могущества~~ *могущества*, представляютъ большую мозговую порность. Быть можетъ число подвергшихся вліянію лицъ было бы меньше безъ этихъ благопріятныхъ и предрасполагающихъ обстоятельствъ; однако по своимъ личнымъ изслѣдованіямъ я могъ убѣдиться, что число упорныхъ лицъ составляетъ большое меньшинство. Часто приходится мнѣ съ перваго же сеанса вызвать гипнозъ у большихъ, приходящихъ въ мой кабинетъ и не имѣющихъ никакого понятія о томъ, что есть гипнотическій сонъ.

По этой статистикѣ и другой, обнимающей также промежутокъ времени одного года, составленной г. Liébeault'омъ и представленной г. Beaunis, пропорціи сомнамбулистовъ на 100 случайно взятыхъ субъектовъ можетъ быть разсматриваема, какъ 15—18.

Сомнамбулистами мы называемъ способныхъ къ гипнотизаціи субъектовъ, которые по пробужденіи своемъ не сохраняютъ воспоминанія о томъ, что происходило во время

ихъ сна. Мнѣ казалось, что эта пропорція могла бы быть замѣтно увеличена, если позаботиться сказать усыпленнымъ субъектамъ: «По пробужденіи вы ничего не будете помнить.» У извѣстнаго числа субъектовъ получается такимъ образомъ амнезія по внушенію.

Изъ той же статистической таблицы г-на Beaunis вытекаетъ, что отношеніе способныхъ къ гипнотизаціи субъектовъ почти то же самое у мужчинъ и у женщинъ, въ особенности, вопреки существующему мнѣнію, пропорція эта почти идентична по отношенію къ сомнамбулизму: 18,8 на 100 у мужчинъ; 19,4 на 100 у женщинъ.

Что касается до зависящихъ отъ возраста уклоновъ, то вотъ по той-же статистической таблицѣ, составленной г-мъ Beaunis, принимая для каждаго возраста соответственныя цифры: напримѣръ, сколько на 100 дѣтей отъ 1 до 7 лѣтъ приходится случаевъ сомнамбулизма, очень глубокаго сна и т. д. и такимъ образомъ послѣдовательно для каждаго возраста.

ВОЗРАСТЪ		Сомнамбулизмъ	Очень глубокий сонъ	Глубокий сонъ	Легкий сонъ	Сонливость	Не поддаются мнѣнію
До 7-ми лѣтъ		26,5	4,3	18,0	52,2	4,3	—
Отъ 7 до 14 лѣтъ		55,3	7,6	23,0	13,3	—	—
" 14 " 21 "		25,2	5,7	41,8	5,7	8,0	10,1
" 21 " 28 "		13,2	5,1	36,7	18,3	17,3	9,1
" 28 " 35 "		22,6	5,0	31,5	17,3	13,0	5,0
" 35 " 42 "		10,5	11,7	35,2	28,2	5,6	8,2
" 42 " 49 "		21,6	1,7	29,2	22,0	9,4	13,2
" 49 " 56 "		7,3	14,7	35,2	27,0	10,2	4,3
" 56 " 63 "		7,3	8,6	37,0	18,0	13,0	14,3
" 63 " и выше.		11,8	8,6	35,9	20,3	6,7	13,5

Что поражаетъ, говоритъ Beaunis, въ этой таблицѣ, это высокая пропорція сомнамбулистовъ въ дѣтствѣ и въ юности: (26,5 на 100 отъ 1 до 7 и 55,3 на 100 отъ 8 до 14

лѣтъ); отсюда также видно, что для этихъ двухъ періодовъ жизни всѣ безъ исключенія субъекты подверглись болѣе или менѣе вліянію. Въ старческомъ возрастѣ, наоборотъ, число сомнамбулистовъ уменьшается; но все таки держится еще на относительно высокой цифрѣ (отъ 7 до 11 на 100).

Глава II.

Явленія, установленныя во время гипнотическаго сна. — О чувствительности. — Анестезія самопроизвольная или внушенная. — Гипнотизмъ не можетъ замѣстить хлороформъ. — Измѣненія двигательной способности. — Внушенная катаlepsis — Обь автоматическихъ движенійхъ. — Обь подражательныхъ движенійхъ. — О внушенномъ параличѣ. — О сомнамбулизмѣ съ забвениемъ по пробужденіи. — Автоматическая покорность. — О чувственныхъ внушенійхъ. — О внушенныхъ галлюцинаціяхъ. — О внушеніи дѣйствій, чувственныхъ иллюзій, галлюцинацій на время, слѣдующее за пробужденіемъ. — Обь отрицательныхъ галлюцинаціяхъ. — О галлюцинаціяхъ на долгій срокъ.

Теперь я ограничусь бѣглымъ изученіемъ явленій, которыя открываются или которыя можно вызвать во время гипнотическаго сна. То глаза закрываются быстро, не медля; субъектъ падаетъ, подобно массѣ; то сонъ наступаетъ прогрессивно, вѣки тяжелѣютъ, мигаютъ, взглядъ туманится, глаза слезятся, открываются и закрываются попеременно, затѣмъ, наконецъ, окончательно закрываются. Закрытыя вѣки остаются неподвижными у однихъ; у другихъ, во всемъ продолженіи гипноза, они подергиваются вибраторной дрожью. Глазныя яблока сохраняютъ свое нормальное положеніе во время легкаго сна. Когда же послѣдній глубокъ, они часто, но не всегда, обращены вверхъ, зрачки спрятапы подъ верхнимъ вѣкомъ.

Нѣкоторые первыя субъекты представляютъ во время сна мускульныя подергиванія въ членахъ, фибриллярныя движенія въ лицѣ; большая часть инертна или дѣлается таковою по внушенію. Одни выполняютъ рефлекторныя движенія, чешутся, напрумѣръ, шевелятъ руками, мѣняютъ свое положеніе; другіе, наоборотъ, остаются безъ движенія.

Чувствительность, въ различныхъ своихъ видахъ, болѣе

или менѣе измѣнена; въ легкомъ снѣ чувствительность сохраняется: щекотаніе, уколъ булавкой, соприкосновеніе къ болѣзненной области производятъ рефлексъ и вызываютъ пробужденіе.

Въ глубокомъ снѣ чувствительность ослаблена или совершенно уничтожена. По Liébeault'у она начинаетъ исчезать по оконечностямъ и всегда периферія тѣла наиболѣе анестезирована. «При дальнѣйшемъ изслѣдованіи органовъ чувствъ замѣчается, что первыми притупляются оба закрытыя чувства: зрѣніе и вкусъ; затѣмъ идетъ обоняніе; слухъ и осязаніе исчезаютъ послѣдними. Когда прибѣгаютъ къ приему гипнотизеровъ (фиксацин предмета, пальцевъ или глазъ оператора), то глаза представляютъ чувства, которыя теряютъ свое свойство послѣ всѣхъ другихъ чувствъ; потому что, благодаря вниманію, которому усыпители ихъ подвергаютъ, эти органы вынуждены бодрствовать послѣдними.»

Если анестезія полная, то можно насквозь проколоть кожу булавкой, электризовать ее; можно ввести въ носъ постороннія тѣла, дѣйствовать на нихъ испареніями амміака, и субъекты не поморщатся. Эта полная анестезія можетъ развиваться самопроизвольно, однимъ дѣйствіемъ гипноза.

У другихъ субъектовъ она самопроизвольно не существуетъ; но ее можно развить болѣе или менѣе полно внушеніемъ. Вотъ загипнотизированный субъектъ: я колю его булавкой, онъ сильно реагируетъ; я откупориваю стлянку амміака передъ его носомъ, онъ сокращаетъ носъ и обнаруживаетъ полученное имъ впечатлѣніе. Тогда говорю я ему: «Вы ничего не чувствуете; все тѣло ваше нечувствительно; я васъ колю, а вы этого не чувствуете; я держу амміакъ предъ вашимъ носомъ, вы абсолютно ничего не замѣчаете.» У многихъ такимъ образомъ *по внушенію* появляется анестезія. Иной разъ въ извѣстной степени появляется одна только кожная анестезія, тогда какъ обонятельная и глазная слизистыя оболочки остаются неподатливыми внушенію.

Если у известнаго числа субъектовъ гипнотическая нечувствительность настолько совершенна, что допускаетъ производство наиболѣе трудныхъ хирургическихъ операцій, то этого нельзя сказать относительно болѣе части. Гипнотизмъ не можетъ быть возведенъ въ общую систему хирургической анестезіи; онъ не можетъ замѣнить собою хлороформъ. Прибавимъ, что тоскливая озабоченность, овладѣвающая умомъ больныхъ въ моментъ операціи, часто мѣшаетъ психическому сосредоточиванію, необходимому для развитія гипнотическаго состоянія.

Измѣненія движенія получаютъ чаще и легче, чѣмъ измѣненія чувствительности. Всѣ гипнотики, за исключеніемъ находящихся въ первой степени гипноза, способны подвергнуться *внушенной каталепсiи*.

Мы видѣли, что это явленіе обнаруживается съ разными видоизмѣненіями, смотря по формѣ и степени внушимости. Мозгъ реализируетъ внушеніе съ большимъ или меньшимъ сокращеніемъ или контрактурой. То *каталепсiя* является *дряблою*, если могу такъ выразиться: фиксированный въ воздухѣ членъ, при малѣйшемъ на него давленіи, снова опускается. То каталепсiя болѣе тверда, не будучи ригидной—*восковая каталепсiя*. Члены повируются при даваемомъ движеніямъ, послушно протягиваются, сгибаются, подобно мягкому воску (*flexibilitas cerea*); можно одинъ палецъ вытянуть, согнуть другіе, одно бедро согнуть, другое вытянуть, посадить больного, наклонить голову къ плечу, сообщить различнымъ частямъ тѣла самыя причудливыя положенія: они остаются, какъ бы застывшими, подобно суставчатому манекену, въ приданномъ положеніи; они безъ преувеличенія держатся даннаго движенія. То, наконецъ, каталепсiя является ригидной, сопровождается настоящей контрактурой, уничтожающейся только по внушенію. Я, примѣрно, перпендикулярно поднимаю руку, она остается неподвижной, контрактурованной. Если желаютъ ее опустить,

она оказываетъ опускающей ея рукѣ большое сопротивленіе; если преодолѣть это сопротивленіе и опустить членъ, онъ снова, подобно рессорѣ, принимаетъ первоначальное свое положеніе, — вертикальное въ воздухѣ. Это настоящая ригидная катаlepsія, которую я назову *тетанической катаlepsіей*. Какъ скоро субъектъ усыпленъ, я поднимаю его руки и ноги; они тотчасъ фиксируются, какъ-бы тетанизированные, въ сообщенномъ имъ положеніи. Эта окоченѣлость является гораздо большей въ верхнихъ, чѣмъ въ нижнихъ конечностяхъ. У нѣкоторыхъ субъектовъ все тѣло можетъ сдѣлаться неподвижнымъ и тетанизированнымъ на столько, что можно голову помѣстить на одномъ стулѣ, ноги на другомъ, а контрактура не прервется, даже при давленіи на тѣло.

Только внушеніемъ удастся всегда прекратить это тетаническое состояніе. Я говорю, «я могу опустить вашу руку и двигать ею, какъ хочу.» Тогда ригидность исчезаетъ, но катаlepsія, восковая или дряблая, продолжается, какъ въ предшествующихъ степеняхъ.

Словомъ, въ гипнотическомъ состояніи наблюдаются все формы, какія представляются въ патологическомъ состояніи; и если внимательно перечитать различныя наблюденія о самопроизвольной катаlepsіи, которыя публиковались, то не применешь убѣдиться, что многія въ дѣйствительности относятся къ случаямъ гипнотизма или самопроизвольнаго сомнамбулизма. Laségue, производя закрываніемъ глазъ у своихъ истеричныхъ искусственные катаlepsитическіе приступы, представляющіе спеціальныя признаки самопроизвольной катаlepsіи, не замѣтилъ, что его истеричные были въ дѣйствительности загипнотизированы: онъ производилъ внушенную катаlepsію.

У большей части гипнотизированныхъ, повторяю, не является вовсе необходимость къ формулированію внушенія, чтобы члены оставались катаlepsитированными. Психическое состояніе таково, что всякая мозгомъ воспринятая идея въ немъ

запечатлѣвается подобно тому, какъ членомъ удерживается всякое ему сообщенное положеніе. Это положеніе, приданное члену операторомъ, воспринимается мозгомъ субъекта, какъ отгаданное внушеніе; у него не хватаетъ достаточно мозговой инициативы, чтобы произвольно измѣнить созданное мускульное состояніе.

Различныя паталогическія состоянія, угнетая мозговую произвольность или вызывая психическое состояніе, аналогичное искусственно созданному гипнотизмомъ, могутъ реализовать каталептиформное состояніе. Много разъ я это наблюдалъ при брюшномъ тифѣ. Явленіе слѣдуетъ искать, чтобы найти его.

Приведу два случая. Въ первомъ дѣло шло о мужчинѣ 35 лѣтъ, страдавшемъ доброкачественнымъ брюшнымъ тифомъ, но осложненнымъ тяжелой липоманіей, съ 15-го до 35-го дня, когда лихорадка была уже на пути къ выздоровленію. Больной былъ неподвиженъ, нечувствителенъ ко всему, что вокругъ него происходило, отвѣчалъ на вопросы односложно, а то и впадалъ въ абсолютную пѣмоту. Глаза закрыты, зрачки спрятаны подъ верхними вѣками. Рефлексы сохранены, чувствительность замѣтно уменьшена. Больной, казалось, слышалъ вопросы, но не отвѣчалъ. Если на моментъ энергичными и повторными приказаніями пробуждали его, онъ открывалъ глаза, чтобы вскорѣ снова принять свою первоначальную неподвижность. Руки его неопредѣленное время сохраняли положеніе, которое имъ придавали, какъ въ внушенной каталепсїи, но безъ ригидности. Онъ неопредѣленное время оставался сидѣть, когда помѣщали его въ этомъ положенїи. Это состояніе наблюдалось въ теченїи шести дней; затѣмъ оно уступило мѣсто бреду, съ содроганїемъ, окоченѣлостью и дрожанїемъ членовъ; больной отказывался отъ принятїя пищи, явилась необходимость прибѣгать къ пищепроводному зонду: больной выздоровѣлъ.

Во второмъ случаѣ дѣло идетъ о летальномъ адинамическомъ брюшномъ тифѣ у одного италїанскаго каменщика

21 года, погибшаго на 11 день. Начиная съ 8 дня у больного появился полный упадокъ силъ, говорилъ мало, однако на вопросы онъ отвѣчалъ ясно, но медленно. Моча у него была задержана; катетризація не выводила его изъ инертнаго состоянія; между тѣмъ чувствительность была сохранена.

Глаза его открыты; онъ дѣлаетъ все, что ему говорятъ дѣлать, часто не произнося ни одного слова. Иногда, если его спросить о его имени, онъ произноситъ его тихимъ голосомъ. Если руку больного помѣстить въ воздухъ, онъ долго ее держитъ въ этомъ положеніи, какъ въ катаlepsii; тогда какъ лицо его, подобно лицу гипнотиковъ, хранитъ маску безучастія. Каково бы ни было придаваемое членамъ положеніе больной не имѣетъ достаточно интеллектуальной инициативы, чтобы ихъ вывести изъ этого положенія; если же только это продолжается долго, то они опускаются отъ усталости. Это каталептиформное состояніе верхнихъ конечностей продолжалось три дня, до тѣхъ поръ пока наступили крайнія припадки сердечной адинаміи.

Никогда каталептическое состояніе не наблюдается ни въ брюшномъ тифѣ, ни въ другихъ болѣзненныхъ состояніяхъ, чтобы не сопровождаться этой спеціальной, здѣсь господствующей, психической инертностью. Искусственная катаlepsia, точно такъ же, я думаю, какъ самопроизвольная катаlepsia, казалась мнѣ существенно психическаго происхожденія.

Слѣдующія явленія представляютъ тотъ же характеръ:

Я беру напримѣръ большой палецъ гипнотизированнаго и прикладываю его къ его носу; затѣмъ большой палецъ другой руки прикладываю къ мизинцу первой руки, на манеръ «выставленія носа»; гипнотикъ сохраняетъ это положеніе, а фizioномія его остается безучастной. Если я ему говорю: «Большой вашъ палецъ приклеенъ, вы не можете его отнять отъ носа, а мизинецъ приклеенъ къ другому большому пальцу. Употребите всю свою силу, чтобы ихъ разнять и вамъ это не удастся»; если я это ему го-

ворю, онъ истощается въ безплодныхъ усиліяхъ: большой палецъ остается инкрустованнымъ на носу, носъ слѣдуетъ за нимъ повсюду и не можетъ отъ него оторваться. Этотъ опытъ удается у большей части субъектовъ, достигшихъ второй и третьей степени сна.

Я закрываю ему руку и говорю: «Вы не можете открыть ее». Она остается контрактурованной, а иной разъ до такой степени, что ее невозможно открыть. Чѣмъ больше настаивать, чѣмъ больше подкрѣплять приказанія: «Ваша рука закрыта, никто не можетъ ее открыть», тѣмъ больше субъектъ съ силою сжимаетъ ее и сопротивляется дѣлаемымъ усиліямъ открыть ее.

Если, наоборотъ, я ее открываю и поддерживаю ее открытой въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній, то субъектъ догадывается, что этотъ актъ собою выражаетъ, что рука должна оставаться открытою; онъ произвольно ее открываетъ и сопротивляется усиліямъ закрыть ее. Можно тетанизировать челюстные мускулы, производить trismus, поддерживать челюсти раскрытыми; можно вызвать torticollis, opisthotonos, pleurosthotonos. Закрыты-ли глаза или открыты, производятъ-ли или не производятъ-ли фрикціи сокращенныхъ мускуловъ, явленіе совершается однимъ только дѣйствіемъ внушенія, т. е. идеей явленія, словомъ или попятнымъ жестомъ, доведенными до мозга индивида.

Никогда не удавалось мнѣ, въ полученномъ этимъ приемомъ гипнотизмѣ, вызвать при посредствѣ давленія на нервы, ничего не говоря ни самому субъекту, ни въ его присутствіи, сокращеніе мускуловъ, этимъ нервомъ иннервируемыхъ; напримѣръ, кубитальный или радіальный гриффъ, сохраненіе лица и пр.

Производство автоматическихъ движеній требуетъ, кажется степени гипнотизаціи болѣе глубокой, чѣмъ степень простой катаlepsis. У многихъ, однако, удается ихъ вызвать либо при первомъ сеансѣ, либо при одномъ изъ слѣ-

дующихъ. Если поднять у субъекта обѣ руки, вращать ихъ одну вокругъ другой, онъ продолжаетъ ихъ уже произвольно вращать или по приказанію. Одни вращаютъ медленно, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, дѣлая безплодные усилія остановить ихъ; другіе, спящіе болѣе глубоко, вращаютъ скоро, правильно, автоматически. Я говорю: «Употребите все ваше усиліе, чтобы остановить ихъ». Одни не могутъ сдѣлать никакого усилія; другіе-же бесполезно стараются, сближаютъ руки, трутъ ихъ одну о другую, не будучи въ состояніи затормозить это постоянное, непреодолимое движеніе, превосходящее остатокъ ихъ воли или силы сопротивленія. Если остановить одну руку, то другая можетъ продолжать вращаться одна; если-же снова отпустить пріостановленную руку, то она либо остается на мѣстѣ, если субъектъ предполагаетъ, что я имѣлъ намѣреніе остановить ее; либо, у другихъ, рука, подобно рессорѣ, возвращается къ другой и снова начинаетъ продѣлывать свое движеніе. Также точно, но гораздо рѣже, можно вызвать автоматическое движеніе ногъ.

У пныхъ, глубоко спящихъ, эти автоматическія движенія вызываются подражаніемъ. Я помѣщаюсь передъ однимъ изъ такихъ: я вращаю свои руки одну вокругъ другой, субъектъ вращаетъ ихъ такъ же, какъ я. Я мѣняю направленіе движенія, онъ мѣняетъ также. Я дѣлаю «нось», онъ поступаетъ также. Я качаю ногой, онъ качаетъ своей. Я ударяю ногой о землю, онъ также ударяетъ. Движеніе, которое я дѣлаю, внушаетъ его мозгу идею о томъ-же движеніи.

Я убѣдился, что то явленіе, которое магнетизеры охотно выдаютъ за явленіе месмеризма, т. е. магнетической жидкости, излучающей изъ моего тѣла подъ вліяніемъ моей воли и прямо дѣйствующей на магнетизируемаго, есть ничто иное, какъ явленіе внушенія. Ибо субъектъ видитъ сквозь худо прикрытыя вѣки или же слышитъ движеніе, которое я дѣлаю, и подражаетъ ему. Если я герметически

закрываю ему глаза, то раздражительныя движенія не выполняются имъ. Одинъ изъ моихъ сомнамбулистовъ, усиленный въ присутствіи моего коллеги, г. Charpentier, раздражалъ однако моимъ движеніямъ, не видя ихъ, такъ какъ для ихъ совершенія я помѣщался позади него. Я вращалъ руки: по исеченіи нѣкотораго времени онъ также сталъ вращать свои. Я шевелилъ ногою известнымъ образомъ: по истеченіи нѣкотораго времени онъ также сталъ шевелить своими ногами, не выполняя однако совершенно раздражаніе движенію, которое я дѣлалъ. Не было ли здѣсь какого вліянія флюидической жидкости? Задавалъ я себѣ этотъ вопросъ; мы не замедлили убѣдиться, что пацъ самнамбулистъ слышалъ движеніе моихъ рукъ, моихъ ногъ, и что идея раздражанія движенію передалась его мозгу путемъ слуховаго чувства, ибо, если я выполнялъ движеніе безъ шума, избѣгая всякаго тренія бывшей на мнѣ одежды, во время этой операціи, онъ оставался неподвижнымъ и оставлялъ меня одного продолжать свои движенія.

Прибавимъ, что гипнотизировавшійся нѣсколько разъ и подвергавшійся уже этимъ опытамъ выполняетъ ихъ быстрѣе и совершеннѣе. Часто достаточно бываетъ поднять обѣ его руки горизонтально, онъ отгадываетъ и вращаетъ ихъ одну вокругъ другой; достаточно слегка прикрыть его руку, онъ ее закрываетъ съ непреодолимой силой; онъ держитъ свою ооченьяную руку въ воздухѣ. У иныхъ контрактура такова, что съ трудомъ расслабляютъ ее и по данному имъ приказу.

И такъ, внушеніе вызываетъ контрактуру; оно также вызываетъ и параличъ. Я говорю субъекту: «Ваша рука парализована». Я ее приподнимаю: она инертной падаетъ; другая, которую я не парализовалъ, наоборотъ, остается каталептизированной въ воздухѣ. У однихъ внушеніе это скоро проходитъ; они забываютъ о немъ спустя нѣсколько минутъ; у другихъ оно долго продолжается. Вызываю такимъ образомъ у одного изъ моихъ больныхъ параличъ одной ру-

ки, каталептиформное состояніе другой, я оба члена опустил на кровать. Сдѣлавъ это внушеніе, я оставилъ его спать въ теченіи 40 минутъ; за тѣмъ, тихо приблизившись, я скоро приподнялъ обѣ его руки: одна осталась въ воздухѣ, другая упала назадъ. Внушенная идея продолжала существовать въ мозгу.

Параличи, вызванные такимъ образомъ внушеніемъ и которые можно также вызвать, какъ я это дальше покажу, въ состояніи бодрствованія, названы Charcot *экспериментальными психическими параличами* и приближаются къ параличамъ отъ воображенія—«dependent on idea» Russell-Reynolds'a. По P. Richet и Gilles изъ Tourette (*Progrès Médical*, 1884) эти внушенные параличи имѣютъ спеціальныя признаки, позволяющіе ихъ дифференцировать отъ другихъ, называемыхъ органическими параличами. Признаки эти суть: полная дряблость членовъ, значительное повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ, спинное дрожаніе, уничтоженіе мышечнаго чувства, увеличеніе или измѣненіе мускульныхъ подергиваній, вызываемыхъ гальваническимъ ударомъ, вазомоторныя разстройства.

Я не могъ подтвердить постоянное существованіе этихъ спеціальныхъ признаковъ; я видѣлъ во многихъ случаяхъ внушенныхъ параличей повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ, а спинное дрожаніе отсутствовало, мышечное же чувство сохранилось. Мнѣ казалось очевиднымъ, что эти внушенные психическіе параличи мѣняются въ характеръ, смотря по индивидуальной концепціи каждаго субъекта и смотря по способу внушенія: каждый выполняетъ его, какъ онъ его понимаетъ, какъ онъ его себѣ толкуетъ.

Всѣ эти явленія, а также и тѣ, которые мы еще изложимъ, показываютъ, что всѣ явленія такъ называемаго животнаго магнетизма суть ничто иное, какъ явленія внушенія: гипнотизмъ ставитъ мозгу субъекта въ такое состояніе, что внушенная мозгу идея запечатлѣвается въ немъ

съ бѣльшею или меньшею силою и вызываетъ соотвѣтствующій актъ нѣкотораго рода мозговымъ автоматизмомъ. Я не наблюдалъ у моихъ гипнотиковъ ни одного явленія, которое не могло бы толковаться такимъ образомъ и которое вызывалось бы вмѣшательствомъ какой-то флюидической жидкости, аналогичной магнитной или электрической силѣ, излучающейся изъ однихъ организмовъ, чтобы дѣйствовать на другіе. Изъ наблюдений вытекаетъ ученіе Braid'a или бредизмъ,—ученіе о внушеніи, въ противоположность ученію Месмера или месмеризма,—ученія о месмерической или магнетической жидкости.

Месмеристы, въ подтвержденіе теоріи флюиды, представляютъ, на примѣръ, слѣдующіе факты: если надъ членомъ, рукою или ногою, сдѣлать пассу, слегка касаясь частей, то мускулы, говорятъ они, сокращаются и членъ можетъ быть приподнятъ: это *месмеризующая пасса*. Если же теперь сдѣлать надъ членомъ пассу, не касаясь его, только приводя въ колебаніе воздухъ надъ нимъ, послѣдній снова опустится: это *демесмеризующая пасса*. —Приведемъ въ колебаніе воздухъ со стороны головы, послѣдняя слѣдуетъ за рукою оператора и поворачивается въ его сторону. Если пассу затѣмъ провести съ противоположной стороны, голова поворачивается въ другую сторону. Проведите скоро своею рукою надъ рукою субъекта и быстро отдерните ее; если вы это повторите нѣсколько разъ, рука можетъ приподняться и катаментизироваться. Очевидное доказательство, говорятъ месмеристы, что рука оператора притягиваетъ руку оперируемаго, подобно тому, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо.

Braid доказалъ, что въ сущности мы имѣемъ дѣло только съ явленіемъ внушенія; что никакая *флюида*, никакая магнетическая сила не вмѣшиваются. «Явленія совершаются внѣ воли оператора, лишь бы онъ показалъ жестомъ или прикосновеніемъ, толкуемымъ загипнотизированнымъ мозгомъ какъ желаніе котораго операторъ можетъ и не

имѣть. Тѣже самыя пассы, съ сопряженіемъ или безъ сопряженія къ члену, десмеризующія или семесмеризующія, употребляя выраженія магнетизеровъ, могутъ вызвать тоже явленіе: поднятіе или опусканіе руки. Движенія субъектовъ, вызванныя извѣстнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, инстинктивны и автоматичны: данное положеніе субъекта *естественно* наводитъ его на движеніе, указанное этимъ положеніемъ. Въ покоѣ находящаяся мышца—сокращается, сокращенная мышца—разслабляется подъ вліяніемъ одного и того же приема. Если впечатлѣніе испытываетъ кисть руки или вся рука, положенная на колѣно, эта рука опустится дальше не можетъ, она поднимается и кочепѣтъ. Тоже самое впечатлѣніе, если испытывается рукою, находящеюся въ воздухѣ, вызываетъ движеніе болѣе естественное — опусканіе члена. Помѣшайте подниманію и опусканію члена, и тоже самое впечатлѣніе вызоветъ движеніе члена въ бокъ.»

Присовокупимъ, что субъектъ, котораго заставили повторять нѣсколько разъ одинъ и тотъ же опытъ, или который его видѣлъ на другихъ, сохранилъ въ своей памяти движенія или мускульные акты, соответствующіе каждому впечатлѣнію: онъ дрессированъ, такъ сказать, и автоматически, одной cerebro-спинальной рефлексивностью, повторяетъ тѣже самыя акты, которые выполнятъ онъ видѣлъ, или которые онъ самъ выполнялъ на предъидущихъ сеансахъ.

Субъекты, на которыхъ гипнотизація производитъ болѣе глубокое вліяніе, впадаютъ въ состояніе, извѣстное подъ названіемъ сомнамбулизма: тогда открываются новыя явленія. Автоматизмъ является полнымъ: человѣческой организмъ дѣлается почти машиной, покорной волѣ оператора. Я говорю ему: «Встаньте»; онъ встаетъ. Одинъ встаетъ очень быстро, другой только медленно повинуется: машина лѣнива; приказаніе пуждается въ повелительномъ повтореніи. Я говорю: «Ходите»; онъ ходитъ. «Садитесь»; онъ садится.

Я говорю: «Вы не можете больше подвигаться впередъ, вы можете только пятиться»; онъ дѣлаетъ бесполезныя усп-

лія ступить впередъ, но пятится назадъ. «Вы не можете ни впередъ, ни назадъ идти»; онъ остается пригвожденнымъ къ мѣсту, не смотря на всѣ физическія усилія, которыя онъ дѣлаетъ, чтобы сойти съ мѣста. «Ноги ваши не могутъ васъ больше держать»; онъ падаетъ, какъ парализованный. «Одна только правая ваша нога парализована»; онъ влачитъ правую ногу. Я касаюсь его обѣими протянутыми руками и, дѣлая жестъ притянуть его къ себѣ, удаляюсь; онъ слѣдуетъ за мной повсюду, куда ни иду. Я приказываю ему танцевать; онъ танцуетъ и, точно застывая, останавливается по моему повелѣнію.

Общая чувствительность и различное чувствованіе могутъ быть измѣнены, повышены, уменьшены или извращены по желанію. Я ввожу ему въ ротъ соль, говоря, что это сахаръ; одни только несовершенно получаютъ это внутренне, чувствуя еще болѣе или менѣе отчетливо соленый вкусъ. Другіе, а они многочисленны, сосутъ соль съ наслажденіемъ и находятъ ее очень сладкой. Я заставляю, подъ видомъ вина, пить воду или уксусъ; подъ видомъ eau-de-Cologne вдыхать аммиакъ.

Я вызываю глухоту: субъектъ заявляетъ, что не слышитъ, ничего не отвѣчаетъ, не реагируетъ на самые оглушительные шумы. Я дѣлаю его нѣмымъ, заикой. Иллюзіи, самыя странныя, могутъ быть внушены: карандашъ во рту служить ему сигарой, ароматъ которой онъ съ наслажденіемъ вдыхаетъ; воображаемый дымъ отъ которой онъ кольцами пускаетъ въ воздухъ.

Въ дальнѣйшихъ степеняхъ гипнотизма всякія иллюзіи, всякія галлюцинаціи послѣдовательно выполняются съ удивительной точностью и готовностью.

Кромѣ того, всѣ заданные акты выполняются: гипнотикъ ходитъ и танцуетъ, по приказу, показываетъ кулакъ указаннымъ мною лицамъ, роется въ ихъ карманъ болѣе

или менѣе проворно, крадетъ, рѣшается на всякое насиліе, которое ему приказываютъ; причемъ, одинъ дѣйствуетъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, другой рѣшительно.

Сомнамбулисты могутъ писать, работать, заниматься музыкой, бесѣдовать между собой, и, видя ихъ дѣйствовать такимъ образомъ, съ закрытыми или открытыми глазами, какъ въ состояніи бодрствованія, можно бы поклѣяться, что они не спятъ. Чаще всего пассивные и инертные, когда ихъ предоставить самимъ себѣ, они становятся дѣятельными и подвижными подъ вліяніемъ внушенія.

Вотъ, къ примѣру, въ моемъ отдѣленіи женщина 55 лѣтъ, эконома, страдающая ревматическими болями, ничуть не истеричная. Я ее легко ввожу въ сомнамбулизмъ. Этотъ сомнамбулизмъ отличается пассивностью, если я ничего не говорю: она спитъ, расслаблена, спокойна. Я вызываю у нея убѣжденіемъ анестезію, катапленсію, контрактуру, галлюцинацію; я вывожу ее изъ ея состоянія пассивности. Я говорю ей: «Встаньте, вы излечены. Дѣлайте свою работу.» И вотъ она встаетъ, одѣвается, беретъ стулъ, взбирается на подоконникъ, открываетъ окно, погружаетъ свои руки въ кувшинъ съ тизаной, которую она принимаетъ за воду, назначенную для домашняго употребленія, и старательно начинаетъ мыть стекла съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ она дѣлаетъ свою кровать или подметаетъ паркетъ палаты метлою, которую ей подають. Пробужденная, она ничего не вспоминаетъ и думаетъ, что спокойно снала на стулѣ.

И это не исключительныя явленія. Диву даешься, если съ этой точки зрѣнія изслѣдовать самыхъ разнообразныхъ субъектовъ, различныхъ темпераментовъ, лежащихъ въ больничной палатѣ, при видѣ большаго числа изъ нихъ, выполняющаго эти явленія дѣйствительнаго сомнамбулизма. Иной разъ случается мнѣ имѣть въ палатѣ изъ 20 женщинъ трехъ или четырехъ, занимающихся ра-

ботой: одна вяжетъ, другая шьетъ, третья отыскиваетъ съ закрытыми глазами старое бѣлье и утюги, которыми она гладитъ бѣлье. Одни, способныя къ галлюцинаціямъ, совершаютъ свою работу съ воображаемыми домашними вещами: такая то, напримѣръ, беретъ простыню, загибаетъ край; затѣмъ, вдѣвъ нитку въ фиктивную иглу и надѣвъ фиктивный наперстокъ, съ точностью выполняетъ всѣ движенія, требующіяся для рубца, шагъ за шагомъ, не ошибаясь. Все это совершается по внушенію съ закрытыми или открытыми глазами; воспоминапіе же обо всемъ по пробужденіи исчезаетъ.

Чтобы точнѣе показать характеръ сомнамбулистовъ и тѣ сложныя проявленія, которыя они могутъ реализовать, я дальше приведу нѣкоторыя наблюденія, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ всѣ описанія, которыя я могъ бы сдѣлать.

Но раньше я хочу обратить вниманіе на одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій сомнамбулизма. Я хочу сказать о возможности создать у сомнамбулиста внушенные акты, чувственыя иллюзіи, галлюцинаціи, которыя проявятся не во время сна, но по пробужденіи: субъектъ слышитъ то, что я сказалъ ему во время сна, но онъ не сохраняетъ никакого воспоминанія о томъ, что я ему сказалъ; онъ не знаетъ, что я съ нимъ говорилъ. Внушенная идея представляется въ его мозгу по пробужденіи. Онъ забылъ о ея происхожденіи и приписываетъ ее своей волѣ. Явленія этого рода констатированы были А. Bertrand'омъ, генераломъ Noizet, докторомъ Liébeault, Charles Richet. Я съ успѣхомъ повторялъ ихъ громадное число разъ надъ многими гипнотиками и убѣдился въ ихъ достовѣрности.

Вотъ *внушеніе актовъ*: я преднамѣренно выбралъ наиболѣе причудливыя, чтобы придать опыту болѣе убѣдительности.

Одному изъ моихъ большихъ, D..., я внушилъ во время его сна, что по пробужденіи своемъ онъ постретъ себя

больную ногу и бедро, затѣмъ встанетъ съ постели, подойдетъ къ огню и снова вернется въ постель. Все это онъ продѣлалъ, не подозрѣвая, что это было ему внушено во время сна.

Sch... я внушилъ однажды надѣть мою шляпу себѣ на голову, принести мнѣ ее въ сосѣдную комнату и надѣть ее мнѣ на голову. Все это онъ сдѣлалъ, не отдавая себѣ отчета почему.

Въ другой разъ, въ присутствіи моего коллеги г. Charpentier, я внушаю ему въ началѣ его сна, что какъ только онъ проснется, онъ возьметъ лежащій на его кровати зонтикъ моего коллеги, откроетъ его, выйдетъ гулять на прилегающую къ палатѣ галерею, которую обойдетъ 2 раза. Долго спустя я его бужу и, прежде чѣмъ онъ открылъ глаза, мы быстро выходимъ, чтобы своимъ присутствіемъ не напомнить ему о внушеніи. Вскорѣ мы видимъ, приходитъ онъ, съ зонтикомъ въ рукѣ, не открытымъ (несмотря на внушеніе) и 2 раза обходитъ галерею. Я спрашиваю его: «Что вы дѣлаете?» Онъ отвѣчаетъ: «Дышу воздухомъ». — Почему, развѣ вамъ жарко? — Нѣтъ, мнѣ иной разъ приходитъ идея прогуляться. — Но что значитъ этотъ зонтикъ? Вѣдь онъ принадлежитъ г ну Charpentier. — Смотри, а я думалъ, что это мой, онъ на него похожъ. Я его отнесу, гдѣ его взялъ.

Иногда самъ субъектъ отыскиваетъ причины идеямъ, которыя находятъ въ своемъ мозгу. Однажды, когда я внушилъ тому же самому, что по своемъ пробужденіи онъ подойдетъ къ означенному больному той же палаты справиться о его здоровьи, онъ вскорѣ былъ разбуженъ. И когда я его спросилъ, зачѣмъ онъ къ нему ходилъ, развѣ онъ особенно имъ интересуется? «Нѣтъ, говоритъ онъ, это идея.» Потомъ, послѣ размышленія: «Онъ не давалъ намъ спать прошлую ночь.» Такимъ образомъ онъ старался самому себѣ

объяснить свою идею желаніемъ узнать, дастъ ли ему больной спать эту ночь.

Въ другой разъ я ему внушилъ, что тотчасъ по пробужденіи онъ вложить въ ротъ оба большіе пальцы, что и сдѣлалъ: эту надобность онъ относилъ къ болѣзненному ощущенію въ языкѣ, обязанному укушенію, который онъ наканунѣ получилъ во время каталептиформнаго припадка.

Сі... я внушаю въ 11 часовъ утра, что въ 1 часъ по полудни у него появится желаніе, которому онъ не будетъ въ состояніи воспротивиться: пройти вдоль всю улицу Stanislas въ обѣ стороны 2 раза. Въ часъ, я вижу, выходитъ онъ на улицу, проходитъ ее съ одного конца до другаго, потомъ возвращается въ обратномъ направленіи, останавливаясь, подобно фланеру, предъ витринами. Но онъ не совершаетъ этой прогулки во второй разъ, потому ли, что онъ не понималъ этой части даннаго приказанія, либо потому, что онъ тому воспротивился. Въ другой разъ я ему внушилъ, что въ тотъ же часъ онъ пойдетъ начертаннымъ мною путемъ на площадь Академіи до кіоска, гдѣ купить номеръ Petit Journal и затѣмъ воротится домой другой дорогой. Въ назначенный часъ онъ отправился назначенной дорогой къ кіоску, купилъ тамъ свой Petit Journal и воротился домой, но другимъ путемъ.

Одному бѣдному мальчику, одержимому *insufficiencia aortae*, я внушилъ, что по пробужденіи своемъ, по истеченіи пяти минутъ, онъ у изголовья своего возьметъ книгу и станетъ читать страницу 100. Четверть часа спустя послѣ этого внушенія, я его бужу и удаляюсь. Спустя 3 минуты, точное знаніе времени у него отсутствовало, я издали вижу, какъ онъ беретъ свою книгу и читаетъ; приближаюсь: страница 100. «Почему вы читаете эту страницу?» говорю я ему. «Не знаю, отвѣтилъ онъ, я часто читаю наугадъ.»

Аналогичныя внушенія я повторялъ у большаго числа

субъектовъ. Вотъ, для примѣра, два опыта этого рода, которые, мнѣ кажется, представляютъ особенный интересъ съ психологической точки зрѣнія. X... — старый морякъ, старый желѣзно-дорожный чиновникъ, 51 года, страдающій хроническимъ сочленовнымъ ревматизмомъ колѣнь съ сведеніемъ конечностей *en flexion*. Это человекъ интеллигентный, положительный, довольно образованный, ничуть не первый, отнюдь не легковѣрный. Когда я ему предложилъ гипнотизироваться, онъ утверждалъ, что это мнѣ никогда не удастся. Я попробовалъ и на первомъ сеансѣ вызвалъ у него закрываніе глазъ; онъ заявилъ, что не спалъ.

При второмъ сеансѣ я достигъ внушенной катаlepsii; со всѣмъ тѣмъ онъ заявилъ, что не спалъ, руки же онъ держалъ въ воздухѣ, потому-де, что онъ такъ хотѣлъ, изъ простаго угожденія. Мнѣ нужно было снова усыпить его и пообѣщать съ нимъ объ закладъ, что онъ не измѣнитъ различныхъ положеній, приданныхъ его членамъ, чтобы при пробужденіи онъ сознался, что дѣйствительно находился подъ вліяніемъ гипноза. Нѣсколькими днями позже, найдя его естественно спящимъ, я тихо къ нему приближаюсь и, говоря: «Продолжайте спать, не просыпайтесь», я прикладываю свою руку къ его лбу въ теченіи двухъ минутъ; затѣмъ поднимаю его руку, она остается во внушенной катаlepsii. Естественный сонъ перешелъ въ сонъ гипнотическій; иначе говоря, я могъ общаться съ нимъ при посредствѣ слуховаго органа во время его сна. По пробужденіи онъ не помнилъ ни того, что я говорилъ съ нимъ, ни того, что я его касался.

Съ того времени, т. е. начиная съ пятого или шестаго сеанса, я его ввожу въ глубокой сонъ безъ воспоминанія по пробужденіи; я произвожу у него въ состояніи бодрствованія катаlepsію и автоматическія движенія; онъ способенъ къ сложнымъ *post*— гипнотическимъ галлюцинаціямъ; можно ему внушить во время сна акты и идеи, которые онъ вы-

полняетъ или формулируетъ по пробужденіи своемъ, считая ихъ возникающими подъ вліяніемъ своей интеллектуальной инициативы. Я приведу только слѣдующее интересное съ психологической точки зрѣнія внушеніе. Загипнотизировавъ его, я вижу руководство химіи у изголовья его кровати: «Вотъ химія, говорю я ему; когда вы проснетесь, у васъ явится идея прочитать въ ней главу: «Золото.» Вы отыщете ее по оглавленію; вы прочтете эту главу. Тогда вы, обратившись ко мнѣ, скажете: «Золото! Если бы его у меня было, я бы вамъ много его далъ, въ благодарность за ваши обо мнѣ заботы. Къ несчастью, у меня его нѣтъ. Ни на морской службѣ, ни на желѣзнодорожной золота не зарабатываютъ.—Идея эта появится у васъ при чтеніи.»

По истеченіи полчаса, разбудивъ его, я удаляюсь и издали продолжаю наблюдать за имъ. Вижу, онъ ищетъ свой футляръ, извлекаетъ изъ него очки, надѣваетъ ихъ, беретъ книгу, перелистываетъ ее около 5 минутъ, находитъ, читаетъ. Я приближаюсь: статья о золотѣ. «Почему читаете вы эту статью?» говорю я ему. — «Это идея» отвѣчаетъ онъ мнѣ, и продолжаетъ читать. Спустя нѣсколько минутъ, онъ смотритъ на меня. «Золото», говоритъ онъ, «если бы его было у меня, я васъ бы отблагодарилъ хорошо; но, его у меня нѣтъ.» Онъ снова принимается за чтеніе и, спустя нѣсколько времени, прибавляетъ: «Желѣзнодорожное Общество не обогащаетъ своихъ служащихъ.» Затѣмъ безъ аффектаціи снова продолжаетъ читать. Онъ былъ весьма удивленъ, узнавъ, что выраженная имъ идея была мною внушена его мозгу.

Х... счетоводъ, 47 лѣтъ, человекъ интеллигентный, вполне положительный, страдаетъ писчей судорогой, отнюдь не нервный. Терапевтическое о немъ наблюденіе представлено будетъ дальше. Въ первый разъ, какъ я его усыпилъ, онъ былъ въ третьей степени: внушенная катаlepsia, автоматическія движенія, сохраненіе воспоминанія по про-

бужденіи. Сомнѣніе оставалось въ его умѣ, какъ у всѣхъ тѣхъ, у которыхъ воспоминаніе сохраняется; онъ не узналъ, спалъ ли онъ дѣйствительно, и спросилъ меня, слѣдуетъ ли ему продолжать держать руки въ воздухѣ: онъ дѣйствительно думалъ, что это дѣлалъ изъ угожденія. Между тѣмъ онъ бесспорно находился подъ вліяніемъ, ибо на слѣдующемъ сеансѣ я его ввелъ въ глубокій сонъ, безъ воспоминанія по пробужденіи. Только тогда онъ сознался, что спалъ.

Однажды, во время его сна, я ему внушаю слѣдующій актъ: «По вашемъ пробужденіи вы подойдете къ моему бюро и на листѣ бумаги напишете: «Я спалъ очень хорошо и ничего не помню. Вы подпишете свое имя и поставите возлѣ него крестъ.»

Четверть часа спустя я его бужу. Онъ идетъ къ бюро, ишетъ фразу, которую я начерталъ въ его мозгу, подписывается и ставитъ крестъ возлѣ своего имени. «Что означаетъ этотъ крестъ?» говорю я ему.—Смотри! отвѣтилъ онъ, ей, -ей не знаю. Я его сдѣлалъ, не подозрѣвая этого.» На другой день я заставилъ его написать другую фразу съ двумя крестами возлѣ имени; на третій день я заставилъ его написать свое имя со звѣздочкой въ концѣ. Въ слѣдующій за тѣмъ день я внушаю ему во время сна: «По пробужденіи своемъ вы напишете: «въ вашемъ отсутствіи я пойду къ г-ну Liébeault'у» и подпишетесь; только вы ошибетесь: вмѣсто того, чтобы подписать свое имя: Н..., вы подпишете мое: Veinheim. Тогда вы увидите свою ошибку, сотрете мое имя и подпишете свое.» По своемъ пробужденіи онъ такъ и сдѣлалъ и казался очень смущеннымъ своей ошибкой; извинялся передо мною, не подозрѣвая, что отвѣтственность въ его ошибкѣ не на него падаетъ, что я дѣствовалъ на него.

Повторяю: это человѣкъ интеллигентный, не истеричный, не нервный, воображеніе его спокойно; — это не большой умъ. Я настаиваю на это, такъ какъ нѣкоторыя лица, недостаточно знакомыя съ этимъ вопросомъ, продолжаютъ до-

пускать, что только невропаты способны впадать въ сомнамбулизмъ.

«Способъ, которымъ внушенія устанавливаются у субъектовъ, говоритъ Beaunis, даетъ драгоценныя свѣдѣнія о состоянїи воли въ сомнамбулизмѣ. Ничего нѣтъ любопытнѣе, съ психологической точки зрѣнїя, какъ слѣдить за возникновенїемъ и развитїемъ на ихъ физіономїи внушенной имъ идеи. По среди, на примѣръ, обыденной бесѣды, никакого отношенїя съ внушенїемъ не имѣющей, гипнотизаторъ, предупрежденный и наблюдающій за своимъ субъектомъ, вдругъ схватываетъ въ данный моментъ какъ бы нѣкотораго рода задержку въ мысли, какъ бы внутреннїй толчекъ, обнаруживающійся незамѣтнымъ знакомъ, взглядомъ, жестомъ, складкою на лицѣ; бесѣда за тѣмъ ведется опять, но идея, еще слабая и неопредѣленная, снова возобновляется; замѣчается нѣкоторое изумленїе во взглядѣ; замѣчается, что нѣчто неожиданное, подобно молнии, пробѣгаетъ порою въ умѣ его; вкорѣ мало по малу идея растетъ, все болѣе и болѣе овладѣваетъ умомъ; борьба начинается; глаза, жесты—все говорить, все обнаруживаетъ внутреннюю борьбу; слѣдишь за колебанїемъ мысли: субъектъ слышитъ еще бесѣду, но неопредѣленно, машинально; онъ въ другомъ мѣстѣ; все существо его въ погонѣ за неотвязчивой идеей, которая все болѣе и болѣе вкореняется въ его мозгу; наконецъ моментъ наступаетъ, исчезаетъ всякое колебанїе, фигура принимаетъ замѣчательный характеръ рѣшительности: субъектъ встаетъ и выполняетъ внушенный актъ.»

«Эта внутренняя борьба болѣе или менѣе долгая, болѣе или менѣе сильная, смотря по характеру внушенной идеи и въ особенности, смотря по самому состоянїю сомнамбулиста. Когда субъектъ часто гипнотизировался и въ особенности, когда это дѣлалось однимъ и тѣмъ же лицомъ, это лицо приобретаетъ надъ нимъ такую власть, что самые эксцентричныя, самые тяжелыя, даже самыя опасныя акты выполняются

безъ видимой борьбы и безъ замѣтной попытки къ сопротивленію.» Я могу только присоединиться къ этимъ наблюденіямъ моего коллеги.

Дѣйствие внушенія post-гипнотическихъ актовъ не неизбежно абсолютно: нѣкоторые субъекты ему сопротивляются. Желаніе совершить приказанный актъ болѣе или менѣе настоятельно; но они ему въ известной мѣрѣ сопротивляются.

Вотъ нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе полного сопротивленія.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ замѣчается борьба, видно колебаніе субъекта, пока наконецъ внушеніе окончательно не овладѣваетъ имъ.

Молодая пестричная дѣвушка была представлена г-нѣ Dumont'омъ медицинскому Обществу. Во время ея вызваннаго сна ей приказываютъ взять по пробужденіи своемъ цилиндрическое стекло, окружающее газовый рожокъ надъ столомъ, положить его къ себѣ въ карманъ и, уходя, унести съ собою. Пробужденная она боязливо направляется къ столу, кажется смущенной при видѣ всѣхъ устремленныхъ на нее взоровъ, потомъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, взбирается колѣнями на столъ. Она остается на немъ около двухъ минутъ, весьма стыдясь своего положенія, попеременно смотритъ то на окружающія ее лица, то на предметъ, которымъ она должна завладѣть; протягиваетъ руку, отдергиваетъ ее назадъ и вдругъ снимаетъ стекло, кладетъ его въ карманъ и быстро удаляется. Она соглашается возвратитъ предметъ только по выходѣ изъ залы.

D... я внушаю обойти, по пробужденіи своемъ, 3 раза комнату; онъ обходитъ ее одинъ только разъ.

Молодому G... я внушаю, что, по пробужденіи своемъ, онъ станетъ ногами на столъ. Пробужденный, онъ смотритъ на столъ, но не взбирается на него. Желаніе это сдѣлать у него безъ сомнѣнія существовало; но уваженіе къ присут-

ствующимъ лицамъ придаю ему силы взять верхъ надъ этимъ желаніемъ.

S... я однажды внушилъ, что по пробужденіи онъ увидитъ позади себя, на мебели, серебрянную ложку и возьметъ ее себѣ въ карманъ. Пробужденный, онъ не обернулся и не видѣлъ ложки. Но на столѣ передъ нимъ лежали часы. Я внушилъ ему, кромѣ того, отрицательную галлюцинацію, что онъ никого не увидитъ въ комнатѣ и будетъ совершенно одинъ, что и случилось: идея о внушенной кражѣ ложки представилась въ его мозгу относительно часовъ. Онъ на нихъ посмотрѣлъ, прикоснулся къ нимъ, потомъ сказалъ: «Нѣтъ, это воровство», и оставилъ ихъ. Если внушеніе о кражѣ ложки было-бы ему повторено съ силою и повелительно приказомъ, то я не сомнѣваюсь, что онъ взялъ-бы ее.

Когда это было уже мною описано, мнѣ представился случай снова гипнотизировать S... и я сдѣлалъ ему тоже самое внушеніе, но болѣе повелительно: «Вы положите ложку къ себѣ въ карманъ: вы иначе поступить не сможете.» По пробужденіи онъ увидѣлъ ложку, мгновенно колебался, потомъ сказалъ: «Ей, ей, тѣмъ хуже!» и положилъ ее въ карманъ.

Другая истеричная молодая дѣвушка изъ моего отдѣленія способна, во время вызваннаго у нея сна, къ внушеніямъ, на время бодрствованія, иллюзіямъ и галлюцинаціямъ; она не всегда выполняетъ внушенные акты. Я ей говорю, напримѣръ. «По пробужденіи вы 2 раза обойдете комнату, или же вы прочтете въ этой книгѣ молитвы». Она пробуждается, иной разъ повинуется, но часто не повинуется приказанію. Идея о выполненіи въ ея мозгу существуетъ, но, по духу ли противорѣчя, или, не знаю, по какому ложному стыду, она сопротивляется ей. Я ей говорю: «Я знаю о чемъ вы думаете: у васъ есть желаніе прочитать молитву или обойти вокругъ комнаты». Она кажется весьма удив-

ленной, что я отгадываю ея тайную мысль, и думаетъ, что я могу читать внутри ея.

Странная вещь! внушеніе актовъ можетъ быть сдѣлано не только на время, непосредственно слѣдующее за сномъ, но и на будущее болѣе или менѣе отдаленное время. Одинъ самнамбулистъ, которому во время его сна предсказано было, что въ такой-то день, въ такой-то часъ онъ придетъ, онъ ничего не помня по пробужденіи о предсказаніи, пришелъ почти точно въ назначенные день и часъ. S... я приказалъ, что онъ посѣтитъ меня по истеченіи 13 дней, въ 10 часовъ утра. Разбуженный онъ ничего не помнилъ. На тринадцатый день, въ 10 часовъ утра, онъ явился, сдѣлавъ для этого отъ своего дома до госпиталя 3 километра. Ночь провелъ онъ въ работѣ на желѣзодѣлательномъ заводѣ, легъ спать въ 6 часовъ утра, а въ 9 часовъ проснулся съ мыслью, что онъ долженъ посѣтить меня въ госпиталѣ. Идея этой, сказалъ онъ мнѣ, онъ не имѣлъ во всѣ предшествующіе дни; онъ не зналъ, что долженъ придти ко мнѣ; идея эта явилась у него только въ моментъ, когда онъ долженъ былъ ее выполнить.

Такимъ образомъ внушеніе можетъ бессознательно оставаться въ мозгу, въ который оно было вложено во время сна, и обнаруживается только въ заранѣе назначенный для его осуществленія день. Нужны дальнѣйшія изслѣдованія для выясненія этого любопытнаго психологическаго явленія, для опредѣленія, сколько времени гипнотическое внушеніе можетъ такимъ образомъ, по приказу, оставаться скрытымъ, прежде чѣмъ осуществиться. Само собою разумѣется, что не всѣ самнамбулисты способны къ внушеніямъ на такой долгій срокъ.

Я говорилъ до сихъ поръ о внушеніи актовъ. Перехожу теперь къ *чувственно-чувствительнымъ внушеніямъ*. Иллюзіи чувствъ и чувствительности могутъ быть внушены большей части самнамбулистовъ. Я говорю имъ: «По про-

бужденіи своемъ вы почувствуете опѣмѣніе въ ногѣ, судорогу въ икрѣ, сильную зубную боль, зудъ въ волосистой части головы», и эти разнообразныя ощущенія неизмѣнно являются у всѣхъ, или почти у всѣхъ, глубоко спящихъ. Одинъ большой, одержимый *insufficiencia aortae*, которому я внушилъ чесотку въ волосистой части головы, съ силою чешется, не постигая, откуда это во время сна онъ попалъ эту гадость. Одинъ фтизикъ, у котораго я вызвалъ это самое ощущеніе, взялъ гребень и сильно чесалъ свои волосы сзади на передъ, чтобы очистить голову отъ воображаемыхъ вшей.

Самыя разнообразныя ощущенія могутъ реализироваться съ поразительной вѣрностью: жажда съ потребностью разомъ выпить 3 стакана воды; голодъ съ потребностью немедленнаго удовлетворенія пищей; потребность выпустить мочу или выйти на низъ по пробужденіи. Такой то чувствуетъ, самъ не зная почему, покалываніе въ носу и чихаетъ 5 или 6 разъ въ рядъ; такой-то много разъ зѣваетъ по гипнотическому внушенію; третій видитъ предметы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ въ зеленомъ цвѣтѣ и т. д.; словомъ, всякія чувственныя иллюзіи, внушенныя во время сна, у многихъ, спящихъ глубоко, по пробужденіи реализуются; субъектъ не можетъ избѣгнуть ихъ.

Слѣдующій опытъ, который я нѣсколько разъ повторялъ, показываетъ, что внушеніе дѣйствуетъ во время сна, создавая *внушенный чувственный образъ*; не сформулированное слово, а идея, заключающаяся въ этомъ словѣ, удерживается мозгомъ. Одному весьма интеллигентному и ничуть не первому нѣмовѣку, высокаго общественнаго положенія, я говорю, предварительно усыпивъ его: «По пробужденіи вы почувствуете очень сильный запахъ Eau de Cologne: я его выливаю на ваше платье цѣлую стеклянку.» Когда я его разбудилъ, онъ фыркнулъ нѣсколько разъ и сказалъ мнѣ: «Я слышу у васъ запахъ». — «Какой запахъ?

говорю я ему; я ничего не слышу, у меня насморкъ.» — «Это какъ будто уксусъ, сказалъ онъ; не выли-ли вы стеклянку уксуса на огонь?» Я ему отвѣчаю: «Нѣтъ! да и запаха нѣтъ; я только объ этомъ внушилъ вамъ во время сна; но не запахъ уксуса. Подумайте хорошенько, что это такое.» — Я затрудняюсь сказать. Какъ будто уксусъ. — «Это Eau de Cologne». — «Это точно нѣчто въ родѣ этого, но я не узналъ Eau de Cologne». — «Теперь, когда вы ужь знаете, что это просто внушеніе, а не дѣйствительность, чувствуете ли еще этотъ запахъ?» Онъ приблизилъ руку къ носу и сказалъ мнѣ: «Это курьезно, я чувствую его еще очень хорошо». Такимъ образомъ слово: «Eau de Cologne» не было воспринято; а такъ какъ внушенное обонятельное представленіе не точно обозначилось въ мозгу у лица, не имѣвшаго обыкновенія часто имъ пользоваться, то обонятельный центръ вызвалъ аналогичный запахъ, напоминающій худо опредѣленный запахъ уксуса.

Приведемъ въ подтвержденіе этой идеи еще слѣдующій фактъ.

Одному больному изъ моего отдѣленія, одержимому сердечнымъ страданіемъ, я говорю во время искусственного сна: «По пробужденіи своемъ вы возьмете книгу, которая на вашемъ ночномъ столикѣ; откроете страницу 56; тамъ вы увидите вашъ портретъ, весьма хорошо выполненный.»

По пробужденіи, я вижу, онъ беретъ эту книгу. «Что такое вы ищете?» говорю я ему. — «Я ищу исторію, которую я вчера началъ; я полагаю, что остановился на страницѣ 56.» — «Должны ли вы кое что особенное встрѣтить на этой страницѣ?» — «Нѣтъ, это продолженіе исторіи!» Онъ ищетъ страницу и, отыскавъ ее, кажется удивленнымъ. «Смотри, что это такое? портретъ!» Онъ смотритъ нѣсколько мгновений, потомъ только узнаетъ себя: «Это я!» Онъ не зналъ, отыскивая страницу, что долженъ найти свой портретъ: онъ не тотчасъ узналъ себя въ этомъ портретѣ.

Галлюцинаціи, такимъ образомъ вызванныя, могутъ быть ясны, какъ дѣйствительность; субъектъ, даже зная, что это галлюцинація, не можетъ отъ нея отдѣлаться. Въ этомъ можно себѣ дать отчетъ, когда оперируютъ надъ очень интеллигентными лицами. Недавно я усыпилъ одну молодую дѣвушку замѣчательной интеллигенціи, положительнаго ума, нисколько не истеричная, и за искренность которой могу поручиться. По ея пробужденіи я ей показывалъ фиктивную розу. Она ее видитъ, трогаетъ ее, чувствуетъ ея запахъ; описываетъ ее мнѣ. Потомъ, зная, что я могъ сдѣлать ей объ этомъ внушеніе, она спрашиваетъ меня, дѣйствительная ли эта роза, или воображаемая. «Для меня абсолютно невозможно, говоритъ она, различить это.» Я ей говорю, что воображаемая. Она въ этомъ убѣждена и, не смотря на это, она увѣряетъ, что никакимъ усиленіемъ воли не можетъ заставить ее исчезнуть. «Я продолжаю», говоритъ она, «видѣть ее, касаться ея, положительно, какъ если бы она была натуральная; вы поставьте на ея мѣсто или возлѣ нея дѣйствительную розу, я не съумѣю ихъ различить.» Я ей показываю ее еще въ теченіи 10 минутъ; она ее вертитъ, переставляетъ ее и проч.; она вполнѣ бодрствуетъ, хладнокровно разбираетъ это явленіе. Затѣмъ я ей говорю: «Посмотрите на нее въ послѣдній разъ, она скоро испарится.» Тогда она видитъ, какъ эта роза дѣлается менѣе отчетливой, туманной и нечувствительно исчезаетъ.

Другіе субъекты не реализируютъ такъ хорошо эти чувственные образы; послѣдніе не такъ ясны, не такъ отчетливы; галлюцинація не полна, слаба; но при слѣдующихъ сеансахъ галлюцинація иногда выступаетъ лучше.

Третьи наконецъ, менѣе внушимые, вспоминаютъ по пробужденіи, что они должны видѣть, чувствовать, слышать то, что имъ было внушено: музыку, напримѣръ; но галлюцинація не вызывается: они ее не получаютъ. Дальше приведемъ тому примѣры.

Еще нѣсколько словъ объ этомъ внушеніи простыхъ или сложныхъ галлюцинацій. Глубокій сомнамбулизмъ часто отличается возможностью вызвать по пробужденіи галлюцинацію, въ которыхъ участіе принять могутъ одно или нѣсколько чувствъ:

Я внушаю С1... во время его сна, что онъ, по пробужденіи своемъ, увидитъ г. St..., присутствующаго собрата, побритымъ съ одной только стороны и съ огромнымъ серебрянымъ носомъ. Пробужденный, онъ, случайно обративъ глаза на нашего собрата, раздражается взрывомъ хохота: «Вы, должно быть, держали пари, что побриты съ одной стороны! А носъ-то! Не состояли ли вы въ инвалидахъ?»

Въ другой разъ я ему внушаю въ палатѣ больныхъ, что въ каждой кровати, вмѣсто больныхъ, онъ увидитъ по большой собакѣ; и удивился же онъ, увидя себя, по пробужденіи, въ больницѣ собакъ.

Однажды, когда онъ мнѣ сообщилъ, что былъ обиженъ женой своего хозяина, я ему внушилъ, что по пробужденіи своемъ онъ увидитъ входящимъ въ палату ея мужа и сдѣлаетъ ему предостереженіе за поступки его жены; потомъ, спустя пять минутъ послѣ этихъ энергичныхъ предостереженій, онъ пропозвольно уснетъ. Пробужденный онъ дѣйствительно видитъ своего хозяина и, приблизившись къ нему, говоритъ: «А! здравствуйте, г. Н... я радъ васъ встрѣтить, ибо я долженъ вамъ сказать то, что у меня на душѣ. Ваша жена—худая женщина; она прибила меня. Это ей такъ не пройдетъ. Я пожалуюсь полиціи» и пр. и пр. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, въ теченіи которыхъ онъ сильно продолжалъ свои обвиненія, онъ садится на стулъ и засыпаетъ.

Sch... я говорю, въ присутствіи доктора Christian'a, главнаго врача пріюта Charenton: «Когда проснетесь, вы подойдете къ своей кровати; вы найдете тамъ даму, которая поднесетъ вамъ корзинку земляники; вы ее поблагодарите, пода-

дите ей руку, потомъ покушаете земляники.» Полчаса спустя пробужденный, онъ идетъ къ своей кровати и говоритъ: «Здравствуйте, сударыня, весьма вамъ благодаренъ»; беретъ у нея руку. Я приближаюсь, онъ показываетъ мнѣ фиктивную корзинку земляники. «Гдѣ дама?» говорю я. Онъ отвѣчаетъ: «Она ушла вотъ въ этотъ корридоръ» и указываетъ мнѣ на нее въ окно, выходящее въ корридоръ. Потомъ онъ ѣстъ землянику, ягоду за ягодой, пѣжно поднося ихъ ко рту, съ пріятностью обсасывая ихъ, отбрасывая стебельки, вытирая отъ времени до времени руки съ видомъ такой дѣйствительности, подражать которой весьма трудно.

Того же субъекта я заставляю ѣсть то воображаемые вишни, персики, виноградъ; то даю ему принять, когда у него запоръ, бутылку воображаемой Sedlitz'кой воды. Онъ беретъ фиктивную бутылку, наливаетъ въ фиктивный стаканъ, выпиваетъ ихъ послѣдовательно 3 или 4 стакана, дѣлая при этомъ всѣ глотательныя движенія; находитъ ее горькой, ставитъ стаканъ на мѣсто и имѣетъ въ теченіи дня нѣсколько (до 4—5) испражнений, вызванныхъ этимъ воображаемымъ слабительнымъ. Однако, во время большихъ запоровъ, воображенія бываетъ недостаточно, чтобы вызвать столь значительный эффектъ.

У одной дамы, G..., интеллигентной, впечатлительной, ничуть не истеричной, наблюденіе которой привожу ниже, я вызываю по пробужденіи самыя сложныя галлюцинаціи, касающіяся всѣхъ чувственныхъ органовъ. Я заставляю ее слышать военную музыку на дворѣ госпиталя: солдаты взбираются, входятъ въ палату, она видитъ тамбуръ—мажора, выдѣлывающаго пируэты передъ ея кроватью; одинъ музыкантъ приближается къ пей; онъ пьянъ; онъ говоритъ ей непристойныя слова; онъ хочетъ ее обнять; она отпускаетъ ему пару пощечинъ и призываетъ сестру и сидѣлку; послѣднія прибѣгаютъ и выталкиваютъ пьяницу за дверь. Вся эта сцена, внушенная ей во время сна, развертываетъ

ся передъ ней съ ясностью дѣйствительности. Сколько бы разъ она не подвергалась аналогичнымъ галлюцинаціямъ, она не можетъ отвязаться отъ нихъ. Она осматривается вокругъ и спрашиваетъ у другихъ больныхъ, видѣли ли слышали ли они также. Она не можетъ иллюзію отличить отъ дѣйствительности. Когда все проходитъ и я ей говорю: «Это видѣніе, которое я у васъ вызвалъ», она хорошо понимаетъ, что это видѣніе; но утверждаетъ, что это больше чѣмъ греза; что это также ясно, какъ сама дѣйствительность.

Одной молодой истеричной дѣвушкѣ, о которой я говорилъ, я показываю, по ея пробужденіи, кольцо на ея пальцѣ, браслетъ на рукѣ; или же даю ей красивый вѣеръ, украшенный портретами знакомыхъ ей лицъ. Она счастлива отъ подарка, но, по истеченіи 3—4 минутъ, предметъ у нея исчезаетъ и, когда опытъ показалъ ей летучесть этихъ подарковъ, она каждый разъ умоляетъ меня о томъ, чтобы я ихъ ей оставлялъ, не отнималъ бы ихъ у нея.

У другихъ эти галлюцинаціи продолжаются дольше. Одной истеричной дамѣ, L..., я показываю, по пробужденіи, портретъ ея мужа; она его видитъ, продолжаетъ видѣть и на другой день, въ теченіи 24 часовъ, отлично зная, что портретъ не существуетъ. Въ другой разъ я говорю ей: «По пробужденіи вы увидите сидящей на стулѣ М-ше Е...» (стулъ этотъ занимала М-ше В...) Пробудившись, она видитъ М-ше Е и говоритъ съ предполагаемымъ лицомъ. Послѣ десяти-минутной бесѣды, я ей говорю: «Но вы ошибаетесь: передъ вами не М-ше Е, а М-ше В.» Она убѣждается тогда, что это М-ше В..., она знаетъ, что это чувственная иллюзія, и со всѣмъ тѣмъ не можетъ отъ нея отдѣлаться. Такъ какъ эта иллюзія продолжаетъ существовать и ей непріятна, то, по истеченіи получаса, по ея просьбѣ, я ее снова усыпляю, чтобы возвратитъ М-ше В... ея настоящую фізіономію.

Эти внушенія галлюцинацій, которымъ примѣры я могъ

бы представить во множествѣ удаются не у всѣхъ сомнамбулистовъ.

Д... я внушаю, что по пробужденіи онъ увидитъ на своей кровати собаку и приласкаетъ ее. Пробужденный, онъ ищетъ подъ одѣяломъ и, ничего не находя, говоритъ, что ему пригрезилось, что у него на кровати была собака.

Другому я говорю: «По пробужденіи своемъ, вы увидите, что у меня изъ носу обильно кровь идетъ.» Пробужденный, онъ смотритъ на меня и говоритъ: «У васъ изъ носу кровь должна была идти обильно.» Крови онъ не видѣлъ, только идея о моемъ кровотеченіи существовала въ его мозгу.

И такъ, между сомнамбулами, одни повинуются только внушеніямъ; другіе способны въ то же время къ болѣе или менѣе полнымъ чувственно—чувствительнымъ иллюзіямъ; такой то подвергается зуду, боли, т. е. иллюзіямъ тактильной чувствительности, а не чувственнымъ иллюзіямъ. Не удается, напримѣръ, заставить его во время сна сосать соль, сказавъ ему, что это сахаръ, и заставить его сохранить во рту сладкій вкусъ: по пробужденіи онъ замѣчаетъ соленый а не сладкій вкусъ; ему нельзя внушить видѣніе предметовъ въ красномъ или желтомъ цвѣтѣ: чувственная иллюзія, какъ и галлюцинація, не удается у него.

У другихъ, внушенія актовъ, чувствительно—чувственные иллюзіи, галлюцинаціи—все удается. Тотъ же самый впрочемъ субъектъ, который на первыхъ сеансахъ оставался упорнымъ къ чувственнымъ иллюзіямъ и галлюцинаціямъ, можетъ привычкою совершенствоваться и умѣть, по истеченіи многихъ сеансовъ, реализовать всѣ галлюцинаторныя концепціи, внушенныя его гипнотизированному мозгу.

Нѣкоторымъ можно во время сна внушить *отрицательную галлюцинацію*. Это удается только у глубокихъ сомнамбулистовъ. Однажды я находился у доктора Liebeault'a: онъ внушилъ одной усыпленной женщицѣ—она не была истерична,—что по пробужденіи своемъ она не увидитъ меня;

что я ушелъ, забывъ свою шляпу. Передъ своимъ уходомъ она возьметъ мою шляпу, надѣнетъ ее себѣ на голову и отнесетъ ее мнѣ домой.

Когда она проснулась, я помѣстился противъ нее. У нея спросили: «Гдѣ докторъ Бернгеймъ?» Она отвѣтила: «Онъ ушелъ, вотъ его шляпа.» Я ей говорю: «Вотъ я, сударыня; я не уходилъ, вы меня хорошо знаете.» Она ничего не отвѣтила. По истеченіи пяти минутъ, давъ время пройти первому впечатлѣнію, я сѣлъ подлѣ нея и спросилъ: «Давно ли, какъ вы пріѣхали къ г. Liébeault'у?» Она мнѣ ничего не отвѣтила, какъ бы меня не видѣла, не слышала. Этотъ самый вопросъ сдѣлало ей другое лицо. Она тотчасъ отвѣтила: «Уже 15 дней.» На это я продолжалъ: «И вы чувствуете себя лучше, сударыня, послѣ этого леченія, не такъ ли?» Тѣ же молчаніе. Отвѣтъ моему сосѣду. Я держалъ свои руки передъ ея глазами въ теченіи двухъ минутъ, она и бровью не моргнула: я для нея не существовалъ. Наконецъ, уходя, она взяла мою шляпу, надѣла ее себѣ на голову и вышла. Г. Liébeault послѣдовалъ за нею на улицу, потребовалъ назадъ шляпу, говоря, что онъ самъ беретъ на себя трудъ отослать ее мнѣ.

Я съ успѣхомъ повторялъ этотъ опытъ отрицательной галлюцинаціи надъ нѣкоторыми изъ моихъ сомнамбулъ.

Привожу одинъ изъ этихъ фактовъ: Г-жѣ G..., изъ моего отдѣленія, я внушаю, въ присутствіи двухъ дамъ изъ города, посѣтившихъ госпиталь, что по своемъ пробужденіи она меня не будетъ видѣть, ни слышать; я не буду тамъ присутствовать. Пробужденная, она меня ищетъ. Какъ ни старался я показать себя, какъ ни трубилъ ей на ухо, что я тамъ; щипалъ ея руку, которую она быстро отдергивала, не находя причины этого ощущенія; присутствовавшія дамы говорятъ ей, что я здѣсь, что говорю къ ней; она меня не видитъ и думаетъ, что эти дамы надсмѣхаются надъ ней. Эта отрицательная иллюзія, которую я уже вызывалъ у нея

на другихъ сеансахъ, но которая продолжалась только 5—6 минутъ, на этотъ разъ продолжалась все время, — болѣе 20 минутъ—въ которое я оставался подлѣ нея.

Одна изъ присутствовавшихъ двухъ дамъ была истерична и гипнотизмомъ лечилась у меня отъ нервной афоніи. Она также была способна къ гипнотическимъ и post-гипнотическимъ галлюцинаціямъ. Но на другой день послѣ этой сцены, при которой она присутствовала, я ее ввожу въ сомнамбулизмъ и говорю ей: «Знайте, что по пробужденіи вы не будете меня видѣть». Она стала улыбаться. «Вы смѣетесь, говорю я ей, потому что вспоминаете вчерашнюю женщину, которая по своему пробужденіи меня не видѣла. Ну, тоже самое и съ вами будетъ. Только вы меня не увидите, потому что я дѣйствительно уйду. Въ моментъ вашего пробужденія я уйду и буду въ отсутствіи въ теченіи 10 минутъ. Вы увидите меня входящимъ въ дверь противъ васъ.» Когда я ее разбудилъ, она бесполезно меня искала и казалась сильно огорченной, что не видитъ меня. «Я здѣсь, говорю я ей. Вы меня видите хорошо, я прикасаюсь къ вамъ, я щекочу вамъ лобъ.» Она не трогалась. «Вы желаете по-смѣяться надо мною, играете комедію, прибавилъ я. Вы не можете удержаться отъ смѣха; сейчасъ вы разразитесь взрывомъ смѣха.» Она и бровью не поморщила. Такъ какъ она выражала неудовольствіе, то я поручилъ присутствовавшимъ лицамъ увѣрить ее, что меня поспѣшно пригласили къ пациенту, съ которымъ только что случился припадокъ по соседству. Она продолжала быть въ худомъ расположеніи духа и снова самопроизвольно уснула. По истеченіи въ точности 10 минутъ, она снова открыла глаза, посмотрѣла въ сторону дверей, какъ бы видя меня входящимъ; привѣтствовала меня, казалась довольной, что видитъ меня, а неудовольствіе свое приписала опасенію, что у нея при пробужденіи сдѣлается первый припадокъ безъ моего вліянія. Тогда я ей признался, что присутствовалъ, но что далъ ей отрицатель-

ное внушеніе, подобное тому, которое она наканунѣ видѣла у другой особы. Она увѣряла, что меня не видѣла и не слышала: отчужденность моей личности была полная.

Выраженіе „отрицательная галлюцинація“, которымъ мы, въ Nancy, обозначаемъ это явленіе, критиковалось гг. Binet и Féré. «Это названіе особенно неудачно выбрано, говорятъ эти авторы, ибо дѣло вовсе не идетъ о галлюцинаціяхъ. Понять это разстройство чувствительности можно только, приравнивъ его къ систематическимъ двигательнымъ параличамъ... Какъ въ отношеніи руки, такъ и глаза, дѣло идетъ о явленіи запрещенія, которое вызываетъ «систематичный параличъ.» (Revue philosophique, Январь 1885.)

Достопочтенные мои противники, мнѣ кажется, заслуживаютъ тотъ самый упрекъ, который они мнѣ дѣлаютъ, худо понявъ натуру и значеніе явленія.

Когда я гипнотическимъ внушеніемъ или внушеніемъ въ состояніи бодрствованія заставляю субъекта, способнаго къ гипнотизаціи, видѣть лицо или вещь, которыхъ нѣтъ передъ его глазами, я создаю образъ, вызванный въ его мозгу; я создаю галлюцинацію зрѣнія.

Если, для того же субъекта, тѣмъ же приемомъ, я дѣлаю невидимыми лицо или вещь, которыя находятся передъ его глазами, то не произвожу паралича зрѣнія: субъектъ видитъ всѣ предметы, за исключеніемъ того, который по внушенію для него невидимъ; я стеръ въ его мозгу чувственный образъ, я нейтрализовалъ или сдѣлалъ отрицательной перцепцію этого образа: я называю это отрицательной галлюцинаціей.

Въ обоихъ случаяхъ, психическое или психо-чувственное явленіе одного происхожденія; въ обоихъ случаяхъ я произвелъ подтвержденнаго обманамъ чувствъ.

Впрочемъ, во всѣхъ сложныхъ галлюцинаціяхъ, какъ искусственно нами вызываемыхъ, такъ и самопроизвольно развивающихся, оба явленія существуютъ вмѣстѣ. Помѣ-

шанный считает себя въ темницѣ; онъ видитъ эту темницу, тюремнаго сторожа, привязывающую его цѣпь: вотъ чувственныя представленія, созданныя въ его мозгу. Съ другой стороны, онъ не видитъ дѣйствительныхъ предметовъ, которые передъ нимъ находятся; онъ не видитъ, онъ не слышитъ окружающихъ его лицъ: вотъ исчезновеніе дѣйствительныхъ чувственныхъ представленій.

Скажутъ ли, что изъ этихъ двухъ порядковъ явленій только первое составляетъ галлюцинацію, а второе — нѣтъ? Слово «отрицательная галлюцинація», подобно вошедшимъ въ употребленіе нашего языка словамъ, напримѣръ: отрицательное давленіе, отрицательная цѣпность, отрицательное достоинство и проч., кажется мнѣ удачно выбраннымъ, чтобы показать психическій механизмъ явленія, сходнаго съ тѣмъ явленіемъ, которое составляетъ положительную галлюцинацію.

Въ главѣ IX я буду говорить о другой разновидности галлюцинацій, которую я назыву *галлюцинаціей гѣго-актив'ной*.

Чувственныя иллюзіи и галлюцинаціи, какъ внушеніе актовъ, могутъ быть заданы *на долгій срокъ*. Г-жѣ G..., о которой я говорилъ, я внушаю головную боль, черезъ пять дней, въ часъ визитаціи, которая осуществляется. Въ другой разъ я ей говорю: «Въ ночь съ будущаго четверга на пятницу, черезъ 6 дней, вы увидите приближающуюся къ вашей кровати сидѣлку, которая выльетъ вамъ на ноги ведро воды.» Въ слѣдующую пятницу, на визитаціи, она сильно жалуется, что сидѣлка ей ночью вылила воды на ноги. Я призываю сидѣлку, которая естественно отрицаетъ это; сестра ничего не знаетъ. Я говорю ей: «Это греза. Марья ничего вамъ не сдѣлала; вѣдь вы знаете, что я вызываю у васъ грезы.» Она утверждаетъ, что это не греза, что она видѣла, собственными глазами видѣла; что она ощущала воду, что она была замочена.

У иныхъ можно получить внушенія по истеченіи еще гораздо болѣе долгаго времени.

Вотъ тому два примѣра:

Въ субботу, 22 Декабря 1883 г., я говорю г-жѣ G..., о которой рѣчь шла ужъ нѣсколько разъ, послѣ того, какъ она была загипнотизирована: «Во Вторникъ, черезъ 3 недѣли, т. е. черезъ 25 дней, когда я во время утренней визитаціи буду проходить передъ вашей кроватью, вы увидите со мною моего коллегу, г. V. P... Онъ освѣдомится о вашемъ здоровьи, вы ему расскажете подробности своей болѣзни и сообщите ему интересующія васъ вещи.» По своемъ пробужденіи, она ни о чемъ не вспоминаетъ. Ни разу при ней я не дѣлалъ ни малѣйшаго намека объ этомъ внушеніи, въ которое не посвятилъ ни одного изъ моихъ учениковъ. Въ промежуткѣ она нѣсколько разъ гипнотизировалась, ей были сдѣланы разныя внушенія, съ нея снимали фотографіи въ различныхъ гипнотическихъ положеніяхъ. Во Вторникъ, 15 Января, во время визитаціи, я, по обыкновенію, непринужденно останавливаюсь возлѣ ея кровати; она смотритъ себѣ налѣво и почтительно привѣтствуетъ: «А! г. V. P...!» Послѣ нѣсколькихъ мгновеній она отвѣчаетъ на фиктивный вопросъ: «Мнѣ гораздо лучше; я не чувствую больше болей. Къ несчастью, колѣно мое еще вывихнуто и я могу ходить только съ помощью аппарата.» Она слушаетъ снова рѣчь своего фиктивного собесѣдника, потомъ отвѣчаетъ: «Я вамъ очень благодарна. Вы знаете, что я кормила дѣтей г-на В., помощника мэра, вашего коллеги. Если бы вы могли меня представить ему, онъ, быть можетъ, способствовалъ моему помѣщенію въ богадѣльню!» Она слушаетъ еще, потомъ благодаритъ, кланяется и глазами слѣдитъ за образомъ моего коллеги до дверей. «Знали ли вы, говорю я ей, что г. V. P... посѣтитъ васъ сегодня?» — „Нисколько“ отвѣчаетъ она мнѣ. Она увѣряла меня, что не имѣла никакой идеи, никакого представленія объ этомъ визитѣ. И такъ, вотъ

сложная галлюцинація, развившаяся спустя 25 дней послѣ внушенія.

Въ Августѣ 1883 г. я говорю, во время сна, сомнамбулисту S..., старому сержанту, наблюдение надъ которымъ привожу ниже: «Въ какой день на первой недѣлѣ Октября будете свободны?»—«Въ Среду» отвѣчаетъ онъ. «И такъ, помните: въ первую Среду Октября вы придете къ доктору Liébeault'у (который прислалъ ко мнѣ этого субъекта) и встрѣтите у него президента Республики, который вручитъ вамъ медаль и пенсію.»—«Пойду» сказалъ онъ. Больше ничего не сказалъ я ему. По пробужденіи, онъ ничего не помнитъ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ въ этомъ промежуткѣ времени, вызывалъ у него другія внушенія, но никогда не напоминалъ ему о предъидущемъ. 3 Октября (63 дня послѣ внушенія) я получаю отъ доктора Liébeault'a слѣдующее письмо: „Сомнамбулистъ S... пришелъ ко мнѣ сегодня въ 11 часовъ безъ 10 минутъ. Привѣтствовалъ при входѣ г. F., который встрѣтился ему на пути, онъ направился палѣво отъ моей бібліотеки, ни на кого не обращая вниманія. Я видѣлъ, какъ онъ почтительно привѣтствуетъ, потомъ слышалъ, какъ онъ произнесъ слово: «Excellence». Такъ какъ онъ говорилъ весьма тихо, я тотчасъ подошелъ къ нему. Въ этотъ моментъ онъ протягивалъ правую руку и отвѣчалъ: «Благодарю, Excellence». Тогда я спросилъ его, съ кѣмъ онъ говорилъ? «Какъ, сказалъ онъ мнѣ, съ президентомъ Республики!» Заявляю, что никого предъ нимъ не было. Вслѣдъ за тѣмъ онъ еще обернулся къ бібліотекѣ и, кланяясь, привѣтствовалъ; затѣмъ снова подошелъ къ г-ну F... Свидѣтели этой странной сцены, нѣсколько мгновений по его уходѣ, естественно спросили у меня, кто это былъ за сумасшедшій. Отвѣтъ мой былъ, что это не сумасшедшій и что онъ такой же разумный, какъ и они со мной; но только другой-кто на него повліялъ.»

Прибавляю, что нѣсколькими днями позже, при встрѣчѣ

съ S..., послѣдній меня увѣрялъ, что идея—пойти къ г-ну Liébeault'у—пришла ему вдругъ 3 Октября, въ 10 часовъ утра; что онъ вовсе ничего не зналъ въ предшествующіе дни, что онъ долженъ туда пойти, и что онъ не имѣлъ никакой идеи о встрѣчѣ, которую онъ тамъ имѣлъ.

Какъ бы странно, какъ бы непонятны ни были эти явленія внушенія на долгій срокъ, которыя должны развиться въ напередъ назначенный моментъ и которыя мозгъ готовится или обдумываетъ безъ вѣдома субъекта, я не поколебался привести ихъ. Я могъ бы колебаться при наличности одного, особнякомъ стоящаго факта; но я ихъ производилъ столько разъ надъ различными сомнамбулами, что не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія объ ихъ дѣйствительности. Толкованіе ихъ составляетъ достоиніе психологін. Я полагаюсь это сдѣлать въ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Наблюденіе различныхъ типовъ сомнамбулизма. -- О двойственности личности у некоторыхъ сомнамбулистовъ. — О самопроизвольныхъ грезахъ съ сохраненіемъ или несохраненіемъ сознанія дѣятельности.

Мы видѣли, что бѣльшая часть людей можетъ подвергнуться вліянію гипнотизма въ различной степени; но не всѣ способны входить въ глубокой сонъ или сомнамбулизмъ. По списку, сообщенному мнѣ г. Liébeault'омъ, на 2534 индивида, подвергнутыхъ имъ гипнотизаціи, было 385 сомнамбулистовъ, т. е. 15,19 на 100 или 1 на 6,58.

Вотъ теперь, вкратцѣ, нѣсколько примѣровъ вызваннаго сомнамбулизма:

Наблюденіе I. Г. Sch..., 40 лѣтъ, картощикъ, наблюденіе надъ которымъ съ терапевтической точки зрѣнія я приведу позже, представляетъ собою человѣка малаго роста, довольно упитаннаго, смѣшаннаго темперамента, хладнокровнаго, интеллегенціи довольно низкой, малообразованнаго, но достаточно развитаго, безъ нервнаго прошедшаго, по который, вслѣдъ за переломомъ позвоночника, съ сотрясеніемъ мозга, съ годъ страдалъ нѣкоторымъ парезомъ нижнихъ конечностей и эпилептиформными припадками, отъ которыхъ онъ теперь (сентябрь 1883 г.) уже нѣсколько мѣсяцевъ излеченъ. (См. наблюденіе III).

Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль я могъ его загипнотизировать только до третьей степени; позже онъ дошелъ и до глубокаго сна. Въ настоящее же время я его въ мигъ усыпляю простымъ приказаніемъ: я приказываю ему спать глубоко, онъ остается неподвижнымъ въ томъ положеніи, въ которое я его поставилъ. Въ первыхъ сеансахъ онъ самопроизвольно пробуждался, нынѣ же онъ неопредѣленное время продолжаетъ спать, если я его не бужу; разъ я его оставилъ спать въ теченіи 16 часовъ сряду. Я внушеніемъ ввожу его въ общую и частичную катаlepsію; онъ держитъ руки въ воздухѣ столь долго, какъ я того хочу, окоченѣлыми, безъ утомленія; я вы-

зываю у него Trismus или насильственное раскрываніе челюстей; голову его поддерживаю пригнутою къ груди или наклоненной въ сторону въ непреодолимой контрактурѣ.

Онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы быстро, но не представляетъ точно такъ же, какъ никто изъ моихъ сомнамбулистовъ, никакого явленія ясновидѣнія, ни даже того, что наблюдается у другихъ, — повышенія интеллектуальной способности.

По моему приказу онъ поднимается, гуляетъ по палатѣ, возвращается къ своему стулу или въ свою кровать, съ закрытыми глазами, ощупывая въ темнотѣ; я ему говорю, что онъ не можетъ ходить, и онъ остается пригвожденнымъ къ мѣсту; я ему говорю, что онъ можетъ ходить только задомъ, и онъ дѣлаетъ тщетныя усилія идти впередъ, но пятится назадъ.

Чувствительность у него вполне уничтожена: пассивная проткнутая булавкой кожа не вызываетъ ни малѣйшаго рефлекса; нащипываніе въ носу, задней стѣнки глотки, на соприкосновеніе къ конъюнктивамъ, на электризацію онъ не реагируетъ.

Я вызываю у него чувственное извращеніе: я даю ему пить воду, вмѣсто вина; я заставляю его глотать кусокъ соли, вмѣсто сахара; онъ сосетъ и находитъ его весьма сладкимъ. Однако это чувственное внушеніе не всегда вполне удается: порою онъ находитъ, что это сладко, но также солоновато.

Я внушаю ему акты: онъ танцуетъ, показываетъ кулакъ, шагать, по моему приказу, въ карманѣ у указаннаго мною ему лица, вытаскиваетъ оттуда, что находитъ, прячетъ къ себѣ въ кровать; а полчаса спустя, все по моему приказу, беретъ положенное въ кровать, кладетъ назадъ въ карманъ, откуда было похищено, прося прощенія у обокраденнаго имъ лица.

Онъ воспринимаетъ всѣ иллюзии, всѣ галлюцинаціи, которыя я ему внушаю, будь это во время сна, либо передъ ихъ выполненіемъ по пробужденіи. Я ужъ приводилъ нѣсколько фактовъ галлюцинацій или post—гипнотическихъ актовъ, относящихся къ нему. Я вызываю у него зудъ на лбу, онъ подноситъ къ нему руку и чешется.

Я заставляю его видѣть прыгающую на него кошку, онъ ее ласкаетъ, чувствуетъ себя оцарапаннымъ ею и проч.

Я его бужу мгновенно, говоря: «Кончено». Иной разъ онъ не сохраняетъ никакого воспоминанія о томъ, что онъ дѣлалъ, говорилъ и слышалъ во время сна. Это въ особенности бываетъ, когда я ему говорю во время сна. «По пробужденіи, вы абсолютно ничего помнить не будете.» Въ другой разъ, когда я не принялъ предо-

сторожности — сказать ему это, онъ вспоминаетъ все, что дѣлалъ: глоталъ сахаръ (то была соль), ходилъ и проч. Однажды я заставилъ его танцевать съ фиктивной дамой; заставилъ его выпить воображаемаго пива; заставилъ его видѣть больничную сестру. На другой день, эта послѣдняя заявила мнѣ, что больной заговаривался, всѣмъ-де рассказывалъ, что наканунѣ вечеромъ былъ на балу, что я его угощалъ, что онъ тамъ встрѣтилъ сестру. Внушенная во время сна греза реализировалась въ его воображеніи съ такою леностью, что воспоминаніе по пробужденіи занечатлѣлось въ его мозгу, какъ дѣйствительность.

Наконецъ субъектъ этотъ замѣчательнъ той легкостью, съ какою у него можно вызвать самыя разнообразныя внушенія въ состояніи бодрствованія. Мы скоро вернемся къ этой, наиболѣе интересной, части наблюденія.

Наблюденіе II. Второй сомнамбулистъ, исторію котораго вкратцѣ хочу передать, человекъ 44 лѣтъ, фотографъ, уроженецъ Бордо, былъ направленъ ко мнѣ докторомъ Lièbeault'омъ.

Худой, болѣзненный, съ выпячивающимися глазами, онъ по видимому влачитъ свое ненадежное существованіе. У него трое дѣтей въ возрастѣ 18, 19 и 21 года; живетъ онъ отдѣльно отъ своей жены вслѣдствіе домашнихъ неурядицъ, которыя узнать ближе я не пожелалъ.

Безъ предшествовавшихъ болѣзней, свободный въ своемъ прошедшемъ отъ веперическихъ заболѣваній, онъ, лѣтъ 10 тому назадъ, вставъ въ одно утро, сразу почувствовалъ затрудненіе при ходьбѣ, выразившееся въ стремленіи къ движенію впередъ или толчку впередъ. Явленіе это прогрессировало, и вотъ ужъ 5 лѣтъ, какъ онъ ходитъ худо, подобно пьяному, шатается направо или налево, такъ что полиція его нѣсколько разъ арестовала, принявъ его за пьянаго. Между тѣмъ С1...—человекъ трезвый и никогда не злоупотреблялъ алкоголемъ. Когда онъ сходитъ съ лѣстницы или когда становится ему холодно, стремленіе бѣжать впередъ или непреодолимое движеніе впередъ вдругъ усиливается; онъ дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и затѣмъ, снотыкаясь, останавливается. Никогда онъ не имѣлъ ни головной боли, ни рвоты; но въ теченіи 2-хъ лѣтъ до первыхъ чиселъ послѣдняго апрѣля онъ подверженъ былъ головокруженіямъ, которыя, подобно удару молніи, схватывали его на ходу или когда поднимался: «Эго, говоритъ онъ, подобно ощущенію ошьяненія, которое продолжается одно мгновеніе, около четверти секунды». Съ того времени это ощущеніе головокруженія быстро исчезло по гип-

нотическому внушенію. У него также бываетъ иной разъ, особенно по вечерамъ, при сильномъ свѣтѣ, диплопія, скоро проходящая, продолжающаяся только мгновеніе. Наконецъ въ этомъ періодѣ 10 лѣтъ, у него было 5—6 произвольныхъ мочеиспусканій; въ послѣдній разъ произвольное мочеиспусканіе было въ первыхъ числахъ марта.

Никогда онъ не имѣлъ какого бы то ни было припадка, ни потери сознанія; тактильная чувствительность и спеціальныя ощущенія не тронуты; мускульная сила сохранена; сухожильные рефлекты нормальны; аппетитъ, пищевареніе и другія функціи не представляютъ ничего ненормальнаго.

Умъ ясенъ, память сохранена. Сі... вѣрно отвѣчаетъ на всѣ вопросы; его мозгъ по природѣ послушенъ; будучи спокойнаго и тихаго характера, онъ простъ и остороженъ въ своихъ манерахъ. Я полагаю, что у него опухоль въ мозжечкѣ.

Сі... говоритъ, что никогда не былъ первымъ; хорошо спитъ ночью, помнитъ всѣ случаи своей жизни и никогда не былъ подвергнутъ припадкамъ самопроизвольнаго сомнамбулизма. Со всѣмъ тѣмъ, 3 года тому назадъ, у него-де были подобные припадки въ теченіи нѣсколькихъ ночей—это онъ выводитъ изъ того, что на слѣдующій день онъ находилъ свою работу оконченной, не припоминая, чтобы это онъ ее дѣлалъ. Съ того времени онъ ничего подобнаго не констатировалъ.

Нѣсколько разъ ужъ усыпленный г. Liébeault'омъ, онъ 20 марта посѣтилъ меня въ клиникѣ. Достаточно мнѣ помѣстить передъ его глазами два пальца, и въ нѣсколько мгновеній его вѣки мигаютъ, потомъ закрываются: онъ загнипотизировалъ.

Я поднимаю его руки: онъ въ внушенной катаlepsis. Онъ почти вполне нечувствителенъ, или дѣлается имъ, если я его увѣряю, что онъ есть такой. Булавкой проколешь кожу, онъ не реагируетъ. Я помѣщаю его на табуретъ электрической машины, извлекаю искры изъ его тѣла; появляются рефлекторныя фибриллярныя сокращенія, онъ не обнаруживаетъ никакой боли. Одни только запястья и затылокъ остаются чувствительными; онъ испытываетъ болѣзненное ощущеніе при извлеченіи искры изъ этой области и по пробужденіи своемъ помнитъ, что чувствовалъ въ этихъ мѣстахъ боль.

Въ этомъ состояніи сомнамбулизма, С... представляетъ собою совершеннаго автомата, который повинуется всякимъ внушеніямъ и

способенъ ко всякимъ чувственнымъ или галлюцинаторнымъ иллюзіямъ.

Я ввожу его въ полную или частичную каталепсію; парализирую по желанію одну изъ его рукъ, которую онъ инертно опускаетъ, или ногу, которую онъ влачитъ, какъ полупарализованную. Я вызываю у него движенія при посредствѣ подражанія. Достаточно мнѣ помѣститься передъ нимъ и вращать свои руки одну вокругъ другой; приближать или удалить попеременно свои руки одну отъ другой; сдѣлать «носъ», или сдѣлать какое бы то ни было движеніе ногамъ, чтобы онъ тутчасъ автоматически подражалъ каждому видимому имъ движенію; ибо онъ можетъ тогда широко открыть глаза, продолжая все таки обнаруживать все эти явленія.

Если я удаляюсь, протянувъ къ нему руку, онъ пассивно слѣдуетъ за мною повсюду, куда бы я ни ходилъ. По приказу онъ останавливается; я внушаю ему, что онъ пригвожденъ къ мѣсту и не можетъ сдѣлать ни шага; тогда требуется его толкнуть довольно сильно, чтобы онъ тронулся съ мѣста. Я по полу провожу черту и говорю ему, что онъ не можетъ черезъ нее переступить, и онъ бесполезно старается перешагнуть эту линію. Я ему говорю, что онъ не можетъ идти впередъ, а только назадъ, и онъ пробуетъ идти впередъ; но можетъ только пятиться назадъ.

Заблужденіе чувствъ совершается мгновенно. Я вызываю одну или двустороннюю слѣпоту: онъ видитъ только однимъ глазомъ; булавка или свѣтъ, приближенные къ его роговицѣ, не заставляютъ его даже морщиться. Это слѣпота психическая или мозговая: зрачекъ не поддается вліянію внушенія; свѣтъ сокращаетъ его; внушенная темнота не расширяетъ его.

Я вызываю у него всякія галлюцинаціи зрѣнія; я посылаю его сѣсть на стулъ, на которомъ онъ находитъ воображаемаго пуделя; онъ его касается, боится быть имъ укушеннымъ, быстро отдергиваетъ палецъ. Я заставляю его ласкать кошечку. Я вызываю образы знакомыхъ ему лицъ. Я показываю ему его сына, котораго онъ ужь не видѣлъ 8 лѣтъ. Онъ его узнаетъ и остается какъ бы въ экстазѣ, съ неподвижными глазами, охваченный сильнымъ душевнымъ волненіемъ; слезы текутъ изъ его глазъ.

Вкусовые иллюзіи также весьма явственны: я заставляю его глотать соль подъ видомъ сахара, онъ находитъ ее весьма сладкой; я натираю ему языкъ сѣрнокислымъ хлоридомъ, говоря ему, что это очень сладко—это непосредственно передъ его пробужденіемъ, позаботившись только увѣрить его, что онъ вкусъ сахара сохранилъ

ГЪ

Е-

З-

Е-

Л,

О-

И-

Б:

И-

ВО

О!

И

И-

а

во рту, — и онъ по пробужденіи своемъ чувствуетъ этотъ вкусъ. Я вставляю ему въ ротъ карандашъ, увѣривъ его, что это сигара: онъ пускаетъ кольца дыма; чувствуетъ себя обожженнымъ, когда я ему въ ротъ даю фиктивно зажженный ея конецъ. Я говорю ему, что это весьма крѣпкая сигара и что ему сдѣлается дурно: на него нападаетъ жестокий кашель, онъ отплеивается, его тошнитъ, у него является слизистое отхаркиваніе, онъ блѣднѣетъ, у него кружится голова. Я заставляю его выпить стаканъ воды подѣ видомъ шампанскаго; онъ находитъ его крѣпкимъ. Если я заставляю его выпить нѣсколько стакановъ, онъ пьянѣетъ, шатается. Я говорю: «Опьяненіе веселитъ». онъ поетъ отрывистымъ голосомъ; я вызываю у него глупый смѣхъ. Я говорю: «Опьяненіе печалитъ», онъ плачетъ и вопитъ. Я отрезываю его, поднося къ его носу воображаемый амміакъ: онъ отклоняется, сокращая ноздри и закрывая глаза, какъ бы задыхается отъ этого запаха. Я заставляю его много, разъ за разомъ, чихать отъ тошноты фиктивного табаку. Всѣ эти ощущенія быстро, мгновенно слѣдуютъ другъ за другомъ: мозгъ его ихъ воспринимаетъ и чувствуетъ тотчасъ, какъ они мною выражены. Я дѣлаю его заикающимся н-н-не-м-можетъ го-го говорить иначе, какъ заикаясь; я приглашаю его писать на доскѣ мое имя, внушивъ ему, что онъ не можетъ писать согласныя буквы, и онъ пишетъ: е е; — что онъ не можетъ писать гласныя, и онъ пишетъ В г п т и пр.

Наконецъ, по моему желанію, онъ выполняетъ всякія дѣйствія, которыми я ему приказываю: я заставляю его похитить часы изъ часоваго кармана одного лица; я приказываю ему идти за мною, чтобы продать ихъ; я его ввожу въ больничную аптеку, — воображаемую лавку поддержанныхъ вещей — чтобы продать часы. Онъ уступаетъ ихъ за предложенную ему цѣну и слѣдуетъ за мной съ видомъ вора. На пути я заставляю его пригрозить больничному служителю кулакомъ, сдѣлать «носъ» встрѣтившимся монашкамъ. Все выполняется безъ колебанія.

Желая узнать, до какой степени можетъ у него дойти сила внушенія, я вызвалъ у него однажды по истинѣ драматическую сцену. Я указалъ на воображаемое лицо у дверей, говоря ему, что это лицо оскорбило его. Я даю ему псевдо-кинжалъ (металлическій *супер-раріег*) и приказываю ему убить его. Онъ стремительно бросается на него и рѣшительно вонзаетъ кинжалъ въ дверь; потомъ остается неподвижнымъ, съ свирѣпымъ взоромъ, дрожа всѣми членами. «Что вы, несчастный, сдѣлали? Онъ убитъ! Кровь течетъ! Идетъ полиція.» Онъ останавливается, пораженный ужасомъ. Его приводятъ къ фик-

тивному судебному слѣдователю—моему интерну. «Почему вы убили этого человѣка?»—«Онъ меня оскорбилъ».—«За оскорбленіе не убиваютъ человѣка! Вамъ нужно было жаловаться полиціи. Не сказали ли кто нибудь вамъ, чтобы убить его»? Онъ отвѣчаетъ: «Это г. Беригеймъ». Я говорю тогда ему: «Васъ приведутъ къ прокурору. Вы только что убили этого человѣка; я же ничего вамъ не говорилъ, вы дѣйствовали сами отъ себя».

Его приводятъ къ старшему врачу клиники, исполняющему должность прокурора. «Почему убили вы этого человѣка?»—«Онъ оскорбилъ меня».—«Странно! На оскорбленіе не отвѣчаютъ ударомъ книжала! Были ли вы при полныхъ умственныхъ своихъ способностяхъ? Говорятъ, что вы въ иной разъ мѣшаетесь.»—«Нѣтъ, сударь!»—«Говорятъ, что вы подвержены припадкамъ сомнамбулизма? Не повиновались ли вы постороннему побужденію, вліянію другаго лица, который заставилъ васъ такъ дѣйствовать?»—«Нѣтъ, сударь! Я дѣйствовалъ одинъ, по моей собственной инициативѣ, потому что онъ оскорбилъ меня!»—«Подумайте объ этомъ, сударь: дѣло идетъ о вашей жизни. Говорите откровенно, въ вашемъ же интересѣ, какъ оно есть. Предъ судебнымъ слѣдователемъ вы утвердили, что идея—убить этого человѣка—была вамъ внушена г. Беригеймомъ».—«Нѣтъ, сударь! Я дѣйствовалъ совершенно одинъ».—«Вы хорошо знаете г. Беригейма, вы ходите къ нему въ госпиталь, гдѣ онъ усыпляетъ васъ».—«Я знаю г. Беригейма только потому, что лечусь въ госпиталѣ, гдѣ онъ меня электризуетъ для излеченія отъ нервной болѣзни, но ничего другаго я не знаю. Я не могу вамъ сказать, чтобы онъ мнѣ велѣлъ убить этого человѣка, потому что онъ мнѣ ничего не сказалъ.» И импровизированный прокуроръ не могъ отъ него добиться истины, ибо истина для него была мое послѣднее внушеніе: что онъ дѣйствовалъ по собственному своему побужденію. Значеніе этого опыта съ психологической и судебно-медицинской точекъ зрѣнія вызываетъ на размышленіе!

Пробужденный или пришедшій въ свое нормальное состояніе, С... думаетъ, что спокойно спалъ на своемъ стулѣ и ничего не помнить о драмѣ, виновникомъ которой онъ былъ; чрезвычайныя душевныя волненія, объявившія его; сильныя вызванныя передъ нимъ сцены, не оставили никакого слѣда въ его мозгу. Его можно продержать въ теченіи часовъ въ состояніи сомнамбулизма, съ открытыми глазами; можно ему задать самыя причудливыя дѣйствія, онъ ихъ рѣшительно выполняетъ; если отвести его на мѣсто, гдѣ его превратили въ сомнамбулиста, чтобъ его разбудить или привести его

въ нормальное состояніе, онъ абсолютно ничего не вспомнитъ изъ того, что происходило въ этой второй автоматической его жизни, вызванной у него волею другаго лица.

Сі... замѣчательнѣе также легкостью, съ какою у него вызываютъ галлюцинаціи или акты по пробужденіи. Едва уснувъ его, я ему внушаю, что по своемъ пробужденіи—а бужу я его только полчаса спустя—онъ увидитъ свой портретъ на черной доскѣ: онъ его видитъ и находитъ его весьма схожимъ. Я внушаю ему, что въ каждой кровати онъ увидитъ по большой собакѣ, и онъ изумляется, видя столь странную вещь. Я внушаю ему отрицательныя галлюцинаціи: по пробужденіи своемъ онъ будетъ видѣть, слышать, чувствовать только меня; всѣ уйдутъ, только я одинъ буду съ нимъ. И по его пробужденіи, другіе присутствующіе говорятъ къ нему, дотрогиваются къ нему, подаютъ ему его шляпу и палку; онъ никого не видитъ, никому не отвѣчаетъ. Мой уважаемый коллега, Victor Parisot, затыкаетъ ему уши въ то время, какъ я говорю съ нимъ; онъ продолжаетъ слышать и отвѣчать мнѣ. Констатировано, что, если я говорю къ нему тихо, затыканіе ушей мѣшало ему слышать. Я прощаюсь съ нимъ: ученикъ подноситъ ему его шляпу, онъ не видитъ и не беретъ ея, а щетъ ее на томъ мѣстѣ, куда онъ ее положилъ: когда же я держу его шляпу въ своей рукѣ, онъ тотчасъ ее беретъ и благодаритъ. Присутствующіе составляютъ около него кругъ въ моментъ, когда онъ хочетъ выйти; онъ идетъ прямо впередъ и останавливается передъ этимъ препятствіемъ, не обнаруживая стремленія узнать причину. Одинъ изъ присутствующихъ становится передъ выходной дверью: онъ тщетно щетъ замокъ и, не находя его, полагаетъ, что ошибся, онъ идетъ къ другой двери. Наконецъ выпускаютъ его. Лишь только онъ очутился внѣ комнаты, онъ видитъ и узнаетъ всѣхъ, кого только онъ встрѣчаетъ на пути своемъ.

Въ интересной статьѣ, опубликованной въ *Revue philosophique*, за мартъ 1883 г., Ch. Richet приводитъ наблюденія надъ сомнамбулами, которыхъ онъ заставлялъ терять сознаніе своей личности, замѣняя послѣднюю другой.

У Сі... нѣтъ ничего легче вызвать эки иллюзии, касающіяся его личности. Я говорю ему: «Тебѣ 6 лѣтъ, ты дитя, ступай играть съ мальчишками», и онъ встаетъ, прыгаетъ, дѣлаетъ движеніе, будто изъ кармана вынимаетъ шары, надлежащимъ образомъ ставитъ ихъ въ линію, рукою измѣряетъ разстояніе, старательно прицѣливается, бѣжитъ снова ихъ въ рядъ поставить, и такимъ образомъ безконечно

продолжаетъ свою игру съ расторопностью, вниманіемъ, точностью, поразительными подробностями. Онъ также играетъ «въ ловитки», въ saute-mouton, послѣдовательно прыгая, каждый разъ увеличивая разстояніе, черезъ одного или двухъ воображаемыхъ товарищей съ такой легкостью, на которую онъ не былъ бы способенъ, по причинѣ болѣзни, въ состояніи бодрствованія.

Я говорю ему: «Вы—молодая дѣвушка.» Онъ скромно опускаетъ голову, открываетъ ящикъ, вынимаетъ оттуда салфетку, дѣлаетъ видъ, что шьетъ. Когда онъ достаточно намъется, онъ идетъ къ столу, на которомъ онъ пальцами покалываетъ, какъ бы играя цыпно.

Я говорю ему: «Вы генералъ во главѣ вашей арміи.» Онъ выпрямляется, кричитъ: «Впередъ», наклоняетъ свое тѣло, какъ бы онъ находился верхомъ на лошади.

Я говорю ему: «Вы честный и святой священникъ.» Лицо его озаряется, возноситъ очи къ небу, ходитъ взадъ и впередъ, читая свой требникъ, осѣняясь крестнымъ знаменемъ, и все это онъ дѣлаетъ съ такимъ серьезнымъ видомъ дѣйствительности, что отнимаетъ всякую идею о притворствѣ.

Я преобразовываю его въ животное: «Вы—собака.» Онъ становится на четверенькахъ, лаетъ, дѣлаетъ видъ, что кусаетъ, и не оставляетъ своего положенія, пока не возвращу ему сознаніе своей естественной личности, или пока не придамъ ему другой.

Во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ личности, которыя легко вызываются у многихъ сомнамбулнеговъ, проглядываетъ личный характеръ субъекта: каждый выполняетъ свою роль со свойствами ему лично присущими; съ способностями, которыми онъ располагаетъ.

С1..., который по природѣ своей боязливый и не словоохотливый, выполняетъ свою роль почти пантомимой, говоритъ мало. Когда ему придаю личность, превосходящую его средству, онъ тщетно старается ее реализовать. Однажды я ему говорю: «Вы—адвокатъ, вы обладаете свободной рѣчью, вы краснорѣчивы. Вотъ передъ вами обвиняемый. Защищайте его, вы на судѣ.» Онъ становится, поднимаетъ руки и начинаетъ: «Осужденный, котораго я обязанъ защищать...» Дальше онъ не идетъ, что-то бормочетъ, останавливается присыженнымъ, голова его склоняется, онъ засыпаетъ, какъ бы изъ силъ выбившись отъ невозможности продолжать свою роль.

Впрочемъ, ни у одного изъ моихъ субъектовъ я не видѣлъ, чтобы гипнотическое внушеніе доходило до необык-

новенной степени, какъ на то нѣкоторые претендуютъ; чтобы интеллектуальныя средства разомъ создавали новыя способности. Безъ сомнѣнія, сосредоточеніе всего психическаго индивида на внушенной идеѣ можетъ увеличить проицательность, развитъ ограниченное сферой вызванныхъ идей ясновидѣніе, больше, чѣмъ въ состояніи бодрствованія; по никогда, до сего времени, мнѣ не приходилось убѣдиться, чтобы интеллектуальное явленіе перешло нормальныя границы: ни адвокатами, ни краснорѣчивыми проповѣдниками я не могъ сдѣлать своихъ субъектовъ, по природѣ своей неодаренныхъ даромъ краснорѣчія.

Всякій сомнамбулизмъ, повторяю, имѣетъ свойственную ему индивидуальность. Направляемый постороннею волею, автоматъ дѣйствуетъ по своей организаціи и отвѣчаетъ на внушенія такъ, какъ онъ ихъ воспринимаетъ, какъ умѣетъ, какъ ихъ толкуетъ.

Наблюденіе III. С. М.: прачка, 54 лѣтъ, страдаетъ локомоторной атаксіей съ вывихомъ, вслѣдствіе суставнаго страданія, лѣваго колѣна. Она пользуется въ клиникѣ нашей помощью съ Августа 1883 года. Это превосходная сомнамбулистка, способная къ внушеніямъ, какъ въ состояніи бодрствованія, такъ и во время сна. Можно, простымъ увѣреніемъ, вызвать у нея анестезію, параличь, слѣпоту, глухоту, сложныя галлюцинаціи. Съ перваго же гипнотическаго опыта она достигла глубокаго сна и выполняла всѣ внушенныя ей галлюцинаціи. Никогда не болѣла припадками самопроизвольнаго сомнамбулизма; никогда не имѣла истерическихъ приступовъ, ни другихъ нервныхъ страданій, за исключеніемъ тѣхъ (стрѣляющія боли и гастрическіе приступы), которые вызваны были съ табетическимъ страданіемъ.

Обладая замѣчательнымъ умомъ, она съ самой выразительной мимикой, съ поражающей вѣрностью передаетъ всѣ внушенныя ей акты: она по истинѣ артистически сценивается съ ролями, вложенными въ ея воображеніе.

Вотъ, для примѣра, гипнотическій сеансъ (14 Апрѣля 1866 года), *стенографированный* во всѣхъ его подробностяхъ.

— «Я буду считать до 6; когда скажу 4, ваши глаза закроются, вы уснете.» Я считаю, не глядя на нее. Когда дохожу до 4,

глаза ея закрываются, она нѣсколько потягивается и держитъ глаза закрытыми. Она анестезирована, остается въ внушенной каталепсiи, продолжаетъ сообщенныя ея рукамъ ротаторныя движенія и проч.

— «И такъ, говорю я ей, вы очень веселы. Когда же ваши именины?»— «15 августа»— «Сегодня 15 августа; значить, сегодня ваши именины.»— «Скажите пожалуйста, а я не полагала.» — «Да вѣдь такъ: вчера было 14 августа; вы хорошо это знаете.»— «Смотрите, какъ сезонъ быстро прошелъ!»— «Но вы знаете хорошо. Смотрите, какая прекрасная погода! Солнце сіяетъ; послушайте, какъ поютъ птицы; смотрите, деревья въ цвѣту.»— «А! да, это вѣрно.» — «И такъ, по случаю вашихъ именинъ, вы выпьете шампанскаго. Возьмите!» Она беретъ фиктивный стаканъ, пьетъ шампанское, дѣлая при этомъ всѣ глотательныя движенія; затѣмъ ставитъ стаканъ на столъ.— «Щиплетъ однако» говоритъ она.— «А теперь, вотъ вы на пирушкѣ!» «Уже и на пирушкѣ! А! а! а! Но, что дѣлается со мною! Послѣ маленькаго стаканчика! А! ударяетъ въ голову! Уфъ! э! э!» Она смѣется, лицо ея выражаетъ опьяненіе, она напѣваетъ пѣсню, снова начинаетъ смѣяться: «А! А! О! Не всякій день праздникъ! Все равно! Это не хорошо! Такъ не должно быть на пирушкѣ! Э! э! э!» Она смѣется. «Вамъ весело, сударыня!»— «Да, сударь, это забавно. Чу! Колокола! Я спать хочу. Это отягчаетъ, шампанское, голову». Она падаетъ на свою подушку, воображаемые винныя пары ударяютъ ей въ голову.

— «Погодите, я васъ отрезвлю. Возьмите, вотъ щелочь.» Я подношу руку къ ея носу. Она быстро отклоняется, сжимаетъ ноздри, спально сопить. Я снова подставляю воображаемую стклянку къ ея носу; она снова отшатывается, отводитъ мою руку. кашляетъ, кажется задыхающейся.— «Вы меня задушите!»

— «Ну вотъ, вы отрезвлены. Вы теперь себя чувствуете очень хорошо.» Тогда я ей даю слѣдующее внушеніе на время пробужденія: «Двѣ минуты по пробужденіи, вы увидите проходящую черезъ залъ процессію, алтарь, свитые дары; увидите его Высокопрощество, все духовенство, монашекъ съ восковыми свѣчами, всѣхъ студентовъ. Вы запоете *Veni Creator*. Затѣмъ войдутъ два большичныхъ служителя и произведутъ скандалъ во время церемоніи. Когда процессія окончится, вы опять уснете. Минутою позже вы проснетесь и тогда съ визитомъ явится къ вамъ вашъ сынъ, который находится въ *Bourbon—l'Archevêché*, съ своимъ ребенкомъ; послѣдняго вы найдете выросшимъ. Онъ заберется къ вамъ на кровать, дастъ вамъ земляники, которую вы поднесете этимъ дамамъ. Когда гости ваши уйдутъ,

вы снова уснете и, по пробужденіи, васъ посѣтитъ г. В... (она была кормилицей его сына), опъ сообщитъ вамъ о здоровьи ваншего стараго питомца и предложитъ вамъ понюшку табаку.» Сдѣлавши это внушеніе, я ей говорю: «Чья эта собака, которая на вашей кровати?» — «Смотри! да это моей сестры!» Она ее ласкаетъ: «Ахъ, ты, шалунишка, ступай! Кто это тебя прислалъ? А гдѣ твоя госпожа? Ты ее такъ и оставилъ? Дай лапу. Какая ты послушная! Сахару хочешь, плутишка; сахару хочешь! А?» Она беретъ у изголовья своей кровати чемоданчикъ, достаетъ сахаръ. «Обжора, ты всегда за сахаромъ приходишь. Ты не получишь этотъ кусокъ, онъ слишкомъ великъ.» Она отбиваетъ кусочекъ, даетъ ей, приговаривая: «Нѣтъ, малюкъ, знай, съ тебя этого довольно. На, кушай, шалунъ.» Она смотритъ, какъ собачка грызетъ. «Вкусно это? Ну, теперь ступай, ступай скоро къ своей госпожѣ, ступай скоро! Шалунъ, а если ты затеряешься! Хорошая собачка!»

— «Теперь, говорю я ей, я васъ возвращаю къ 20-ти лѣтнему возрасту: вы молоды, вы—пѣвица; сейчасъ будетъ вашъ выходъ въ казино (кафе-шантанъ) и вамъ предстоитъ пѣть комическую шансонетку.» — «О, это невозможно! 20 лѣтъ! по вѣдь я стара!» — — «Черезъ 2 минуты вамъ будетъ 20 лѣтъ! Вы почувствуете себя преобразованной.»

Она собирается съ мыслями и по истеченіи 2-хъ минутъ: «Какъ это красиво, какъ это великолѣпно». Она поправляетъ свою косынку, принимаетъ улыбающійся видъ: «Это весьма красиво, мнимо!» Она выправляется въ своей кровати. «О, о! вотъ г. директоръ. Къ кому однако?» Обращается къ своей воображаемой подружѣ: «Къ тебѣ или ко мнѣ? Твоя ли очередь, или моя? Однако, нужно, чтобы кто нибудь изъ насъ вышла. Ну! я пойду. Звонокъ! Сударь, что же нужно пѣть? Я не знаю, что обозначено въ репертуарѣ. О, не важно что!» Она граціозно расклапывается 3 раза и поетъ съ выразительными интонаціей голоса и жестами: *Mes amours, je suis né en Bretagne...* и проч. Когда шансонетка окончена, она кланяется, дѣлаетъ глубокій реверансъ, протягиваетъ затѣмъ руку, чтобы взять что то, что ей подносятъ. «О, красивый букетъ, красивый букетъ. По случаю моихъ именинъ! Это любезно.» Обращаясь къ своей сѣдкѣ: «А, ты видѣла!»

— «Черезъ минуту, говорю я ей, вы будете пьянымъ извоцикомъ.» Она протираетъ себѣ глаза и, по истеченіи одной минуты, садится въ постели, съ выгнутымъ назадъ туловищемъ, съ протянутой рукой, вытягиваетъ кнутомъ: «Пошелъ! Гей! Поди! Гей!

Гей! Пошелъ! Но, но! Въ! Гей! Старая коза! Забирая воображаемые возки: Спать ложнисься! Пошелъ! Ги! Гей! Не скоро ѣду! Гей, ты, тамъ, гамень, ступай своей дорогой! Но! Гей! Старуха, слушай ты тамъ! Пропусти мою телѣжку! Эй, трогай! Старая коза, овса почувяла! Ничего! Я не худо съ утра выпилъ. Теперь ужъ не рано! Гей!» Глядя направо: «Пріѣду, не беспокоюсь. Гей! Прочь.»

Я говорю: «Заплатишь ли ты что нибудь?» — «А, это ты, Grandjean? Что-жь ты хочешь, чтобъ я заплатилъ? Вѣдь я не богатъ. Однако, пойдѣте. Я плачу стаканчикомъ, если угодно. Смотрите Mastroquet! Пойдѣте туда. Гей! Стой, старая коза. Поторопимся, а то уйдетъ, мнѣ еще протоколъ составить. Человѣкъ, два стаканчика!» Она чокается и опоражниваетъ свой фиктивный стаканъ.

«Ну, повторнись, старушка моя? Въ другой разъ. До свиданія, старичекъ, до другаго раза, до свиданія». И все это говорится съ той интонаціей голоса, чтобы вѣрнѣе представить извозника.

— «А теперь, говорю я ей, вотъ вы великосвѣтская дама, въ своей каретѣ, съ лакеемъ.»

Она принимаетъ достойный, важный, пренебрежительный видъ; откидывается назадъ, удобно усаживается, заботливо прикрывается своимъ одѣяломъ, величественно скрещиваетъ руки и коротко и достойно: «Какая прекрасная погода! Роскошная погода, Joseph! Отвезите меня до каскада. Будьте внимательны. Поѣзжайте шагомъ.» Она дѣлаетъ привѣтствія рукой, улыбается разнымъ лицамъ. «Вотъ сколько людей! вотъ сколько людей!» Она умолкаетъ и въ теченіи 2-хъ минутъ сидитъ съ гордымъ и пренебрежительнымъ видомъ. Затѣмъ: «Ай! Поворачивайте назадъ, будьте внимательны.»

Я говорю: «Лошади понесли». Она: «Да будьте же внимательны! Послушайте, Joseph (кроткимъ и важнымъ видомъ), будьте внимательны. Ай! Удержите ихъ! О! О! Я слѣзу. Поторопитесь! Удержите ихъ скорѣе! Я не понимаю, почему вы не внимательны. Успокойте же своихъ лошадей. Остановите! Еще счастливо. Ступайте! Поворачивайте! Поторопитесь. Все ихъ этотъ шумъ испугалъ. Я не понимаю, почему вы не внимательны. Я откажу вамъ, если лучше себя вести не будете.»

Я ее превращаю въ капрала: «О! О! Капралъ! Какой же полкъ? Вѣдь я женщина.» — «Вы превращены въ мужчину и капрала. Веѣ ваши люди тутъ. Вы во главѣ ихъ.» Она ждетъ около минуты, чтобы освоиться съ своей ролью. Затѣмъ, выпрямившись: «Слушать, рекруты! Держитесь лучше. Поднимайте голову. Стройся!

Такъ! Слушать команду! На караулъ! Ружья вольно! На плечо! Равняйся. Не отставать, вы! Прямитесь! Если не будете держать себя лучше, на гауптвахту отправлю. Разъ, два! Разъ, два! Впередъ! Вотъ тяжелая служба! Скоты, будьте же внимательны! Эй! Плечи поднять, скотское стадо! Хоть волкомъ вой, а не научишь этихъ ословъ. Ничего не понимаютъ. Шагомъ маршь! Эй, барабанщикъ, довольно».

«Теперь, говорю я, съѣшьте этотъ апельсинъ. Потомъ явится ангелъ и подунетъ вамъ на глаза, чтобы разбудить васъ.» Она беретъ фиктивный апельсинъ, старательно очищаетъ его, кожицу его кладетъ на ночной столикъ, съ удовольствіемъ ѣстъ его по ломтикамъ, высасываетъ изъ нихъ сокъ, выплевываетъ зерна, беретъ платокъ, чтобы вытереть ротъ, кладетъ его опять на мѣсто, потомъ обращаетъ глаза въ воздухъ; фигура ея озаряется, она открываетъ глаза и продолжаетъ смотрѣть въ воздухъ, отыскивая разбудившихъ ее ангеловъ.—«Что это вы смотрите?»—«Ничего я не знаю.»—«Спали ли вы!»—«Я спала! Ничего не знаю.» По истеченіи 2-хъ минутъ: «О! О! Посмотрите, какая красивая процессія!»—«Ничего нѣтъ, говорю я ей. Это греза, которую я внушилъ вамъ.» Она ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ съ удивленнымъ видомъ смотрѣть: «Алтарь передо мною! Его Высокопреосвященство, Викарій! Священникъ!.. Дорогія всѣ сестры съ восковыми свѣчамъ! Студенты!» Какъ я не увѣряю ее, что это греза, она не отвѣчаетъ.—«Начинается благословеніе! Воспѣваютъ Veni Creator! Великолѣпно, очень красиво!» Она мысленно подтягиваетъ. Затѣмъ скрещиваетъ руки, молится, крестится. Кланяется смиренно: «Благодарю, Ваше Высокопреосвященство!» Затѣмъ, быстро оглядываясь съ раздраженнымъ видомъ: «Псс! Не угодно ли, не угодно ли выйти прочь. Теперь ли время для скандала? Смотрите, пожалуйста, на этихъ нѣжныхъ служителей! Уйдите прочь скорѣе! Для нихъ вовсе не постыдно совершить скандалъ, когда процессія еще не окончилась! Стыдно! О! Это для васъ ничего! Ступайте вонъ! Я знаю васъ не хочу! Вы думаете, что это даромъ вамъ пройдетъ? Всѣмъ извѣстно будетъ, что вы тутъ сдѣлали. Всевышній васъ покараетъ.» Она смотритъ въ сторону дверей. кланяется: «Уходитъ, благословеніе!».

Вся эта сцена протекаетъ съ необычайной вѣрностью, но какъ это бываетъ въ грезѣ, событія мѣняются правильно и гораздо быстрѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Сомнамбулистка снова засыпаетъ. По истеченіи минуты, она пробуждается, смотритъ вправо, со стороны дверей, лице ея прици-

масть удивленный и восхищенный видъ. Она простираетъ руки, два раза обнимаетъ пустое пространство и въ глубокомъ волненіи вскрикиваетъ: «Здравствуй, мой мальчикъ! Какой сюрпризъ! Почему не предупредилъ ты меня! О! какъ выросъ! Посмотрите! Какъ взбирается на мою кровать, сокровище! А! Какой большой!» Она его 2 раза обнимаетъ, беретъ его къ себѣ на руки и съ нѣжностью: «Видалъ, шалуни! Какъ взбирается на кровать!» Обращаясь къ своему сыну: «Какъ это случилось, что ты сегодня пришелъ, Павелъ?» Она его слушаетъ, потомъ отвѣчаетъ: «А, да! Смотрите, корзина земляники. Это первая!» Она смѣется, счастлива, веселая; пробуетъ землянику: «Позвольте ли вы мнѣ, сударыни, предложить вамъ, говоритъ она протягивая двумъ присутствующимъ дамамъ воображаемую корзинку. Она очень хороша. Вы уже уходите? Это очень грустно. Въ другой разъ.» Она обнимаетъ своего сына и внука. «Обнимите Габріель за меня. Прощай, мой милый!» И взволнованная, она взглядомъ слѣдитъ за нимъ до дверей, продолжая посылать ему поцѣлун.

Засыпаетъ въ третій разъ. Черезъ минуту пробужденія. Смотритъ на дверь, потомъ съ удивленнымъ видомъ: «Смотри г. В... Здравствуйте г-нъ В... Какъ поживаютъ ваши? Тѣмъ лучше! А мой маленькій Людовикъ? И все его зову маленькимъ Людовикомъ, потому что я его знала вотъ такимъ маленькимъ. А теперь онъ большой.. У меня насморкъ... Да, хорошая щепотка табаку. Это вѣрно! Она помогаетъ». Она дѣлаетъ жестъ, который показываетъ, что нюхаетъ; чихаетъ 2 раза, утираетъ носъ. «О! Благодарю, сударь! Мое почтеніе госпожѣ. Обнимите Людовика за меня». Она глазами провожаетъ его, потомъ: «Это слишкомъ короткіе визиты: Со всего этого остается лишь удовольствіе, что видѣла ихъ».

И увѣрю, что все это было внушенная греза; что процессія, визитъ ей сына, визитъ г-на В... существовали у нея только въ воображеніи. Она этому и вѣрить не хочетъ. «Какъ же, вѣдь я ихъ видѣла, касалась ихъ, какъ вижу васъ, какъ касалась васъ». Закачивая оныть, я ее снова усыпляю и уничтожаю всѣ внушенные впечатлѣнія. Но пробужденіи она ничего больше не помнитъ.

Наблюденіе IV. — S..., 39 лѣтъ, бывший сержантъ, теперь работникъ на чугуно-плавильномъ заводѣ, былъ ко мнѣ направленъ г. Lieblaut'омъ, усыплявшимъ его нѣсколько разъ. Раненный при Pataу осколкомъ гранаты въ волосяную часть головы, онъ имѣетъ на послѣдней глубокой рубецъ; онъ страдалъ вслѣдъ за служебіемъ уретры послѣдовательнымъ циститомъ. отъ котораго теперь

излеченъ. Его умственныя способности ясны; онъ не жалуется ни на какое нервное страданіе въ прошломъ, спитъ хорошо, не подверженъ припадкамъ самопроизвольнаго сомнамбулизма. Единственная констатированная мною у него вещь—это аналгезія безъ анестезіи, весьма замѣтная и почти общая, послѣдовавшая вслѣдъ за гипнотизаціями, которымъ онъ подвергался.

Онъ тотчасъ, по данному приказу, засыпаетъ, или по меньшей мѣрѣ закрываетъ глаза и не открываетъ уже ихъ; онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы. «Вы спите?»—«Немного».—«Спите крѣпко». Пѣсколько мгновеній спустя, я спрашиваю его: «Спите-ли вы очень крѣпко»? Онъ говоритъ «Да». Анестезія, внушенная каталепсія, автоматическія движенія, чувственыя иллюзіи, галлюцинаціи, выполнение всѣхъ заданныхъ актовъ,—все совершается инстинктивно, непосредственно, съ точностью стараго воина.

Я поднимаю его руку; онъ тотчасъ ее съ напряженіемъ вытягиваетъ; я слегка закрываю ему руку, онъ ее сокращаетъ съ такой значительной энергіей, что требуется довольно настоятельное приказаніе, чтобъ онъ ослабилъ свои сгибатели.

Я поднимаю обѣ его руки. Онъ тотчасъ понимаетъ или думаетъ, что понимаетъ, чего отъ него желаютъ, и выполняетъ то, что однажды его дѣлать уже заставляли—неопредѣленно вращаетъ руки, одну вокругъ другой съ весьма большой автоматической быстротою.

Его заставляютъ глотать соль или перецъ подъ видомъ сахара; онъ лакомится и сосетъ его, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія.

Я говорю ему: «Теперь 1870 г., вы сержантъ во главѣ вашего отряда; вы на сраженіи при Gravelotte'ѣ». Онъ мгновенно раздумываетъ, какъ бы оживляя свои воспоминанія; послѣднія возстановляются, дѣлаются образами и выступаютъ въ поразительной дѣйствительности. Онъ поднимается, сзываетъ людей своего отряда, командуетъ, маршируетъ, разставляетъ ихъ для дѣйствія: врагъ ужь тутъ. Онъ ложится, беретъ на плечо ружье, стрѣляетъ нѣсколько разъ сряду; нѣкоторые изъ его солдатъ падаютъ, онъ воодушевляетъ мужество другихъ: «Впередъ! Храбро! Укройте за этимъ кустарникомъ! Нужно отступать! Отступление!» И онъ съ своими людьми выполняетъ всѣ перипетіи боя въ томъ видѣ, въ какомъ ему воспоминаніе рисуетъ ихъ.

Или я переношу его воображеніемъ въ сраженіе при Potay, гдѣ осколкомъ гранаты повредило ему черепъ. Онъ падаетъ, без-

молвно лежить, подноситьъ руку къ головѣ, не трогается. Затѣмъ приходитъ въ себя, проситъ врача, полагаетъ, что его отнесли на амбулансъ; зоветъ больничнаго служителя, что-бы ему положили повязку и пр.

S..., оживляя въ памяти эту часть своего существованія, раздвигаетъ, такъ сказать, свою личность.

Онъ въ одно время задаетъ вопросы и отвѣчаетъ на нихъ, говоритъ за себя и за другихъ, какъ бы дѣлалъ повѣствованіе. Я его перешошу въ Dijon, гдѣ онъ состоялъ въ гарнизонѣ: «Смотрите, капитанъ Durand! Какъ поживаетесь!»—«Не худо, а ты?» «Откуда это ты?»—«Я въ отпуску, былъ въ Saverne'ѣ. А ты Б..., все тотъ же!»—«Я не мѣняюсь»—«Ты всегда въ арестантскоѣ».—«Чаще чѣмъ слѣдуетъ».—«Поїдемъ въ кафе, выпьемъ одинъ бокал...» Беретъ стулья, проситъ своихъ товарищей садиться, призываетъ гарсона, требуетъ пива и продолжаетъ разговаривать съ товарищами о всякаго рода вещахъ, вояря въ одно время за себя и за нихъ.

И говорю ему: «Гдѣ вы, S...?»—«Я въ Dijon'ѣ.»—«Кто же я?»—«Вы докторъ. Bernheim.»—«Но вѣдь я не въ Dijon'ѣ! Вы въ госпиталѣ Saint-Charles въ Nancy.»—«Ну нѣтъ, ибо я въ Dijon'ѣ! Вотъ и товарищи мои. Я васъ не знаю.

Я показываю ему его стараго полковаго командира, генерала Vincendon. Онъ встаетъ, привѣтствуетъ: «Здравствуйте, мой командиръ!»—«Здорово, молодець; все тотъ же! Ты излечился отъ раны. Ты не имѣешь ни медали, ни пенсіи!»—«Нѣтъ, мой командиръ!»

По его пробужденіи, воспоминаніе обо всемъ, что происходило, абсолютно уничтожено.

Такимъ образомъ онъ во снѣ видитъ внутреннюю драму, видитъ, такъ сказать, самаго себя въ своей прошлой жизни, съ своими товарищами, громко повторяетъ то, что послѣднее ему говорятъ, и то, что отвѣчаетъ имъ самъ; вызываетъ на лицѣ своемъ мимику, жестикულიруетъ, какъ будто онъ былъ въ дѣйствительности и зрителемъ, и дѣйствующимъ лицомъ въ одно и тоже время.

Субъектъ наблюденія II остается въ своей роли. Онъ выслушиваетъ вопросъ своего фиктивного собесѣдника, и не повторяя вопроса, отвѣчаетъ ему. Онъ блѣднѣетъ и дрожитъ, когда раненъ, поражается ужасомъ передъ полиціей. S..., на оборотъ, когда раненъ, не блѣднѣетъ, сердце его быстрѣе не

беться; это другой «онъ», котораго дѣйствовать онъ видитъ и чувствуетъ въ этой страшной двойственности его личности, о которой онъ себѣ не отдаетъ отчета. Онъ говоритъ со мною, отвѣчаетъ мнѣ, знаетъ, что онъ успуль въ госпиталѣ и въ то же время находится на полѣ сраженія; противорѣчіе не смущаетъ его.

Я видѣлъ аналогичный бредъ у нѣкоторыхъ одержимыхъ брюшнымъ тифомъ больныхъ, которые, съ занятымъ болѣзненными грезами воображеніемъ, говорятъ, въ одно время за себя и за другихъ, послѣдовательно повторяя вопросы своихъ собесѣдниковъ и собственные свои отвѣты.

Не подобнаго ли рода явленія происходятъ и въ физиологической грезѣ? Въ одно и то же время мы изъ себя представляемъ себя самихъ и другихъ, подобно сомнамбулисту, который считаетъ себя преобразованнымъ, напр., въ сабаку и своимъ человѣческимъ голосомъ отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы. Мы представляемъ себя въ грезѣ возвратившимися ко времени нашей юности; воспоминанія, засѣвшія далеко въ мозгу, оживаютъ и снова дѣлаются образами. Мы видимъ существа, которыхъ ужъ нѣтъ болѣе; бесѣдуемъ съ ними, а въ то же самое время сознаніе настоящаго момента не потеряно; иной разъ это сознаніе настолько отчетливо, что мы говоримъ себѣ: это только сонъ!» Maudsley говоритъ: «Кажется, что во всѣхъ видахъ сновидѣній въ глубинѣ насъ существуетъ вообще не ясное чувство или инстинктъ о нашей идеичности; ибо, въ противномъ случаѣ, насъ никогда не стало удивлять, види что мы—не мы сами, или что мы творимъ необыкновенными вещами, или мы не имѣли бы того рода личнаго ощущенія, который въ насъ во всякой личной драмѣ, въ которой мы можемъ играть роль. Я полагаю, что организмъ сохраняетъ свою подлинность, хотя бы всѣ наши сознательныя функціи были наиболѣе разсѣяны; и хотя мы спимъ, наша основная личность находится въ большей или меньшей силѣ, во всякомъ

состояніи сознанія, въ грезѣ или въ состояніи бодрствованія. Обитатель пріюта умалишенныхъ, который по своимъ иллюзіямъ мнитъ себя всемогущимъ, который въ мигъ одинъ можетъ совершать все, что хочетъ, униженно между тѣмъ выпрашиваетъ незначительнаго одолженія въ тотъ самый моментъ, когда онъ провозглашаетъ свое всемогущество. Это слѣдствіе разсѣяннаго сознанія идентичности.*)

Галлюцинаціи сомнамбулизма въ дѣйствительности и составляютъ только вызванныя грезы; вызванный образъ болѣе или менѣе ясенъ, сознаніе идентичности можетъ явиться болѣе или менѣе смутнымъ въ грезѣ безъ того, чтобы сповидецъ смущался противорѣчіемъ. S... сознаетъ, что находится возлѣ меня, что подчиняется мнѣ; но въ тоже самое время онъ находится на полѣ сраженія и громко повторяетъ мною внушенныя и имъ видимыя грезы.

Рядомъ съ этими типами сомнамбулизма, каковыя я только что представилъ и число которыхъ я могъ бы до безконечности увеличить, существуетъ болѣе рѣдкая разновидность, въ которой сповидцу представляются самопроизвольныя грезы, могущія быть направлены или видоизмѣнены по произволу находящагося съ нимъ въ общеніи лица. Эти грезы могутъ быть столь живы, что абсолютно изглаженное сознаніе дѣйствительности не можетъ быть пробуждено.

*) Я знаю одного душевно жалкаго субъекта, который, обивая пороги въ выпрашиваніи куска хлѣба и пріюта на ночь, не переставать съ самымъ убѣжденнымъ видомъ толковать о своихъ громадныхъ богатствахъ, о своихъ конскихъ заводахъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи; о своихъ обширныхъ знакомствахъ съ богатыми и выдающимися людьми. Однажды съ самымъ серьезнымъ, до комизма доходящимъ, видомъ онъ разсказалъ объ одной своей встрѣчѣ съ именитымъ мѣстнымъ богачемъ, X. Ѣдетъ онъ по городу въ каретѣ, запряженной парой рысаковъ собственнаго завода. Вдругъ ему на встрѣчу, тоже въ каретѣ, Ѣдетъ богатый X. Поровнявшись съ нимъ, X кричитъ своему кучеру: «Стои!» и выскакиваетъ изъ кареты. Тоже самое дѣлаетъ и онъ. Поздоровавшись и выслушавъ похвалу своимъ лошадямъ, онъ прощается съ X., причемъ цѣлуетъ послѣднему ручку, за что X. даритъ ему 3 рубля на чай. Послѣ этой сцены каждый изъ нихъ садится въ свою карету и оба богача разъѣзжаются.

Наблюденіе V. Въ моемъ отдѣленіи, отъ октября 1881 г. до января 1882 года, на пользованіи находилась молодая истеричная дѣвушка. Периодическіе конвульсивные приступы истеріи, съ довольно ясными промежутками; полная лѣвая геміанестезія, использованная магнитомъ; ригидная параплегія, скоропроходящая контрактура лѣвой руки и пр. Умственные ея способности довольно ясны и, въ этихъ приступахъ, она довольно разсудительна, несколько не впечатлительна, спокойна и умѣренна въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Она впадаетъ въ гипнозъ въ нѣсколько минутъ подъ вліяніемъ фиксаціи взгляда; глаза ея внезапно закрываются; она остается неподвижна. Внушенной катаlepsii не удается вызвать; приподнятые члены падаютъ назадъ.

Вотъ описаніе одного изъ сеансовъ:

Я спрашиваю у нея: «Сните ли вы?» Она не отвѣчаетъ. Я настаиваю; она ограничивается отвѣтомъ: «Нѣтъ, я не сплю.»—«Гдѣ находитесь вы?»—«На улицѣ.»—«А куда вы идете?»—«Я иду домой.»—«Гдѣ вы живете?»—«На улицѣ Etang, у матери.» Минутой позже: «Гдѣ находитесь вы теперь?»—«Вы знаете хорошо: на Вокзальной площади.» Вдругъ она сильно задрожала отъ ужаса. (По пробужденіи своемъ она этотъ страхъ объяснила тѣмъ, что увидѣла, какъ зашатался монументъ и испугалась, что онъ ее задавитъ.)—«Ну хорошо, говорю я, вотъ вы у матери. Какъ поживася ты, Марія?»—«Я себя чувствую лучше», говоритъ она, думая, что отвѣчаетъ матери.—«Ты все еще въ госпиталѣ?»—«Нѣтъ, я вышла уже, я почти излечилась. Меня теперь электризуютъ.»—«Ты была бы очень любезна, говорю я ей, если бы помогла мнѣ выгладить это бѣлье.»—«Ахъ? ты мнѣ докучаешь! я не пришла для работы.» Кончается однако тѣмъ, что она уступаетъ желанію своей матери: тогда она съ кровати снимаетъ простыню, дѣлаетъ движенія, какъ бы ее намачиваетъ, крахмалитъ ее; беретъ утюгъ, щупаетъ его, чтобы узнать, горячъ ли онъ; гладитъ съ большимъ стараніемъ по всѣмъ направленіямъ, складываетъ простыню вдвое нѣсколько разъ, не забывая никакой подробности.—«Теперь, говорю я ей, ты хорошо сдѣлала, если починишь этотъ чулокъ.» Она складываетъ простыню въ видѣ чулка, дѣлаетъ жестъ, какъ бы вкладываетъ въ него шаръ; беретъ визальную иглу, петля за петлей штопаетъ съ удивительной точностью, выворачиваетъ чулокъ, дѣлаетъ петли въ обратномъ направленіи и т. д. Я заставляю ее шить: она дѣлаетъ рубецъ на простынь, которая у нея подъ рукою; дѣлаетъ мину, что вдѣваетъ нитку въ иголку; надѣваетъ свой наперстокъ и шьетъ свой рубецъ, возвая

иголку, вытягивая нитку; разъ уколола себѣ палець и взяла его въ ротъ, чтобы отсосать каплю крови; замѣнила иглу, которая больше не колеть, другой; и все это дѣлается съ поражающей дѣйствительностью. «Ты достаточно поработала для матери», говорю я, «пойдемъ погулять». Она принимаетъ меня за свою подругу, Луизу. «Охотно» говоритъ она. «Пойдемъ купаться, жарко», говорю я. Она полагаетъ, что идетъ со мною, описываетъ улицы, по которымъ она проходитъ; людей, которыхъ видитъ. Я ударяю 3 раза по столу. «Что это такое?» говорю я. «Эго люди бьютъ камень.» Мы приходимъ въ купальню, она дѣлаетъ движенія, что раздѣвается; думаетъ, что находится въ водѣ; дрожитъ отъ стужи, дѣлаетъ своими вытянутыми руками правильныя плавательныя движенія и т. д.

Если я оставляю ее спать, не занимаясь ею, она самопроизвольно продолжаетъ свою грезу. Однажды, предоставивъ ее самой себѣ на нѣсколько минутъ, я вижу ее, дѣятельно трудящуюся за стиркою бѣлья, которое она вынимаетъ изъ лохани, опускаетъ въ воду, намыливаетъ его на доскѣ, снова погружаетъ его въ воду, съ силою скручиваетъ его, чтобы выжать воду и т. д.

Тотчасъ пробужденная, она рассказываетъ мнѣ все подробно-сти своего сна: какъ она ходила домой, проходила Вокзальной площадью, гдѣ имѣла пену, какъ она видѣла мать, которая ей сказала то-то и то-то. Она не забыла ни малѣйшей подробности, передавая въ логичномъ порядкѣ все несвязныя дѣйствія, въ которыхъ участвовать я ее заставлялъ.

Ученики мои во время сна тихо пѣли—это музыканты или уличные пѣвцы, которыхъ она на пути своемъ встрѣчала. Во время сна ей прикладывали ко лбу предметы съ нѣмью узнать, отгадаетъ ли она, что это за предметы—это лица, которыхъ видѣла на пути и которыхъ останавливали ее, чтобы предлагать ей вопросы. Какъ ни говорилъ я ей: «Но вѣдь это греза: вы спали; не покидали своей кровати!» Она ничему этому не вѣрила: греза казалась ей дѣйствительностью.

Во время сна она и могу направлять ея грезы, но не могу привести ее въ сознаніе того, что существуетъ. Я говорю ей: «Вы спите». — «Да, пѣть же», говоритъ она. — «Но, вѣдь вы парализованы, вы не можете ходить». — «Вамъ угодно надо мною посмѣяться, ибо я встаю и хожу.»

Я ее почти ежедневно усыплялъ, стараясь стать въ общеніе съ нею, касаясь то руки ея, то лба; разговаривая съ нею во время гипнотизаціи, говоря ей: «Помните, во время своего сна, что вы спите,

что я нахожусь возлѣ вашей кровати, что вы парализованы.» Въ данный моментъ глаза ея закрываются, но она опять за свое! Воспоминанія о дѣйствительности исчезаютъ: она не спитъ, не парализована, ходитъ; я представляюсь ей либо ея подругой, либо ея матерью!

Никакое также терапевтическое внушеніе не можетъ быть сдѣлано съ пользою, такъ какъ больная, съ этой точки зрѣнія, не общается мысленно со мной. Различныя явленія истеріи, контрактуры, паралегія, скоропроходящій trismus, афонія и пр. продолжали существовать, различнымъ образомъ видоизмѣняясь къ лучшему или худшему. Больная, самопроизвольно излечившись, вышла изъ госпиталя 9 января. Это особенное свойство вызваннаго у нея сомнамбулизма я только и хотѣлъ привести.

Другіе спящіе имѣютъ самопроизвольныя грезы, но эти послѣднія исчезаютъ по желанію усыпителя, который продолжаетъ управлять ихъ мыслями и волей.

Наблюденіе VI. Мужчина, 37 лѣтъ, страдающій съ 1872 года гастралгіей, обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Я его гипнотизировалъ пять разъ. Фиксируя мои пальцы, онъ, по внушенію, засыпаетъ въ двѣ минуты; впадаетъ въ сомнамбулизмъ: внушенная каталенсія, автоматическія движенія, полная анестезія, галлюцинаціи.

Если на время я перестаю его направлять, онъ входитъ въ самопроизвольныя грезы. Однажды, онъ остается неподвижнымъ, дрожитъ всѣми членами, вся его фигура выражаетъ ужасъ. «Онъ идетъ! Вотъ онъ.»—«Что такое?»—«Тигръ! Видите ли его, вотъ тамъ, внизу?» Онъ мнитъ себя въ пустынѣ и видитъ плущаго на него тигра. Въ другой разъ онъ видитъ себя въ Bar-le-Duc, у брата своего, торговца дровъ; онъ сопровождаетъ его въ лѣсной дворъ, бесѣдуетъ съ нимъ о дѣлахъ. Я говорю ему: «Вы находитесь въ Нанси; да, въ Нанси, на площади Stanislas.» И онъ дѣйствительно тамъ находится: онъ передаетъ мнѣ все, что видитъ во время своей прогулки, которую я его заставляю совершить въ воображеніи.

Не смотря на грезу свою, онъ сохранилъ сознаніе дѣйствительности: онъ знаетъ, кто я; онъ знаетъ, что спитъ! Въ одно и то же время онъ усыпленъ въ Нанси и пробужденъ въ дровяномъ дворѣ Bar-le-Duc'a; противорѣчіе его не смущаетъ; онъ во время своихъ самопроизвольныхъ грезъ остается въ общеніи съ усыпленнымъ его лицомъ. Приподнятая мною нога его остается въ воздухѣ. Его руки, приведенныя мною въ вращательное движеніе, одна вокругъ другой, продолжаютъ вращаться. Я внушала ему исчезновеніе эпигастриче-

скихъ и раціональныхъ болѣй; онъ заявляетъ, что не чувствуетъ ихъ болѣе во время своего пробужденія.

И такъ, этотъ сомнамбулизмъ, который, предоставленный самому себѣ во время сна, впадаетъ въ самопроизвольныя грезы, подобно субъекту предшествующаго наблюденія; отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что сознание дѣйствительности у него существуетъ и можетъ быть вызвано внушеніемъ! Сознаніе своей дѣйствительной личности, разсѣянное дѣйствіемъ грезъ возбужденнаго воображенія, не уничтожено и больной остается воспримчивымъ къ терапевтическимъ внушеніямъ.

Какъ образчикъ послѣдняго типа сомнамбулизма, я привожу слѣдующій случай, въ которомъ почти всѣ внушенныя явленія, приведенныя въ предыдущихъ наблюденіяхъ, отсутствуютъ. Ничто, кажется, помимо закрыванія глазъ и отсутствія воспоминанія по пробужденіи, не отличаетъ этотъ сонъ отъ бодрствованія.

Наблюденіе VII. Г-жа X.,... 56 лѣтъ, представляетъ собою весьма интеллигентную женщину. Уже много лѣтъ она страдаетъ хроническимъ гастритомъ съ дилатаціей желудка. Я ее легко усыпляю простымъ закрываніемъ вѣкъ, которыя я поддерживаю въ теченіи одной минуты. Она представляетъ извѣстную степень внушенной катаlepsis: нѣкоторое время держитъ руки въ воздухѣ, но по концѣ ихъ произвольно опускаетъ. Я могу также сообщить автоматическое ротаторное движеніе нижнимъ ея конечностямъ, сказавъ ей «Вы не можете остановиться». Но приданное движеніе не продолжается болѣе какихъ нибудь 12 секундъ; я не могу у нея вызвать ни контрактуры, ни анестезіи, ни чувственаго внушенія. Если я ей говорю, напримѣръ: «Слушайте музыку», она ничего не слышитъ. Если говорю ей: «Выпейте ложку этого питья». Она мнѣ отвѣчаетъ: «Вы знаете, докторъ, это у меня не водится».

Она сохраняетъ большую волю во время своего сна, споритъ со мною, посвящаетъ меня во всѣ подробности своей болѣзни, или же говоритъ со мною о неподходящихъ и суетныхъ вещахъ. «Не приглашала ли я васъ, докторъ, къ чаю въ такой день?» и пр. Если она слышитъ въ сосѣдней комнатѣ горничную, она пройдетъ на ея счетъ. Она ведетъ себя совершенно такъ, какъ находящаяся въ бодрствующемъ состояніи

лицо; но она подтверждаетъ, что спитъ и вполнѣ сознаетъ это. Въ теченіи болѣе 50 разъ, какъ я ее усыплялъ, мнѣ никогда не удавалось внушить ей чувственную иллюзію, либо достаточно ясную галлюцинацію. Со всѣмъ тѣмъ я ее однажды заставилъ услышать по пробужденіи военную музыку, которая казалась ей отдаленной и довольно неопредѣленной. Также ею были выполнены нѣкоторые, заданные на время пробужденія, акты.— Однажды, напримѣръ, я ей говорю: «Когда проснетесь, вы оставите кресло, въ которомъ вы сидите и пересядете въ стоящее передъ вами кресло.» Пробужденная, она осматривается вокругъ себя и говоритъ: «Я не понимаю, моя гостинная сегодня не въ порядкѣ; мнѣ неудобно въ этомъ креслѣ.» И она, послушная внушенію, занимаетъ противостоящее кресло. Она такимъ образомъ старается самой себѣ объяснить испытываемую ею потребность переимѣнить мѣсто.

Точно также я могу ей внушить нѣкоторые акты подобнаго же рода во время сна; я ей говорю, напримѣръ: «Черезъ 3 минуты вы сядете на диванъ и, пробывши на немъ минуту, вы проснетесь.» Она съ точностью повинуется.

Въ серединѣ самой оживленной бесѣды я ее бужу вдругъ, говоря ей: «Проснитесь!»

Она положительно ничего не вспоминаетъ. Все забыто! Она не знаетъ, сколько времени спала. Иной разъ, какое либо одно обстоятельство приходитъ ей на память при помощи самовнушенія. Однажды она мнѣ говоритъ: «Вы у меня во время сна спросили, всегда ли я испытываю кислую отрыжку съ ощущеніемъ жженія. Тогда же я себѣ сказала: «Не пужно объ этомъ забыть по пробужденіи, чтобы спросить доктора, какую воду Vichy я должна пить.» Такимъ образомъ она сама себѣ, во время сна, внушила, чтобы сохранить воспоминаніе объ этомъ; всякое же другое воспоминаніе было уничтожено. Впрочемъ, говоря ей предъ пробужденіемъ: «Вы рѣшительно ничего помнить не будете», я этимъ абсолютно уничтожаю всякое воспоминаніе; даже воспоминаніе, сохранить которое она себѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, внушаетъ во время сна.

Я могъ бы умножить наблюденія, не исчерпывая этимъ предмета; каждое лицо, какъ въ состояніи сомнамбулизма, такъ и въ состояніи бодрствованія, имѣетъ свою индивидуальность.

На предыдущихъ страницахъ я въ крупныхъ чертахъ представилъ интересныя явленія, которыя можно наблюдать во время вызваннаго сна; явленія, которыя каждый, желающій взять на себя трудъ, можетъ легко провѣрить. Безъ сомнѣнія, можно встрѣтить субъектовъ, которые умышленно притворяются, или которые, изъ угожденія, считаютъ себя обязанными притворяться; можно также встрѣтить сомнительныя, но внушающіе довѣрія, случаи. Состояніе сна отдѣляется отъ состоянія бодрствованія постепенными отгѣнками; иногда операторъ находится въ сомнѣніи, дѣйствительно ли такой то субъектъ подвергся вліянію; съ другой стороны этотъ послѣдній, который воспоминаетъ, что онъ все слышалъ, можетъ думать, что онъ не спалъ, и вообразить себя притворившимся.

Здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, опытъ научить различать, дѣйствительно ли одержанное вліяніе. Одинъ субъектъ съ большими познаніями и весьма интеллигентный, котораго я гипнотизировалъ въ теченіи нѣкотораго времени по поводу первой болѣзни, при первомъ же сеансѣ впалъ въ третью степень гипноза: внушенная катаlepsia, сохраненіе памяти при пробужденіи. Я спросилъ у него, спалъ ли онъ. Онъ это полагалъ, не будучи въ томъ совершенно увѣренъ, такъ какъ онъ все слышалъ. На вопросъ мой, почему онъ не открывалъ глаза, не опускалъ приподнятыя руки, и могъ бы ли онъ это сдѣлать, онъ отвѣтилъ: «Я не знаю, могъ бы ли я; у меня не было идеи сдѣлать это; у меня не было на то желанія.» Я былъ убѣжденъ, что онъ подпалъ вліянію гипноза; вліяніе это было столь вѣрно, что на слѣдующемъ и на всѣхъ остальныхъ сеансахъ онъ впадалъ въ глубокій сонъ, съ абсолютной потерей воспоминанія при пробужденіи. Это явленіе я ежедневно наблюдаю.

Не на легкую руку, не по одному только наблюденію, положительному или отрицательному, слѣдуетъ высказывать

миѣніе. Я отдаю себѣ ту справедливость, что я производилъ наблюденія хладнокровно, безъ предвзятой мысли, безъ энтузіазма. Но когда, послѣ многихъ сотенъ наблюденій, произведенныхъ надъ людьми всѣхъ классовъ общества, въ больницѣ и въ городѣ, я видѣлъ, что явленія совершаются съ постоянствомъ, по однообразному способу; когда, съ другой стороны, я узнаю, что всѣ лица, изучавшія этотъ вопросъ безъ предвзятой мысли, наблюдали явленія идентичныя или аналогичныя тѣмъ, которыя и я наблюдалъ, то пужно ли допустить, чтобы всѣ наши субъекты сговорились мистифицировать насъ? Иѣкоторые умы пугаются чудеснаго, они имѣютъ на то свои причины; но они не правы, если они разсматриваютъ непровѣренныя ими явленія, какъ чудесныя и систематически ихъ отрицаютъ по одному тому только, что эти явленія не согласуются съ апріористическими понятіями ихъ ума. Факты стоятъ непоколебимо; они ждуть объясненія; если же послѣдняго нѣтъ, то не станемъ же нападать на самые факты, а скорѣе на недостаточность нашего знанія въ психологін и первой фізіологін.

Глава IV.

(1) кровообращеніи и дыханіи у гипнотизированныхъ. — Измѣненія, констатированныя авторами, обязаны душевному возбужденію субъектовъ. — Вліяніе гипнотическаго внушенія на органическія жизненныя функціи: замедленіе и ускореніе пульса, вліяніе на вазомоторное кровообращеніе: покраснѣніе, парываніе, геморрагія по внушенію.

Еще слово о кровообращеніи и дыханіи у гипнотизированныхъ.

По Braid'у, пульсъ и дыханіе сначала совершаются медленно, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи; но, какъ только привести мышцы въ дѣятельность, замѣчается стремленіе къ каталептиформной ригидности съ ускореніемъ пульса, съ ускореннымъ и затрудненнымъ дыханіемъ. Изъ опытовъ его видно, что ускореніе пульса, протекающее отъ мускульнаго усиленія, производимаго обыкновенно субъектомъ, чтобы держать руки и ноги вытянутыми въ теченіи 5 минутъ, доходитъ до 20 на 100; а въ гипнотическомъ состояніи оно достигаетъ до 100* на 100. Если возбуждать тогда всѣ чувства, если въ тоже время каталептизировать члены, мускулы головы и шеи, то получается быстрое пониженіе до 40 на 100 (т. е. вдвое того, какимъ было ускореніе во время нормальнаго состоянія); если придать мускуламъ ихъ расслабленное состояніе въ то время, какъ субъектъ еще находится въ гипнозѣ, то пульсъ быстро спускается до цифры, на которой онъ былъ до опыта или даже ниже. Сверхъ того, во время каталептиформной ригидности пульсъ малъ и сокращенъ; въ тоже время происходитъ сильная инъекція конъюнктивъ глазъ и всей сосудистой системы

шеи, головы и лица. Braid полагаетъ, что ригидность каталептизированныхъ мышцъ затрудняетъ свободный переходъ крови къ конечностямъ и причиняетъ такимъ образомъ усиленіе сердечной дѣятельности и гиперемію черепнаго и спиннаго мозговъ.

Другіе авторы, подобно Braid'у, констатировали измѣненіе сердечной и дыхательной функцій. Pau de Saint-Martin въ одномъ случаѣ гипнотической летаргіи, запечатленномъ въ диссертациі Strabourg'a, отмѣчаетъ ускореніе пульса и дыханія, уменьшеніе сосудистаго напряженія и обильное отдѣленіе пота.

Heidenhain, при посредствѣ болѣе точныхъ методовъ, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ и сверхъ того отмѣтилъ увеличеніе отдѣленія слюны. Еще болѣе недавно, Tamburini и Serrilli, съ помощью графическаго метода и плетисмографа Mosso, констатировали, что въ моментъ перехода изъ состоянія бодрствованія въ гипнотическій сонъ дыхательныя движенія дѣлаются неправильными, неровными, учащенными; сердечныя и сосудистыя удары ускоряются; лицо наливается кровью.

Докторъ Наск Тике наблюдалъ у одного субъекта ускореніе сердечныхъ и дыхательныхъ движеній; у другаго движенія сердца и дыханія, наоборотъ, были спокойны.

Мнѣ кажется, что наблюдатели не обратили вниманія въ своей оцѣнкѣ явленій на употребленный для гипнотизаціи способъ и на тѣ моральныя условія, при которыхъ гипнотизаціи происходила. Субъекты, которыхъ приглашаютъ фиксировать блестящій предметъ или глаза оператора, дѣлаютъ при этомъ болѣе или менѣе большое усиліе; къ мышечному утомленію глазъ, къ психическому сосредоточенію присоединяется еще нѣкоторое моральное возбужденіе, въ особенности когда субъекты впервые подвергаются опыту. Вслѣдствіе этого дыханіе получается неправильное, ускоренное, а иногда задышающееся; пульсъ волнуется душевнымъ возбужденіемъ; это

тотъ пульсъ, который клиницисты называютъ медицинскимъ пульсомъ. Приливъ крови къ лицу, мышечныя содроганія, ощущение испытаннаго нѣкоторыми безпокойствія не должны, мнѣ кажется, происходить отъ другихъ причинъ.

У субъектовъ, которыхъ я усыпляю при посредствѣ тихаго способа внушенія, которые сохраняютъ спокойный духъ, у всѣхъ тѣхъ, которые, будучи ужъ нѣсколько разъ гипнотизированы, засыпаютъ смѣло, безъ душевнаго волненія, безъ возбужденія, никакой изъ этихъ симптомовъ не обнаруживается. При этихъ условіяхъ я не констатировалъ ни ускоренія, ни замедленія пульса; ни ускоренія, ни замедленія дыхательныхъ движеній; пульсъ я бралъ сфигмографомъ до и во время гипнотизаціи и я находилъ его идентичнымъ. Также не констатировалъ я значительнаго ускоренія, которое, по Braid'у, происходитъ отъ катамептиформной ригидности членовъ въ вытянутомъ состояніи; никакая чувствительная разница, мнѣ казалось, не существовала въ этомъ отношеніи между состояніемъ бодрствованія или состояніемъ гипноза.

Можно ли внушеніемъ измѣнять функціи органической жизни, которая при обыкновенныхъ условіяхъ не подчиняется вліянію воли? Для разрѣшенія этого вопроса Beaunis произвелъ нѣсколько фізіологическихъ опытовъ. Онъ старался внушеніемъ измѣнить частоту сердечныхъ біеній у сомнамбулистовъ, записывая эти біенія фізіологическими приемами. Съ этой цѣлью, сфигмографъ Марей приложенъ былъ къ лѣвой лучевой артеріи; электрической часовой механизмъ записывалъ секунды на пишущемъ цилиндрѣ. Вотъ добытые у двухъ сомнамбулистовъ результаты: у одной среднее число пульсацій въ минуту до гипнотическаго сна выразилось 96, а во время сна въ 98,4; внушеніе замедленія дало 92,4 въ минуту. Затѣмъ, когда пульсъ возвратился къ нормальному своему состоянію и отмѣчалъ 102 въ минуту, внушеніе ускоренія довело его до 115,5. По про-

бужденіи, пульсъ показывалъ 100,2. Замедленіе и ускореніе непосредственно слѣдовали за внушеніемъ. У другой сомнамбулистки внушеніе замедленія дало аналогичные результаты.

Внушеніе можетъ вліять на вазомоторное кровообращеніе. У нѣкоторыхъ субъектовъ можно вызвать красноту на определенной точкѣ тѣла. Beaupis сказалъ одной сомнамбулисткѣ: «По пробужденіи у васъ появится красное пятно на мѣстѣ, котораго я въ этотъ моментъ касаюсь». 10 минутъ спустя по пробужденіи незначительное покраснѣніе начало выступать на указанномъ мѣстѣ; затѣмъ оно мало по малу увеличивалось и, продержавшись въ теченіи 10 минутъ или четверти часа, постепенно исчезало. Можно, впрочемъ, внушеніемъ продержать его долго.

У нѣкоторыхъ субъектовъ можно сдѣлать больше: можно произвести нарываніе, какъ отъ мушки, при посредствѣ гипнотическаго внушенія. Г. Focachon, аптекарь въ Charmes, показалъ намъ это явленіе у одной сомнамбулистки, которую они привезъ въ Nancy, чтобы доставить намъ возможность контролировать опытъ. Во время ея сна онъ, въ 11 часовъ утра, прикладываетъ ей къ лѣвому плечу 8 почтовыхъ марокъ, внушая ей, что прикладываетъ мушку. Субъектъ остается спать весь день; ее будятъ только въ часъ обѣда; за нею зорко слѣдятъ. Усыпляя ее на ночь, ей внушено было, что она проснется только въ 7 часовъ утра. Въ этотъ день, въ четверть 9-го, повязка была снята; почтовые маркп не были измѣнены; на протяженіи 4—5 сантиметровъ эпидермисъ замѣтно утолщенъ и измѣненъ, желтовато-бѣлаго цвѣта; эпидермисъ только не приподнять и не образуетъ волдыря; онъ утолщенъ, немного сморщенъ, — однимъ словомъ, представляетъ собою періодъ, непосредственно предшествующій такъ называемому нарыванію. Это мѣсто кожи окружено интенсивно краснымъ поясомъ съ припухлостью. Лицо это возвратилось въ Charmes съ г. Focachon'омъ.

Въ 4 часа вечера развилось 4—5 фликтенъ; 15 дней спустя, нарывъ былъ еще въ полномъ нагноеніи.

Г. Foschou съ успѣхомъ произвелъ этотъ опытъ у другаго лица: въ 48 часовъ произошелъ нарывъ.

Г. Dumontpellier, дѣлая опытъ съ цѣлью воспроизвести это явленіе, наблюдалъ нѣсколько разъ не нарываніе, а замѣтное повышеніе температуры.

Наконецъ у нѣкоторыхъ субъектовъ можно вызвать съ помощью внушенія геморрагію, кровяныя пятна.

Гг. Vougu и Vigot, изъ Rochefort, экспериментировали въ этомъ направленіи надъ однимъ молодымъ флотскимъ солдатомъ, страдавшимъ гистеро-эпилепсией. Введши его въ сомнамбулизмъ, г. Vougu сдѣлалъ ему слѣдующее внушеніе: «Сегодня вечеромъ, въ 4 часа, предварительно уснувъ, ты возвратишься ко мнѣ въ кабинетъ, сядешь въ кресло, скрестишь руки на груди и у тебя носомъ пойдетъ кровь.» Въ сказанный часъ онъ это выполнилъ: изъ лѣвой ноздри видно было нѣсколько просочившихся капель крови.

Въ другой разъ этотъ самый экспериментаторъ начерталъ имя субъекта на обоихъ его предплечьяхъ тупымъ концомъ стилета изъ своего набора; затѣмъ, погрузивъ его въ сомнамбулизмъ, онъ ему сказалъ: «Въ 4 часа, сегодня вечеромъ, ты успешь; на линияхъ, которыя я только что начерталъ на твоихъ рукахъ, выступитъ кровь и на послѣднихъ кровяными буквами появятся твое имя». За нимъ наблюдаютъ и въ 4 часа его видятъ загнипотизировавшимся; на лѣвой рукѣ рельефно обозначаются знаки густо-краснаго цвѣта, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступаетъ нѣсколько капель крови. Три мѣсяца спустя эти знаки были еще видны, хотя уже мало-по-малу поблѣднѣли.

Докторъ Mabile, одинъ изъ нашихъ старыхъ и превосходныхъ учениковъ, директоръ пріюта умалишенныхъ Lafond'a, близъ La Rochelle, повторялъ надъ этимъ больнымъ, принятымъ въ пріютъ, Rochefort'скіе опыты и во-

возобновилъ у него опытъ съ кровяными пятнами. Онъ вызвалъ у него мгновенную геморрагію на опредѣленной части тѣла. Онъ также констатировалъ у этого субъекта приступъ самопроизвольнаго сомнамбулизма, въ которомъ больной, раздвигая, такъ сказать, свою личность, внушеніемъ самому себѣ вызывалъ на своихъ рукахъ геморрагическія пятна, повторяя такимъ образомъ чудесное явленіе извѣстной самовнушительницы стигматизированной Louise'ы Lateau.

Итакъ, этими нѣсколькими фактами, кажется, доказано, что внушеніемъ можно вліять на сердечную функцію и на вазомоторную инервацію. Однако, явленія этого рода выполняются весьма рѣдко; они составляютъ исключеніе и вызываются только у извѣстныхъ субъектовъ. Я бесполезно у многихъ старался ихъ вызывать. Совсѣмъ тѣмъ этихъ фактовъ достаточно, чтобы признать за мозгомъ въ то время, какъ онъ находится въ состояніи особеннаго психическаго сосредоточенія, свойство—вліять даже на органическія функціи, въ нормальномъ состояніи мало подчиняющіяся воли. Установленными съ этой цѣлью опытами можно было бы изучить, до какой степени, уже въ состояніи бодрствованія, мысль можетъ вліять на нѣкоторыя функціи. Извѣстно, насколько моче-и кало-изверженія находятся подъ вліяніемъ воли, мысли, воображенія. Нельзя ли также, сосредоточивая свою мысль на явленіи, вызвать увеличеніе тепла въ извѣстныхъ областяхъ тѣла и, быть можетъ, безъ гипнотизаціи? Отвѣтить на это можетъ намъ опытъ, направленный къ тому, чтобы при посредствѣ психически вызваннаго вазомоторнаго прилива доказать мѣстное увеличеніе температуры.

Глава V.

О внушеніи въ состояніи бодрствованія.—Производство при помощи простаго увѣренія тѣхъ же явленій у способныхъ къ гипнотизаціи, но не загипнотизированныхъ лицъ.—Перенесеніе (transfert) темпестезіи у одной истеричной.—О чувствственныхъ внушеніяхъ.—О галлюцинаціяхъ.—Внушенныя измѣненія поля зрѣнія.

Теперь приступаю къ изученію замѣченныхъ мною явленій, касающихся *внушенія въ состояніи бодрствованія*.

Я замѣтилъ, что многіе субъекты, которые ранѣе были гипнотизированы, могутъ, не подвергаясь вновь гипнотизаціи, если только испытаны уже малымъ хоть числомъ предшествовавшихъ гипнотизацій (одного, двухъ, трехъ разъ достаточно бываетъ для нѣкоторыхъ), могутъ проявить въ состояніи бодрствованія способность обнаружить тѣже явленія внушенія.

Вотъ, на примѣръ, X..., одинъ изъ моихъ привыкшихъ къ гипнотизаціи больныхъ, впадающій въ легкій сомнамбулизмъ. Не усыпляя его, я внезапно, въ упоръ, говорю ему: «Закройте руку, вы не можете ее больше открыть». И онъ контрактурованно держитъ руку закрытой и дѣлаемыя имъ усилія открыть ее остаются безплодными. Я заставляю его протянуть другую открытую руку и говорю: «Вы не можете ее закрыть». Онъ тщетно старается закрыть ее, приводитъ фаланги до состоянія полусгибанія одни на другія и не можетъ, вопреки всѣмъ своимъ усиліямъ, сдѣлать большаго.

Я говорю: «Теперь закрытая ваша рука открывается, а открытая-закрывается», и въ нѣсколько секундъ это выполняется; руки остаются неподвижными въ новомъ этомъ положеніи.

Автоматическія движенія удаются у него весьма хорошо. Я говорю: «Вращайте своими руками, вы не можете ихъ остановить». Онъ безконечно вращаетъ ихъ одну вокругъ другой. Я прибавляю: «Употребите всѣ свои усилія, чтобы остановить ихъ. Не дѣлайте угожденія. Остановите ихъ, если можете». Онъ дѣлаетъ усилія, старается приблизить руки, чтобы одну подпереть другой. Безполезно: они отскакиваютъ, точно пружины, влекомыя бессознательнымъ механизмомъ. Остановливаю я одну руку, другая продолжаетъ вращаться; но лишь только освобождаю первую, она присоединяется къ другой и снова начинаетъ свое вращеніе. Также вызываю я *trismus*, *torticolis*, внушенный параличъ члена и проч.

Это не единственное наблюденіе: это самое явленіе обнаруживается у многихъ способныхъ къ гипнотизаціи и ничуть не нервныхъ субъектовъ, даже у такихъ, которые не доходятъ до глубокаго сна, но только до второй или третьей степени; они представляютъ, по меньшей мѣрѣ нѣкоторые, въ состояніи бодрствованія точно такія же явленія, какъ и въ гипнозѣ: одни только внушенную катаlepsію съ мышечнымъ сокращеніемъ или различной контрактурой; другіе — катаlepsію съ автоматическими движеніями; третьи — въ то же время внушенную чувствительно-чувственную анестезію; четвертые доходятъ до галлюцинацій. Для полученія же этихъ явленій внушенія мнѣ нѣтъ вовсе надобности прибѣгать къ сильному голосу авторитета, ни также взглядомъ поражать своихъ субъектовъ: я говорю, что нужно, самымъ простымъ образомъ, улыбаясь; а между тѣмъ я достигаю эффекта не только у субъектовъ послушныхъ, безъ воли, угождающихъ, но также у субъектовъ

выдержанныхъ, весьма разсудительныхъ, съ силой воли, даже у нѣкоторыхъ съ покорнымъ характеромъ.

Измѣненіе чувствительности можетъ быть вызвано у нѣкоторыхъ внушеніемъ въ состояніи бодрствованія.

Вотъ замѣчательное явленіе: одна молодая истеричная дѣвушка, (см. вторую часть, наблюденіе IX) находится въ моемъ отдѣленіи на пользованіи; она представляетъ полную, лѣвую, чувствительно-чувствепную геміанестезію; она сверхъ того способна къ гипнотизаціи до глубокаго сна.

Въ состояніи бодрствованія она подвергается катаlepsии или внушенной контрактурѣ. Не усыпляя ее, не прикасаясь къ ней, я произвожу у нея трансфертъ геміанестезіи слѣва на право.

Я говорю ей: «Вы сейчасъ снова будете чувствовать свою руку, чувствительность въ ней снова возстановится». Я настоятельно обращаю ея вниманіе на этотъ возвратъ чувствительности. По истеченіи 3-хъ минутъ она чувствуетъ сильную боль въ лѣвомъ плечѣ; въ этотъ моментъ плечо чувствительно, предплечье не имѣетъ еще чувствительности, правое же плечо нечувствительно; боль быстро, лучеобразно распространяется отъ центра къ периферіи по всей длинѣ руки до пальцевъ, затѣмъ исчезаетъ. Это продолжается отъ нѣсколькихъ секундъ до четверти минуты. Возвращеніе чувствительности сопровождается лучеобразной болью. Чувствительность совершенно возстановлена въ лѣвой верхней конечности; она уничтожена въ правой верхней конечности: произошелъ трансфертъ; этотъ послѣдній не былъ внушенъ; внушено было только возвращеніе чувствительности въ лѣвой рукѣ.

Я произвожу также, либо одновременно, если внушеніе довольно настоятельно; либо послѣдовательно, если внушеніе не столь настоятельно или сильно, трансфертъ въ нижнихъ конечностяхъ. Спеціальная чувствительность, обоняніе, вкусъ, зрѣніе, слухъ претергиваютъ очень часто сразу, и безъ

спеціального для нихъ внушенія, тотъ же трансфертъ слѣва направо.

Можно непосредственно слова вызвать трансфертъ въ обратномъ направленіи и послѣдовательно такимъ образомъ столько разъ; сколько того желаютъ.

Я могу произвести перекрестную чувствительность, на-примѣръ, въ верхней лѣвой конечности и нижней правой и vice versa, тогда какъ другіе члены остаются анестезированными.

Настоятельно, съ силою дѣлая внушеніе и поддерживая — что иногда, но не всегда, возможно — сосредоточенное вниманіе больного на его рукахъ и ногахъ, я вызываю возстановленіе чувствительности безъ трансферта: обѣ стороны его тогда чувствительны. Если, наоборотъ, внушеніе недостаточно, то лучеобразно распространяющаяся боль и чувствительность останавливаются на полъ пути: плечо, на-примѣръ, и верхняя половина предплечья остаются одни чувствительными, тогда какъ запястье и кисть руки остаются анестезированными.

Анестезія совершается быстрѣе, нежели возстановленіе чувствительности: послѣднее требуетъ по крайпей мѣрѣ минуту, первая же мгновенно получается. Я колю булавкой лѣвую кисть руки: больная сильно реагируетъ (глаза закрыты, съ цѣлью обойти всякій обманъ); я говорю ей: «Вы ничего теперь болѣе не чувствуете», и я колю снова: мгновенная полная аналгезія.

Трансфертъ или полное возстановленіе чувствительности могутъ совершаться другимъ, еще болѣе дѣйствительнымъ, способомъ, который воплощаетъ, такъ сказать, функциональное возстановленіе въ видимомъ и осязательномъ явленіи.

Я заставляю поднять анестезированную руку съ закрытою кистью руки; членъ остается въ катаlepsis. Я говорю тогда: «Рука ваша тотчасъ откроется, она опустится и вы

снова будете ее чувствовать». По истечении отъ .нолу — до одной минуты рука быстро открывается, какъ бы отъ болѣзненнаго электрическаго сотрясенія; трансфертъ чувствительности произошелъ. Въ это же время, если я это внушилъ, устанавливается трансфертъ контрактуры: закрывается другая кисть руки и рука катаментизируется.

Вмѣсто контрактуры рукъ въ состояннн сгибанія, я произвожу контрактуру открытыхъ рукъ въ состояннн (разгибанія); если внушаю закрыть руки, происходитъ тотъ же эффектъ.

Я противодѣйствую возникновенію трансферта, восстанавливаю чувствительность въ анестезированномъ членѣ, поддерживая ее въ здоровомъ членѣ при посредствѣ слѣдующаго приѣма: я поднимаю обѣ руки и обѣ ноги, поддерживаю ихъ въ катапекснн, по закрытыми; и говорю тогда: «Ваши руки тотчасъ откроются, ваши ноги опустятся и чувствительность у васъ появится повсюду.» Чѣсколько мгновений спустя руки открываются, ноги опускаются, чувствительность становится общюю.

Наконецъ, если въ то время, когда я произвожу эти внушенные явленія, я говорю и настойчиво повторяю: «Чувствительность наступитъ безъ боли; вы не почувствуете никакой боли», и больной снова получаетъ свою чувствительность безъ содроганій и безъ лучеобразно распространяющихся болей.

Прибавлю, что, по истеченнн различнаго времени, лѣвая геміанестезія самопроизвольно вновь устанавливается.

Всѣ эти опыты я производилъ и повторялъ ежедневно въ теченнн многихъ недѣль передъ учениками, передъ многими собратами и коллегами, которые могли ихъ контролировать, подобно тому, какъ они контролировали всѣ тѣ явленія, которыя я уже приводилъ, а равно и тѣ, которыя я намѣренъ еще приводить.

У одного изъ моихъ сомнамбулистовъ, Sch..., исторія

котораго представлена уже мною, я также вызываю въ состояніи бодрствованія всевозможныя измѣненія чувствительности. Достаточно мнѣ сказать: «Лѣвая ваша сторона нечувствительна,» и если тогда я лѣвую его руку колю булавкой, ввожу послѣднюю въ ноздрю, дотрогиваюсь до слизистой оболочки глаза. щекочу его въ глоткѣ, онъ не поморщится; другая же сторона реагируетъ. Я переношу анестезію слѣва направо; я произвожу общую анестезію, дѣлаю ее столь глубокой, что однажды старшій врачъ клиники вырвалъ у него пять крѣпко сидящихъ зубныхъ корней, расшатывая при этомъ зубныя луночки въ теченіи болѣе 10 минутъ. Я просто ему сказалъ: «Вы абсолютно ничего не чувствуете.» Онъ, смѣясь, выплевывалъ свою кровь, не обнаруживая ни малѣйшаго болѣзненнаго ощущенія.

Субъектъ этотъ воспринимаетъ сверхъ того всякія внушенія, не будучи усыпленнымъ. Я говорю ему въ то время, когда онъ ходитъ: «Вы не можете больше идти впередъ», онъ остается пригвожденнымъ къ мѣсту. «Употребите всѣ свои усилія пойти впередъ, вы этого не сможете сдѣлать»; онъ наклоняетъ свое тѣло впередъ, но не можетъ добиться того, чтобы оторвать свои ноги отъ пола. Я вызываю у него всякія положенія, всякія, какія я хочу, контрактуры, и онъ ихъ неопредѣленное время сохраняетъ. Онъ выполняетъ всѣ внушенныя ему галлюцинаціи. «Ступайте на свою кровать, вы найдете тамъ корзинку земляники,» говорю я ему. Онъ идетъ, находитъ воображаемую корзинку, держитъ ее за дужку, ѣстъ землянику, совершенно такъ, какъ мы его видѣли дѣйствующимъ послѣ гипнотизаціи.

G... (Théophile), молодой мальчикъ, 14 лѣтъ, поступилъ на пользованіе отъ катарральнаго нефрита, отъ котораго онъ быстро вылечился. Это мальчикъ лимфатическаго сложенія, интеллигентный, получившій хорошее первоначальное воспитаніе, не представляющій впрочемъ никакого первнаго разстройства. Я его усыплялъ 4 или 5 разъ; онъ впадаетъ

въ сомнамбулизмъ, выполняетъ всѣ внѣшніе акты во время сна, ничего по пробужденіи не помнитъ, способенъ къ post-гипнотическимъ галлюцинаціямъ.

Я вызываю у него въ состояніи бодрствованія внѣшнюю каталепсию верхнихъ конечностей, автоматическія движенія рукъ одна вокругъ другой, и онъ не въ состояніи остановить это движеніе, какъ въ приведенныхъ уже примѣрахъ.

Въ этомъ случаѣ я обращаю особенное вниманіе только на явленія чувствительности. Убѣдившись, что въ нормальномъ состояніи чувствительность совершенная, что обѣ его руки живо реагируетъ на уколы булавкой, я говорю: «Твоя правая рука нечувствительна, чувствительна только лѣвая рука», и я вонзаю булавку въ правую руку безъ всякой реакціи со стороны послѣдней; тогда какъ другая рука обнаруживаетъ болѣзненное ощущеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я говорю. «Но нѣтъ, нечувствительна лѣвая рука твоя.» И мгновенно явленіе паступаетъ въ правой рукѣ чувствительность вновь появляется. Также точно я вызываю анестезію лица, ноздрей и пр. Органы чувствъ такимъ же образомъ подвергаются влиянію по внѣшенію. Убѣдившись въ нормальности его зрѣнія, я говорю ему: «Ты видишь очень хорошо и очень далеко лѣвымъ глазомъ; правымъ же глазомъ ты видишь худо и очень близко.» Вслѣдъ за тѣмъ я заставляю его читать печатный шрифтъ, величиною въ 3 миллиметра: лѣвый глазъ читаетъ его на разстояніи 80 сантиметровъ, правый же на разстояніи только 24 сантиметровъ. Я произвожу трансфертъ по внѣшенію, говоря: «Правый глазъ видитъ очень хорошо, лѣвый же видитъ только очень близко.» Правый глазъ читаетъ на 80 сантиметровъ разстоянія, а лѣвый на 24.

Слухъ у него весьма хорошій: правымъ ухомъ онъ слышитъ тикъ-такъ карманныхъ часовъ на 94 сантиметра разстоянія, лѣвымъ на 87. Я говорю ему: «Лѣвымъ ухомъ ты слышишь очень хорошо и весьма далеко, но правымъ

ты слышишь трудно и очень близко». Я измѣряю разстояние, на которомъ до его слуха доходить тикъ-такъ карманныхъ часовъ, и для лѣваго уха получаю 87, а для праваго только 2 сантиметра. Я внушаю трансфертъ и получаю его. Измѣренія эти дѣлались старшимъ врачомъ моей клиники въ то время, когда я держалъ глаза этого молодого юноши герметически закрытыми, что исключаетъ, кажется, всякій поводъ къ ошибкѣ.

Я внушаю полную одностороннюю глухоту: онъ заявляетъ, что не слышитъ приложенныхъ къ его уху карманныхъ часовъ. Я переношу глухоту на другую сторону. Я внушаю полную двустороннюю глухоту: онъ увѣряетъ, что не слышитъ тикъ-такъ приложенныхъ къ его ушамъ карманныхъ часовъ. Когда я возстановилъ ему слухъ, онъ заявилъ, что не слыхалъ ни малѣйшаго звука къ то время, когда я къ нему говорилъ, и что только по губамъ моиъ догадывался, что я ему хотѣлъ сказать. Само собой разумѣется, что здѣсь не достаеъ контроля, я могу только сослаться на увѣренія больнаго.

У G... (Marie), наблюденіе которой я приводилъ, я вызываю въ состояніи бодрствованія каталепсію, автоматическія движенія, анестезію. Я хочу сообщить только объ анестезіи. Убѣдившись въ томъ, что чувствительность у нея не тронута, я говорю ей: «Вы абсолютно ничего не чувствуете правой верхней конечностью; она у васъ, точно мертвая», и она не реагируетъ болѣе на уколы булавкой, а закрывъ глаза, она не чувствуетъ, находятся ли ея руки въ воздухѣ или въ постели: мускульное чувство уничтожено. Чтобы исключить всякую мысль объ обманѣ, я пользовался приборомъ Dubois-Reymond'а, измѣняющимъ силу тока, при удаленіи или приближеніи другъ къ другу наводящей бобины къ наведенной. Линейка, градуированная на сантиметры, указываетъ на степень удаленія бобинъ. Предварительно я констатировалъ, что электрическій токъ чувствуется этой боль-

ной, когда раздвиганіе бобины доходитъ до 5; что боль становится невыносимой, больная быстро отодвигаетъ руку, когда это раздвиганіе стоитъ между 3 и 2. Эти цифры остаются абсолютно одни и тѣже, когда глаза у нея герметически закрыты такъ, чтобы она не могла видѣть степень раздвиганія катушекъ. Это я констатировалъ много разъ. Такимъ то образомъ я убѣдился, что боль дѣйствительно чувствуется и не притворна.

Установивши это, я вынужденъ вызывать анестезію и помѣщаю на рукѣ ея электрической стержень съ максимальнымъ токомъ, прикрывая наводящую бобину наведенной. Нормально такимъ образомъ произведенное болѣзненное ощущеніе абсолютно невыносимо и притворство въ подобной аналгезіи, по выраженію моего коллеги, Victor'a Parisot, пожелавшаго контролировать этотъ опытъ, представляло-бы собою бѣльшее чудо, чѣмъ производство самой аналгезіи. Больная же не обнаруживаетъ никакой реакціи; увѣряетъ, что не чувствуетъ своей руки, держитъ на послѣдней электрической приводѣ неопредѣленное время, пока не скажу: «Рука ваша вновь чувствительна». По истеченіи одной секунды, она ее быстро отдергиваетъ. Такую же аналгезію я произвожу внѣшнимъ во всякомъ мѣстѣ тѣла. Этотъ опытъ подѣ контролемъ былъ повторенъ много разъ передъ коллегами; часто я его вызываю, проходя мимо больной. У этой самой больной можно, впрочемъ, не усыпляя ее, вызывать всевозможныя галлюцинаціи.

Чтобы закончить эту главу, я приведу еще слѣдующій фактъ, относящійся къ тому порядку идей, которымъ займусь позже, а именно: къ внѣшней терапіи.

Одинъ молодой человѣкъ, представленный докторомъ Spillmann'омъ въ медицинскомъ Обществѣ въ Парижѣ, сифилитикъ, съ значительными вегетаціями на членѣ, представлялъ интересныя истериформные припадки и, между прочимъ, стойкую амблионію лѣваго глаза. Подъ вліяніемъ бо-

бины, прерывисто намагничиваемой электрическимъ токомъ, изобрѣтенной и испытанной моимъ коллегой, Charpentier'омъ, острота зрѣнія, дошедшая до $\frac{1}{6}$, сдѣлалась нормальной; поле же зрѣнія увеличилось съ 10 до 25 градусовъ во всѣхъ своихъ меридіанахъ.

Послѣдовательное гипнотическое внушеніе расширило еще больше (съ 8 до 10 градусовъ) каждый изъ меридіановъ. Добытый такимъ образомъ результатъ держался въ теченіи семи дней.

Пожелавъ тогда, вмѣстѣ съ моимъ коллегой, прослѣдить, какое дѣйствіе будетъ имѣть въ состояніи бодрствованія внушеніе, связанное съ фиктивнымъ намагничиваніемъ, мы, приложивъ къ темени больного бобину, держаи послѣднюю, не пропуская черезъ нее электрическаго тока, въ теченіи около 50 минутъ: поле зрѣнія, измѣряемое Charpentier'омъ, приобрѣло 7 градусовъ внутри, 25 внѣ, 20 внѣ и внизу; его протяженіе превосходило таковое нормальное. (См. Наблюденіе VIII, часть II).

Въ параллель къ этимъ экспериментальнымъ явленіямъ я привожу безъ комментариевъ слѣдующую цитату, позаимствованную у доктора Charpignon'a:*)

«Между мучениками за христіанство многіе избавлялись боли, благодаря тому экстазу, который являлся у нихъ вслѣдствіе ихъ пылкой вѣры—явленіе хорошо извѣстное ихъ палачамъ, которые удваивали жестокость и изобрѣтательность казни. Точно также, во время судебного допроса, нѣкоторые индивиды дѣлались нечувствительными подѣ влияніемъ ихъ вѣры въ снотворную силу какого либо талисмана. По этому поводу я приведу слѣдующую страницу, взятую изъ чудесныхъ тайнъ натуральной и кадалистической магіи (in—12. Lyon, 1629): «Преступники столь сильно вѣрили обладаемымъ ими тайнамъ—дѣлаются нечувствитель-

*) Charpignon: Etudes sur la médecine animique et vitaliste. Paris, 1864.

нымъ къ пыткамъ, что добровольно шли подъ арестъ, съ цѣлью очиститься отъ извѣстныхъ подозрѣній. Изъ нихъ одни пользовались извѣстными, шепотомъ произносимыми, словами; другіе — малецкими билетиками, прятанными ими въ какой либо части своего тѣла. Одинъ изъ такихъ, который, какъ я это открылъ, пользовался этого рода волшебствомъ, удивилъ насъ своей сверхъестественной твердостью; ибо, послѣ перваго приступа пытки, онъ казался такъ-же спокойно спящимъ, какъ если бы онъ лежалъ на хорошей постели, безъ плача, безъ жалобы и крика; при продолженіи пытки онъ оставался неподвижнымъ, подобно мраморной статуѣ. Это заставило насъ подозрѣвать, что онъ снабженъ какимъ либо волшебствомъ, и, чтобы въ этомъ убѣдиться, его донага раздѣли; послѣ тщательнаго обыска на немъ нашли только бумажку, на которой находилось изображеніе созвѣздія трехъ волхвовъ съ слѣдующими словами на оборотѣ: «Прекрасная звѣзда! ты, которая спасала маговъ отъ преслѣдованій Ирода, спаси меня отъ всякаго мученія». Бумажка эта спрятана была въ лѣвомъ ухѣ. Но, хотя у него и отнята была эта бумажка, онъ однако оставался нечувствительнымъ къ мученіямъ; ибо, когда его подвергали послѣднимъ, онъ шепотомъ, сквозь зубы, произносилъ извѣстные слова, разслышать которыя нельзя было. Такъ какъ въ своихъ отрицаніяхъ онъ продолжалъ упорствовать, то принуждены были снова его отправить въ тюрьму».

Одно еще слово, прежде чѣмъ закончить эту главу, по поводу вопроса о первенствѣ.

Объ этихъ явленіяхъ внушенія въ состояніи бодрствованія я впервые заявилъ въ моемъ сообщеніи на Конгрессѣ для поощренія въ наукахъ, собравшемся въ Рочел'ѣ въ Августѣ 1883 г. Съ того времени явленія эти провѣрялись Botley'омъ, Dumontpallier'омъ, Charles Richet и всѣми другими наблюдателями.

14 мѣсяцевъ спустя послѣ моего сообщенія, Charles

Richet, въ одной замѣткѣ, озаглавленной: *О внушеніи безъ гипнотизма*, приводитъ нѣсколько фактовъ, кажется, отказываетъ открытію моему въ первенствѣ и упоминаетъ о сообщеніи, сдѣланномъ въ 1882 г. въ *біологическомъ обществѣ*.

Въ этомъ же сообщеніи дѣло идетъ о лицѣ, которое, безъ истеріи и безъ гипнотизма, представляло замѣчательныя явленія контрактуры при давленіи на соотвѣтственные мускулы контрактуры, исчезающей при легкомъ возбужденіи, какъ дуновеніе или внезапный шумъ. Сверхъ того, придавая рукѣ качательное движеніе въ теченіи полъ-минуты, это движеніе не могло быть пріостанавливаемо по желанію субъекта: онъ его продолжалъ неопредѣленное время.

Авторъ приписываетъ спинно-мозговой возбудимости преувеличенный рефлексъ, такъ что психическіе центры не могутъ больше вліять на спинной мозгъ. Вотъ все, что сказалъ тогда г. Richet: онъ не сообразилъ, что дѣло въ этомъ случаѣ шло о явленіи внушенія. Сообщеніе его озаглавлено: *Замѣтка о нѣкоторыхъ явленіяхъ, относящихся къ мускульной возбудимости*. Онъ прошелъ мимо явленія, не понявъ его дѣйствительнаго значенія.

Только въ 1884 году, когда я доказалъ, что можно у большаго числа способныхъ къ гипнотизаціи, но не загипнотизированныхъ, субъектовъ вызвать при посредствѣ *внушенія* явленія паралича, контрактуры, чувствительной и чувственной анестезіи, чувственныхъ иллюзій, сложныхъ галлюцинацій, совершенно такъ же, какъ въ гипнотическомъ состояніи; тогда только, просвѣщенный опубликованными мною явленіями, онъ понялъ наконецъ значеніе видѣннаго имъ явленія и опубликовалъ новую замѣтку: *О внушеніи безъ гипнотизма*. (Біологическое Общество 11 Октября 1884 года).

Я долженъ, впрочемъ, прибавить, что, послѣ констатированія мною этихъ явленій, я ихъ нашелъ у Braid'a, подъ названіемъ: «явленія бодрствованія», въ одномъ его

небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ: «The power of the mind over the body», и опубликованномъ въ 1846 г., а позже въ одной прибавочной главѣ, приложенной къ его Neurologie въ 1860 г. Эти явленія констатированы были въ Америкѣ подъ названіемъ: electro-biologie. Мы такимъ образомъ осталось только обратить вниманіе на эти явленія. Я не думаю однако, чтобы Вгайд между этими явленіями бодрствованія указывалъ на внутреннюю аналгезію.

Глава VI.

Отвѣтъ нѣкоторымъ критикамъ. — Три фазы гипнотизма по Salpêtrière'ской школы. — Опыты о трансфертѣ. — Экспериментальныя иллюзіи. — О настоящемъ и галлюциаторномъ воображеніи.

Я старался на предъидущихъ страницахъ начертить столь возможно вѣрную и точную картину различныхъ явленій, какія можно вызвать въ различныхъ гипнотическихъ состояніяхъ, начиная отъ простаго оцѣпенѣнія и до наиболѣе ясно выраженныхъ степеней глубокаго сомнамбулизма.

Теперь же я хочу отвѣтить нѣкоторымъ критикамъ, сдѣланнымъ по адресу Нанскихъ наблюдателей, и въ то же время показать, въ чемъ и, быть можетъ, почему добытые нами результаты разнятся отъ результатовъ, добытыхъ Salpêtrière'ской школой.

Г. Charcot, экспериментируя особенно надъ истеричными, рассматриваетъ развиваемое у нихъ гипнотическое состояніе, какъ настоящій неврозъ, который де существенно состоитъ изъ трехъ состояній или трехъ періодовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ весьма ясные дифференціальныя признаки; операторъ же можетъ по своему желанію провести субъекта изъ одного періода въ другой при посредствѣ извѣстныхъ искусныхъ приемовъ.

Первый періодъ представляетъ собою летаргическое состояніе. Оно вызывается либо фиксаціей какого предмета, либо легкимъ нажиманіемъ глазныхъ яблоковъ черезъ опущенныя вѣки. Такимъ образомъ полученная летаргія существенно характеризуется появленіемъ глубокаго сна, мышеч-

нымъ разслабленіемъ, часто полной анестезіей, уничтоженіемъ интеллектуальной жизни; внушенія въ этомъ періодѣ невозможны. Но замѣчается чрезмѣрная мускульная возбудимость; всякій мускуль, возбужденный давленіемъ или легкимъ треніемъ, сокращается; давленіе на локтевой нервъ вызываетъ локтевой грифъ; давленіе на лицевой нервъ вызываетъ искривленіе чертъ лица соотвѣтственной стороны.

Второе состояніе есть состояніе каталептическое. Чтобы перевести субъекта изъ перваго состоянія во второе, достаточно приподнять ему вѣки. Если открыть одинъ только глазъ, то только одна соотвѣтственная сторона переходитъ въ каталепсію, другая же остается въ летаргіи. Каталептикъ сохраняетъ всякія придаваемые ему положенія; чрезмѣрная нервно-мышечная возбудимость исчезаетъ.

Въ этомъ періодѣ можно дѣлать внушенія при посредствѣ мускульнаго чувства; напримѣръ, если руки субъекта приближены, какъ бы для того, чтобы послать поцѣлуй, лицо его дѣлается улыбающимся; соединены ли они, какъ бы для молитвы, лицо его дѣлается серьезнымъ и субъектъ становится на колѣни. Можно субъекта перевести изъ каталептического состоянія въ состояніе летаргіи, закрывъ ему вѣки. Наконецъ, состояніе это получится можетъ прямо, безъ предшествующей летаргической фазы, подъ влияніемъ нервного потрясенія, произведеннаго весьма сильнымъ свѣтомъ или сильнымъ шумомъ.

Третій періодъ есть состояніе сомнамбулистическое. Состояніе это можетъ первоначально быть вызвано фиксаціей взгляда или другими различными приемами. Можно также летаргію или каталепсію перевести въ сомнамбулизмъ, производя легкое или повторное треніе по теменн субъекта. Это состояніе характеризуется обычной, болѣе или менѣе замѣтной, анестезіей; чрезмѣрной остротой чувствъ; особенно же тѣмъ, что субъектъ крайне способенъ ко всякимъ внушеніямъ.

Чрезмѣрная нервно-мышечная возбудимость не суще-

ствуется въ этомъ состояніи. Механическимъ возбужденіемъ мышцъ или нервовъ нельзя вызвать перманентныя сокращенія; но зато легкимъ прикосновеніемъ, легкимъ дуновеніемъ, направленнымъ на кожу и т. д., можно вызвать специальную контрактуру, «отличающуюся отъ контрактуры, вызываемой въ летаргическомъ состояніи, тѣмъ, что она не разрѣшается отъ раздраженія антагонистовъ; а отъ каталептической неподвижности она отличается тѣмъ, что представляетъ сопротивленіе, когда хотятъ измѣнить положеніе». (Vinet и Féré.)

Можно обратно перевести сомнамбулизмъ въ каталепсію, открывъ у субъекта глаза, или—въ летаргію, закрывъ глаза и слегка нажимая на глазныя яблока. Эти три фазы и составляютъ то, что названо *le grand hypnotisme*, или большимъ гипнотическимъ неврозомъ.

Нанскихъ наблюдателей упрекали въ томъ, что они сразу ринулись въ область психики, вмѣсто того, чтобы изучить сначала соматическія, физическія свойства гипнотизированныхъ субъектовъ. Мы-де спутали и смѣшали все эти различныя состоянія, не разобравъ ихъ. Мы дѣйствительно не говорили о томъ, находились ли наши субъекты въ летаргіи, въ каталепсіи, въ сомнамбулизмѣ.

Отвѣчаю: Если въ своихъ изслѣдованіяхъ за точку исхода мы не приняли трехъ фазъ истерическаго гипнотизма, какими ихъ Шарко описываетъ, то это потому, что мы не могли своими наблюденіями удостовѣриться въ ихъ существованіи. Вотъ, что мы постоянно наблюдаемъ въ Нанси: Когда субъектъ, истеричный или не истеричный, загипнотизированъ, все равно какимъ способомъ: фиксаціей ли блестящаго предмета, пальцевъ или глазъ оператора; пассажи ли, словеснымъ ли внушеніемъ, закрываніемъ ли вѣкъ, но наступаетъ моментъ, когда глаза остаются закрытыми, часто, но не всегда, обращенными подъ верхнія вѣки; иногда вѣки подвергиваются фибриллярнымъ движеніемъ, по

это не постоянно бываетъ. Не констатируемъ мы тогда ни чрезмѣрной перво-мышечной возбудимости, ни увеличенія сухожильныхъ рефлексовъ. Есть ли это лстаргія? Въ этомъ состояніи, какъ и во всѣхъ гипнотическихъ состояніяхъ—я подчеркиваю это обстоятельство—загипнотизированный слышитъ оператора, вниманіе его и слухъ сосредоточены на послѣднемъ. Онъ часто отвѣчаетъ на вопросы; онъ отвѣчаетъ почти всегда, если на то настаиваютъ и если ему заявляютъ, что онъ можетъ говорить. Даже тогда, когда онъ остается неподвижнымъ, нечувствительнымъ, съ лицомъ, какъ маска, инертнымъ, оторваннымъ, повидимому, отъ вѣшняго міра, онъ все слышитъ, все равно, сохранилъ ли онъ позже, по пробужденіи, воспоминаніе объ этомъ или нѣтъ. Этому доказательствомъ служитъ то, что, не касаясь его, не производя дуновенія на его глаза, простое слово: «проснитесь», произнесенное одинъ или нѣсколько разъ, пробуждаетъ его.

Въ этомъ состояніи субъектъ способенъ обнаружить явленія катаlepsis или сомнамбулизма, безъ того, чтобы явилась надобность подвергнуть его какой либо манипуляціи, лишь бы только онъ былъ въ достаточной степени гипноза.

Для приведенія какого либо члена въ катаlepsis, не является необходимостью ни открыть субъекту глаза, ни подвергнуть его дѣйствию сильного свѣта или сильного шума, какъ это дѣлается въ Salpêtrière'ѣ; достаточно для этого поднять этотъ членъ, нѣкоторое время поддержать его въ воздухѣ, съ цѣлью внушить ему этимъ, что членъ не можетъ болѣе опуститься, и послѣдній остается во внутренней катаlepsis; загипнотизированный, котораго воля или сила сопротивленія ослаблена, пассивно сохраняетъ приданное ему положеніе.

Чтобы сдѣлать очевиднымъ признаки сомнамбулизма у субъектовъ, способныхъ къ ихъ обнаруженію, не является необходимымъ потирать темя, какъ это дѣлается въ Salpêtrière'ѣ; достаточно бываетъ сказать субъекту и послѣдній, способ-

Ничего нѣтъ любопытнѣе, съ этой точки зрѣнія, многочисленныхъ опытовъ о трансфертѣ господъ Binet и Féré. Известно, что эти авторы выводятъ изъ своихъ опытовъ заключеніе, что примѣненіе магнита можетъ у загипнотизированнаго субъекта перевести на сторону тѣла, къ которой магнитъ приложенъ, на примѣръ, на лѣвую верхнюю конечность, явленія, какъ анестезію, контрактуру, параличъ и т. д., вызванныя на другой сторонѣ, на примѣръ, въ правой верхней конечности. Магнитъ, по ихъ мнѣнію, передастъ также чувствительныя анестезіи, галлюцинаціи обонанія, слуха, зрѣнія, вкуса, осязанія. Передача эта (transfert) совершается, безъ посредства внушенія, простымъ физическимъ явленіемъ, въ которомъ мозгъ субъекта, рассматриваемый, какъ психическій органъ, не играетъ никакой роли.

Авторы эти полагаютъ, что исключили внушеніе, потому де, что опыты эти они дѣлали въ состояніяхъ, названныхъ летаргіей или каталепсіей. «Эти состоянія», говорятъ они, «суть въ большомъ гипнотизмѣ состоянія безсознательныя, въ которыхъ свойство чувствъ и интеллигенціи дѣлаетъ субъекта вполне чуждымъ тому, что вокругъ него происходитъ. Опытъ между тѣмъ показываетъ, что магнитъ трансферрируетъ большое число явленій при этихъ условіяхъ.» Вотъ главная ошибка, послужившая источникомъ всѣхъ экспериментальныхъ заблужденій этихъ авторовъ.

Во всѣхъ, повторяю, степеняхъ гипнотизма субъектъ остается сознательнымъ, что замѣчено нами на тысячахъ наблюденныхъ въ Нанси случаяхъ.

Если у двѣнадцати только субъектовъ, на которыхъ въ періодѣ 10 лѣтъ замѣтили явленія того, что называютъ *большимъ гипнотизмомъ*, для отличія отъ того, что называютъ *нанскимъ малымъ гипнотизмомъ*; если у этихъ субъектовъ наблюдали во время названнаго летаргіей состоянія видимую безсознательность, то я убѣжденъ, что эта безсознательность была только кажущаяся. Субъектъ, безсозна-

тельно дошедшій до внушенія, не могъ реагировать въ этомъ состояннн потому, что онъ *полагалъ*, что не можетъ реагировать, такъ какъ въ *его мозгу проникла идея* о томъ, что, пока надъ нимъ не сдѣлана будетъ должная манипуляція, онъ не можетъ выйти изъ этого состояннн, что онъ не можетъ воспринять какое либо внушеніе. Ничего пѣтъ легко, какъ искусственно создать аналогичное состоянн у каждаго сомнамбулиста.

Допустивъ это, я старался воспроизвести опыты господъ Féfé и Binet; я пробовалъ весьма большое число разъ на весьма большомъ числѣ субъектовъ, въ присутствнн многихъ изъ моихъ коллегъ, между которыми были гг. Beaunis и Charpentier, и мы никакъ не могли добиться успѣха, пока внушеніе не было употреблено.

Вотъ, на примѣръ, опытъ, который мы сдѣлали съ г. Beaunis: мы усыпляемъ больничную сидѣлку, которая никогда не присутствовала, ни въ качествѣ свидѣтельницы, ни въ качествѣ дѣйствующаго лица, на этого рода опытахъ, какіе я намѣренъ былъ сдѣлать надъ ней. Я привожу верхнюю лѣвую ея конечность въ каталенсію, въ горизонтальномъ положеннн; большой и указательный пальцы въ вытянутое, а остальные пальцы въ согнутое положенн, правая же рука остается въ расслабленн.

Я прикладываю къ послѣдней магнитъ въ теченн 8 минутъ; никакое явленн не наступаетъ.

Тогда, обращаясь къ г-ну Beaunis, я говорю: «Теперь я сдѣлаю опытъ: я приложу магнитъ къ правой рукѣ и, по истеченн одной минуты, вы увидите, какъ вся эта рука приподнимется и въ точности приметъ положенн лѣвой верхней конечности, тогда какъ послѣдняя ослабѣетъ и опустится».

Я вновь помѣщаю магнитъ точно такъ, какъ въ первый разъ, и, по истеченн одной минуты, трансфертъ (вну-

шенный) съ совершенной точностью выполняется; лицо за- гипнотизированной остается безучастнымъ; это шертная маска.

Если тогда, ничего болѣе не говоря, я снова пристав- ляю магнитъ къ лѣвой рукѣ, то по истеченіи минуты трап- сфертъ совершается въ обратномъ направленіи и т. д.

Я вызываю у того же самаго лица *toricolis* сокраще- ніемъ мускуловъ одной стороны шеи; приближаю магнитъ къ противоположной сторонѣ, *ничего не говоря*: по исте- ченіи минуты голова поворачивается въ сторону магнита, возникаетъ обратная кривошейность: произошелъ трансфертъ,

Достаточно было, чтобы, я разъ только заявилъ г. Веа- шис о явленіи трансферта передъ субъектомъ, съ виду инертнымъ, чтобы отнынѣ навсегда и для всякихъ положе- ній оно выполнялось; ибо *идея о явленіи* проникла въ мозгъ субъекта, понятливаго и внимательнаго, не смотря на кажущуюся его инертность.

Я говорю за тѣмъ: «я поверну магнитъ въ другомъ направленіи и тогда трансфертъ произойдетъ съ руки на ногу».

И подлинно, по истеченіи минуты опускается рука, а нога приподнимается. Я перемѣщаю магнитъ на ногу, *ни- чего не говоря*, и трансфертъ переходитъ съ ноги на руку.

Если, ничего не говоря субъекту, я магнитъ замѣняю ножикомъ, карандашемъ, стеклянкой, кускомъ бумаги или вовсе ничѣмъ, то совершается тоже самое явленіе.

На другой день я вновь сдѣлалъ эти же опыты надъ другой сомнамбулисткой, которая наканунѣ на этихъ опы- тахъ присутствовала, и, ничего не говоря ни ей, ни при- сутствовавшимъ при этомъ лицамъ, эти опыты чудеснымъ образомъ удались; идея о трансфертѣ была внушена ей мозгу явленіемъ, свидѣтельницей котораго она была.

Кромѣ того, повторивъ нѣсколько разъ этотъ трап- сфертъ съ одной руки на другую и прекративъ поочередное прикладываніе магнита, трансфертъ повторился еще 2 раза

(последовательныя движенія), благодаря несомпѣнно имѣвшейся у лица идеи, что опытъ еще продолжался. Прибавлю къ этому, что я уже прежде нѣсколько разъ пробовалъ получить трансфертъ у этой особы и безъ результата, пока идея о явленіи не проникла въ ея мозгъ.

Гг. Féré и Vinet утверждаютъ еще, что трансфертъ локализованныхъ явленій, положенія члена въ катаlepsis, паралича, галлюцинаціи сопровождается болью въ мѣстѣ локализациі, начинающеюся вообще со стороны магнита и переходящею затѣмъ на симметрическія точки противоположной стороны. «Боль, эта занимаетъ постоянное мѣсто для одного и того же члена и для одного и того же чувства; мѣсто это въ точности отвѣчаетъ соответствующему кортикальному центру. Такимъ образомъ трансфертъ положеній и параличей верхняго члена вызываетъ боль на уровнѣ нижней части второй лобной извилины и въ области соответствующей восходящей лобной; для движеній сочлененія боль помѣщается вверху и спереди; для нижняго члена—въ верхней части Роландовой борозды; для галлюцинацій зрѣнія—въ верхней части нижней паріетальной доли, въ области, гдѣ локализовали гемипарезию и словесную слѣпоту; для галлюцинацій слуха—въ передней области сфеноидальной доли.

Вотъ еще одинъ опытъ этихъ авторовъ:

«Wil... (это все таже сомнамбуллетка, которая служила для всѣхъ этихъ опытовъ трансферта) находится въ состояніи сомнамбулизма. Мы внушаемъ ей громко считать до 100. Пробужденная, она начинаетъ считать. Магнитъ изъ 10 брусковъ помѣщается вблизи правой ея руки. Дошедши въ счетъ своемъ до 72, она останавливается, бормочетъ, не можетъ больше считать и, по истеченіи одной минуты, она не можетъ говорить вовсе. Однако языкъ она свободно высовываетъ и понимаетъ все, что къ ней говорятъ. Она очень весела и все смѣется. Голова ея обращена въ лѣвую сторону. По

истечении 10 минут магнитъ прикладывается къ лѣвой сторонѣ: около двухъ минутъ спустя, лѣвая ея рука начинаетъ дрожать; рѣчь у нея возвращается; первымъ ея словомъ является: «Это мнѣ падоѣдаетъ»; потомъ у нея является желаніе плакать; въ тоже самое время она голову поворачиваетъ на право.»

«Легко, говорятъ эти авторы, отдать себѣ отчетъ о происходившемъ. Мы произвели внушеніемъ въ лѣвомъ мозгу или, точнѣе, въ извилинѣ Вроса особое раздраженіе, вѣдъ выразившееся въ дѣйствіи громкаго смѣха. Магнитъ произвелъ трансфертъ этого раздраженія въ симметрическую часть праваго мозга; соответствующая извилина этой стороны не предназначена для рѣчи: больная замолчала». (*Revue philosophique*, Январь 1885 г.)

Я отвергаю, чтобы кто либо воспроизвелъ эти явленія при такихъ условіяхъ, чтобы обойтись безъ посредства внушенія. И на такого то рода опытахъ г. Висетъ строитъ нехологическую теорію, называемую *экспериментальной*.

Нужно ли сказать, что ни у одного изъ моихъ гипнотиковъ я не видѣлъ, чтобы трансфертъ самопроизвольно сопровождался болью въ головѣ, на мѣстѣ локализациі? По всякій разъ, когда я заявлялъ, что боль произойдетъ въ такомъ то и такомъ то мѣстѣ волосистой части головы, субъектъ ее чувствовалъ. Второй загипнотизированный субъектъ иногда самопроизвольно обнаруживалъ боль, когда видѣлъ, что она была выражена первымъ субъектомъ. Я не могъ больше, помимо внушенія, вызвать ни одного явленія съ помощью давленія, произведеннаго на извѣстные пункты черепа. Вотъ, напримѣръ, одна изъ моихъ сомнамбулестокъ усыплена. Я послѣдовательно произвожу давленіе на черепъ въ различныхъ его точкахъ: ничего! Я говорю: «Теперь коснусь я области черепа, соответствующей движеніямъ лѣвой руки, и рука эта перейдетъ въ конвульсивное состояніе».

Сказавъ это, я касаюсь произвольной точки волосистой части головы и тотчасъ лѣвая рука начинаетъ содрогаться.

И говорю: «И надавливаю сильнѣе и возбужденіе уступитъ мѣсто параличу:» рука инертиой падаетъ. Точно также я вызываю локализованныя конвульсіи на одной сторонѣ лица.

И заявляю, что произведу афазію, коснувшись соответствующей рѣчи области; я прикасаюсь къ какой бы то шбыло области черепа и субъектъ не отвѣчаетъ болѣе на наши вопросы; но тотчасъ же на нихъ отвѣчаетъ, какъ только отнимаю руку отъ черепа. Послѣ этого я заявляю, что я коснусь другимъ образомъ, такъ что вмѣсто паралича получена возбужденіе; рѣчь сдѣлается легче. Тогда субъектъ на мои вопросы отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ зовутъ Васъ?»—«Marie, Marie, Marie, Marie».—«Какъ поживаете?»—«Хорошо, хорошо, хорошо, хорошо».—«Вамъ не больно?»—«Ничуть, ничуть, ничуть, ничуть».

Прибавить здѣсь нужно, что многіе изъ сомнамбулистовъ обладаютъ весьма большою тонкостью перцепціи и малѣйшее указаніе служитъ имъ руководствомъ; зная, что они должны выполнить мысль гипнотизатора, они ухищряются отгадать ее. Если нѣсколько разъ надъ однимъ и тѣмъ же субъектомъ повторяютъ опыты трансферта, то онъ легко догадывается, что долженъ произвести передачу такого-то явленія, и, ничего не говоря при немъ, онъ по выжидательному положенію оператора, или по другому какому либо признаку, можетъ понять, должно-ли ему произвести трансфертъ.

Если я нѣсколько настаиваю на эти факты, если я подчеркиваю свои критическія наблюденія, то это потому, что они въ основѣ затрагиваютъ самое ученіе о гипнотическихъ явленіяхъ.

И хочу также еще привести здѣсь нѣкоторые опыты, которые мы съ моимъ коллегой, Charpentier, сдѣлали о галлюцинаціонномъ выраженіи; ничто яснѣе этихъ опытовъ не

покажетъ, насколько легко внушеніе и насколько обманчиво наблюденіе.

Многимъ изъ сомнамбулистовъ во время ихъ сна можно внушить, что по пробужденіи своемъ они то-то и то-то увидятъ, и галлюцинація можетъ реализироваться съ такою ясностью, что субъектъ смѣшиваетъ ее съ дѣйствительностью. Но гг. Féré, Binet и Pagnaud вывели изъ своихъ опытовъ заключеніе, что это видѣніе протекаетъ подобно реальному изображенію, подчиняясь оптическимъ законамъ: призма, напримеръ, удваиваетъ его. Другой примѣръ: если внушеніемъ окрасить картоны въ зеленый и красный цвѣта, если однимъ изъ извѣстныхъ способовъ оба эти цвѣта положить одинъ на другой, то субъектъ видитъ получающійся сѣрый цвѣтъ, образовавшійся отъ смѣшенія этихъ дополнительныхъ цвѣтовъ.

Точны ли эти результаты? Протекаетъ ли, какъ то утверждали, внушенное видѣніе такимъ образомъ, какъ если бы оно было изображеніе реальное, объективное, проходящее черезъ периферическій зрительный аппаратъ, ретину и оптический нервъ до чувствующаго центра мозговой коры? Или же, не есть ли это только изображеніе субъективное, прямо пробужденное, какъ воспоминаніе въ чувствующемъ центрѣ, вызванное представленіемъ субъекта?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы сдѣлали нѣкоторые опыты; мы изложимъ ихъ въ томъ порядкѣ, какому слѣдовали при производствѣ ихъ.

Субъектами мы выбрали женщинъ средней интеллигенціи, не истеричныхъ, съ здоровымъ разсудкомъ, способныхъ къ внушенію во всѣхъ степеняхъ, т. е. воспріимчивыхъ, во время сна, къ анестезіи, къ катаlepsii, къ чувственнымъ иллюзіямъ, къ гипнотическимъ и post-гипнотическимъ галлюцинаціямъ. Всѣ онѣ могли во время сна дѣлаться вполне нечувствительными къ боли; щекотаніе въ носу не заставляло ихъ морщиться; о притворствѣ же не могло быть вопроса.

Сверхъ того—мы постоянно заявляемъ объ этой основной предосторожности—мы производили все наши опыты, *не говоря ни слова, даже шепотомъ*, что, въ противномъ случаѣ, могло бы навести на путь усыпленныхъ субъектовъ; ибо—нѣтъ ничего легче доказать это—во всѣхъ степеняхъ гипнотизаціи, загипнотизированные субъекты слышать и все часто отмѣчаютъ съ замѣчательной иногда чуткостью воспріятія.

Послѣ вышесказаннаго привожу слѣдующіе факты:

1. С..., 17 лѣтъ, здоровая, легко загипнотизировалась простымъ закрываніемъ вѣкъ и приказаніемъ спать. Приготавливаемъ изъ бѣлаго картона дискъ и внушаемъ ей, что по пробужденіи своемъ она увидитъ лѣвую половину этого диска красной, а правую половину его—зеленой. Пробужденная, она отчетливо видитъ оба эти цвѣта. Тогда помѣщаемъ мы этотъ картонъ на вращающемся дискѣ и придаемъ послѣднему движеніе быстрого вращенія. Известно, что два настоящихъ цвѣта, почти одновременно такимъ образомъ достигшихъ до ретины, отмѣчаются на послѣдней какъ одинъ цвѣтъ, который, вслѣдствіе смѣшенія краснаго цвѣта съ зеленымъ, долженъ выйти желтымъ. Но, спросивъ у С..., какой она видитъ цвѣтъ, она указываетъ на бѣлый.

2. Вновь усыпивъ ее, мы ей внушаемъ, что она увидитъ другой дискъ, на половину желтый, на половину голубой. По ея пробужденіи мы представляемъ ей все тотъ же, вполне бѣлый, дискъ: она видитъ оба внушенные цвѣта. Мы вращаемъ его на вращающемся дискѣ: она все еще видитъ бѣлый.

3. Мы приготавливаемъ, во время ея сна, дискъ дѣйствительно желтый и голубой. По пробужденіи она его такимъ и видитъ; но вращеніе его на вращающемся дискѣ показываетъ ей еще бѣлымъ.

4. Воинѣ бѣлый дискъ казался ей по внушенію краснымъ и желтымъ; вращеніе все показываетъ его бѣлымъ.

5. Тотъ же бѣлый дискъ внушенъ ей голубымъ и фіолетовымъ; въ движеніи онъ казался С... бѣлымъ.

6. Бѣлый дискъ внушенъ ей краснымъ и желтымъ; по пробужденіи своемъ она ясно видитъ оба цвѣта. На противоположной сторонѣ картона, скрытой отъ взоровъ С..., мы карандашемъ отмѣтили внутреннюю желтую половину отъ внутренней красной. Мы вращаемъ дискъ въ другомъ направленіи, безъ вѣдома субъекта, чтобы перемѣститъ оба цвѣта, и просимъ ее указать намъ, гдѣ красный

цвѣтъ; мы повторяемъ этотъ опытъ нѣсколько разъ и каждый разъ L. C... быстро и точно указываетъ намъ красную и желтую половины (какъ было отмѣчено на оборотѣ). Но мы замѣтили, что въ центрѣ картона существовало давленіе съ приподнятой на этомъ мѣстѣ бумагой, что могло бы служить ей точкой примѣты; мы сравнили это мѣсто. M-me L. C... перестала ориентироваться; она наугадъ помѣщала красный и желтый направо или налево, вверху или внизу: указанія ея не согласовались болѣе съ едѣланной на дискѣ замѣткой.

Второй рядъ опытовъ едѣланъ былъ надъ Rose A..., молодой, 18-ти лѣтней дѣвушкой, уже 2 мѣсяца поправляющейся отъ брюшного тифа; способная къ внушеніямъ, какъ и предшествующая, во всѣхъ степеняхъ:

1. Бѣлый дискъ, по внушенію во время ея сна, долженъ былъ быть по пробужденіи ея окрашенъ на половину въ красный, на половину въ желтый цвѣтъ; она ясно видитъ оба эти цвѣта. Вращеніе на вращающемся дискѣ показало ей *желтый и красный вмѣстѣ*.

2. Бѣлый дискъ являлся ей по внушенію желтымъ и голубымъ. Его вращаютъ, безъ ея вѣдома, въ другомъ направленіи. Rose наугадъ локализируетъ желтый и голубой. Вращеніе его на вращающемся дискѣ показываетъ ей *желтый и голубой вмѣстѣ*.

3. Дѣйствительно красный дискъ является ей по внушенію желтымъ и голубымъ. Если перемѣщаютъ, безъ ея вѣдома, дискъ, она наугадъ локализируетъ оба цвѣта. Если его вращаютъ на вращающемся дискѣ, она указываетъ на *желтый съ голубымъ вмѣстѣ*.

4. Бѣлый дискъ казался ей краснымъ по внушенію. Помѣстивши этотъ дискъ на листѣ бѣлой бумаги, просятъ Розу фиксировать его въ теченіи двухъ минутъ. Затѣмъ его быстро снимаютъ и спрашиваютъ у нея, какой она видитъ цвѣтъ. Она объявляетъ только бѣлый; нѣсколько мгновеній спустя, ей снова кажется, что видитъ красный цвѣтъ; но она не видитъ дополнительнаго зеленого цвѣта, какой видѣлся бы послѣ фиксаціи дѣйствительно краснаго диска.

Третья серія аналогичныхъ опытовъ едѣлана была надъ г-жею G..., 47 лѣтъ, страдающей артритическіи праваго колѣна, послѣдовавшей за локомоторной атаксіей; женщина весьма интеллигентная и способная, подобно двумъ предыдущимъ, къ внушенію во всѣхъ степеняхъ:

1. Бѣлый дискъ казался ей по внушенію краснымъ и желтымъ. Если мы вращаемъ его въ другомъ направленіи, она наугадъ лока-

лизируетъ оба цвѣта. На вращательномъ дискѣ она видитъ оба цвѣта разомъ.

2. Тотъ же результатъ съ тѣмъ же дискомъ, окрашиваемымъ по внутренію въ красный и зеленый или въ желтый и фіолетовый цвѣта.

3. Бѣлый дискъ окрашенъ, по внутренію, на половину въ красный, на половину въ бѣлый цвѣтъ; по пробужденіи своемъ она заявляетъ, что весьма ясно видитъ красную половину; ей говорятъ, чтобы она эту послѣднюю фиксировала нѣкоторое время; затѣмъ ее спрашиваютъ, какой цвѣтъ имѣетъ другая половина: она все указываетъ на бѣлый цвѣтъ (а не на зеленый, дополнительный къ красному цвѣту).

4. Ей показали въ состояніи борствованія дискъ, дѣйствительно окрашенный одной своей половиной къ красный, другой—въ зеленый цвѣтъ; затѣмъ его вращаютъ на вращающемся дискѣ: она видитъ весьма ясно желтый цвѣтъ, полученный отъ смѣшенія двухъ цвѣтовъ: красного и зеленого.

Тогда мы ее усыпляемъ и внушаемъ ей, что по пробужденіи своемъ она увидитъ этотъ самый красный и зеленый дискъ. Мы ее пробуждаемъ и показываемъ ей бѣлый дискъ; она его видитъ краснымъ и зеленымъ. Мы вращаемъ его на вращающемся дискѣ: она видитъ сначала бѣлый, а затѣмъ красный и зеленый цвѣта вмѣстѣ.

Мы усыпляемъ ее во второй разъ и внушаемъ ей, что по пробужденіи своемъ она увидитъ все тотъ же красный и зеленый дискъ; но, когда будемъ его вращать на вращающемся дискѣ, оба цвѣта сольются въ одинъ, который она намъ укажетъ.

Пробужденная, она снова видитъ красный и зеленый дискъ; на вращающемся же дискѣ онъ кажется ей желтымъ, какимъ она его прежде, чѣмъ быть усыпленной, видѣла на сдѣланномъ нами опытѣ.

5. Ей показываютъ прежде, чѣмъ усыпить ее, бѣлый и оранжевый дискъ: во время сна ей внушаютъ, что она увидитъ этотъ самый дискъ и, когда быстро стануть его вращать, она будетъ видѣть только одинъ цвѣтъ.

По пробужденіи, она видитъ (на дискѣ, бѣломъ въ дѣйствительности) оба цвѣта, соединеніе которыхъ на вращающемся дискѣ показывается ей цвѣтомъ огня, который она сравниваетъ съ цвѣтомъ при заходѣ солнца: соединеніе обоихъ настоящихъ цвѣтовъ было бы сѣраго цвѣта.

6. Ей показываютъ предъ усыпленіемъ дискъ, двѣ трети котораго окрашены въ красный, а остальная треть—въ желтый цвѣтъ.

По пробужденіи, она по внушенію видитъ эти самые цвѣта на дискахъ, въ дѣйствительности бѣломъ. Мы вращаемъ ихъ на вращающемся дискѣ; она видитъ сѣро—грязный или сѣро—бѣлый цвѣтъ; настоящій же цвѣтъ, получающійся отъ смѣшенія обоихъ дѣйствительныхъ цвѣтовъ, есть оранжевый цвѣтъ.

Все эти опыты согласуются между собою: внутреннее изображеніе не протекаетъ подобно изображенію дѣйствительному; смѣшеніе внутреннихъ цвѣтовъ не совершается подобно тому, какъ происходитъ съ различно окрашенными лучами, проникающими до ретины; если же это, вопреки законамъ оптики, происходитъ, то благодаря воображенію субъектовъ.

Чтобы подтвердить и провѣрить это заключеніе, мы предприняли слѣдующіе опыты:

Мы внушаемъ нашимъ усыпленнымъ субъектамъ, что они по пробужденіи своемъ увидятъ предметъ, напримѣръ, свѣчу, помѣщенную на 1 или 2 метра передъ нами.

Пробужденные, они видятъ свѣчу. Мы помѣщаемъ тогда передъ ихъ глазами цилиндръ, заключающій въ себѣ двоякопреломляющую призму, которая должна удваивать предметы; но большая часть изъ нихъ не видитъ, чтобы свѣча удвоивалась.

Если тогда заставить ихъ смотрѣть черезъ призму на дѣйствительную свѣчу, они ее видятъ двойной. Разъ они знаютъ, что призма имѣетъ свойство удваивать предметы, они видятъ это самое двоеніе и внутреннего изображенія. Мы сказали: *большая часть*, ибо одна изъ нашихъ сомнамбулистокъ, Rose (на четыре, раньше подвергнутыхъ этому опыту), сразу увидѣла двойное изображеніе, предварительно не зная, повидимому, свойства призмы. Мы не замедлили открыть—теченіе этихъ опытовъ покажетъ это,— что нѣкоторые субъекты видятъ двойное изображеніе, истинически выводя его изъ двоенія дѣйствительныхъ предметовъ, проходящихъ черезъ преломляющую среду призмы.

Продолжимъ изложеніе нашихъ опытовъ. Смотрия потому, какъ вращаютъ заключающей съ себѣ призму цилиндръ, въ томъ или другомъ направленіи, оба *дѣйствительно* удвоенные предмета помѣщаются одинъ возлѣ другаго на одной горизонтальной линіи или, на оборотъ, одинъ надъ другимъ по одной вертикальной линіи. Точками мы отмѣчаемъ положеніе цилиндра, соотвѣтствующее крайнему горизонтальному или вертикальному положенію обоихъ изображеній.

Послѣ сего сказаннаго, мы помѣщаемъ передъ субъектомъ, на пѣкоторомъ разстояніи, какой нибудь предметъ, рапримѣръ, флаконъ, на который мы заставляемъ его смотреть черезъ призму; онъ видитъ его въ двойномъ видѣ. Мы просимъ его повернуть цилиндръ такимъ образомъ, чтобы оба флакона были одинъ возлѣ другаго; затѣмъ такимъ образомъ, чтобы они были одинъ надъ другимъ: его показанія соотвѣтствуютъ точкамъ нашей отмѣтки. Теперь онъ умѣетъ управлять призмой и вполне отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что видитъ.

Тогда мы усыпляемъ его и во время его сна принимаемъ флаконъ, внушивъ ему, что по пробужденіи своемъ онъ все его будетъ видѣть на томъ же мѣстѣ. Пробужденный, онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ фиктивный флаконъ; черезъ призму же онъ видитъ его въ двойномъ видѣ. Мы говоримъ ему повернуть призму такимъ образомъ, чтобы наиболѣе раздвинуть флаконы по горизонтальной линіи, затѣмъ по вертикальной: его показанія тогда чисто воображаемыя и не соотвѣтствуютъ болѣе точкамъ нашей отмѣтки.

Каждый разъ, когда мы, безъ его вѣдома, замѣняемъ фиктивный флаконъ настоящимъ, субъектъ, все полагая, что видитъ одинъ и тотъ же флаконъ, даетъ точныя указанія, согласныя съ точками отмѣтки; каждый же разъ, когда замѣняютъ дѣйствительный флаконъ внушеннымъ его изображеніемъ, указанія эти становятся воображаемыми.

Случается однако, что некоторые субъекты, послѣ нѣкотораго времени опыта, даютъ въ концѣ точныя указанія, которыя они выводятъ изъ удваиванія въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи настоящихъ, видимыхъ ими черезъ призму, предметовъ.

Для избѣжанія этого повода къ ошибкѣ, мы внушили субъекту изображеніе буквы или номера на совершенно бѣлой стѣнѣ, позаботившись, чтобы между этой стѣной и субъектомъ не было никакихъ предметовъ; субъектъ изображеніе видитъ просто глазами, удваиваетъ его черезъ призму, если знаетъ, что призма удваиваетъ; оба изображенія удалены другъ отъ друга или помѣщены одно надъ другимъ, но никогда показанія—четыре субъекта раньше были подвергнуты этому самому эксперименту—не согласовались съ тѣми, которыя представляетъ дѣйствительный предметъ: удваиваніе дѣлалось наугадъ, противно всѣмъ правиламъ, въ одномъ направленіи, внушенномъ воображеніемъ.

Однако, этотъ способъ дѣйствія недостаточенъ еще для исключенія всякой ошибки. Для совершеннаго убѣжденія нужно опыты повторять и варіировать, нужно быть осторожнымъ во всемъ.

Мы взяли два съ виду схожихъ цилиндра: одинъ съ двояко-преломляющей призмой, другой съ простымъ стеклышкомъ. Внушивъ одной изъ нашихъ сомнамбулистокъ, помѣщенной передъ бѣлой стѣной, что она по пробужденіи своемъ увидитъ номеръ 6, мы ее разбудили; она видитъ этотъ номеръ, на который мы заставляемъ ее смотрѣть попеременно черезъ оба цилиндра, дѣйствіе которыхъ ей неизвѣстно; но каждый разъ она узнавала тотъ цилиндръ, который удваивалъ, и даже угадывала довольно часто горизонтальное и вертикальное направленіе удвоенія.

Другія четыре сомнамбулистки давали воображаемыя указанія. Первая, подвергнутая тому же испытанію въ другой моментъ дня, не видѣла ничего согласнаго съ законами оптики.

Спрашивается послѣ этого, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ двумя различными вещами: то двоеніе предмета дѣлается только въ воображеніи лица, мѣняющаго его по своему произволу; дѣйствіе призмы сокрыто, такъ сказать, отъ глазъ воображенія; въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, лицо *дѣйствительно* видитъ внушенное изображеніе простымъ или удвоеннымъ, какъ то дѣлаетъ оптическое стекло съ настоящимъ предметомъ, когда дѣйствіе призмы преобладаетъ и не допускаетъ воображеніе заблуждаться въ обманчивомъ внушеніи.

Слѣдующій фактъ могъ бы также дать нѣкоторую опору этой гипотезѣ: мы вкладываемъ одинъ въ другой два цилиндра, заключающихъ въ себѣ каждый по двупреломляющей призмѣ; вращая оба цилиндра одинъ вокругъ другаго, перемѣщаютъ призмы такимъ образомъ, чтобы предметъ видѣлся двойнымъ, или такимъ образомъ, чтобы онъ казался учетвереннымъ и чтобы ничто, по внѣшнему виду инструмента, не могло обнаружить, удвоено или учетверено изображеніе. Первая сомнамбулистка, которую мы такимъ образомъ заставили смотрѣть на цифру 6 на бѣлой стѣнѣ черезъ это оптическое стекло (послѣднее было установлено такъ, чтобы учетверять предметы; субъектъ заранѣе не зналъ, что это стекло учетверяетъ), сразу увидѣла четыре изображенія; затѣмъ, когда стекло установлено было для двоенія предметовъ, она увидѣла только два изображенія.

Это указаніе могло бы поразить поверхностнаго наблюдателя; намъ же между тѣмъ показалось очевиднымъ, что изображенія не были дѣйствительны, а внушены были какимъ либо руководящимъ знакомъ, ибо сомнамбулистка всегда помѣщала эти четыре изображенія горизонтально по прямой линіи, одно возлѣ другаго, тогда какъ они должны были находиться по 2 другъ надъ другомъ.

Чтобы исключить всякій руководящій признакъ, мы помѣстили эту сомнамбулистку на открытомъ воздухѣ и,

усыпивъ ее, мы ей внушили, что по пробужденіи своємъ она увидитъ очень высоко въ воздухѣ баллонъ. Небо было голубое, безоблачное, она увидѣла баллонъ. Мы заставили ее попеременно смотрѣть черезъ два стекла, изъ которыхъ одно только удваивало. Тому же самому опыту была подвергнута другая сомнамбулистка. Мы могли убѣдиться, что каждый разъ, когда онѣ сразу направляла призму на баллонъ, онѣ давали ложныя указанія: эти послѣднія дѣлались точными только тогда, когда онѣ находили трубу, крышу или какой нибудь другой предметъ, могущій служить имъ руководящимъ пунктомъ.

Ибо, это слѣдуетъ знать, сомнамбулисты проявляютъ иной разъ (не всегда!) удивительную прозорливость въ разъясненіи предложенной имъ задачи; у нихъ является сильное желаніе разрѣшить ее, напрягаютъ все свои силы на то и, сосредоточивая все свое вниманіе на данномъ вопросѣ, они въ малѣйшемъ признакѣ, въ щели на стѣнѣ, въ едва замѣтной полоскѣ находятъ руководящую точку, которая, подвергаясь дѣйствию призмы, внушаетъ имъ тоже самое дѣйствіе и для субъективнаго изображенія. Разъ они нашли эту руководящую точку, или разъ они узнали между простымъ стеклышкомъ и призмой различіе въ вѣсѣ, размѣрѣ или блескѣ, они болѣе не ошибутся; они чистосердечно обманываютъ.

Чтобы уничтожить всякій обманъ чувствъ и исключить рѣшительно всякій признакъ, могущій руководить воображеніемъ, мы поступили слѣдующимъ образомъ: мы ввели двухъ субъектовъ въ темную комнату и, усыпивъ ихъ, внушили имъ, что они увидятъ зажженную свѣчу на каминѣ. И дѣйствительно, они ее увидѣли весьма ясно. Тогда мы пригласили ихъ смотрѣть на эту фиктивную свѣчу черезъ зрительную трубку въ двѣ призмы, которыя мы попеременно приводимъ въ положеніе двоенія или четверенія предметовъ. Опытъ повторялся по крайней мѣрѣ разъ двадцать надъ каждымъ субъектомъ; предварительно мы съ настоящей

свѣчей провѣряли, что все было чисто и что не было возможности впасть въ чемъ въ ошибку. При этихъ условіяхъ показанія ихъ были ошибочны и во всемъ очевидно было, что тамъ, гдѣ глаза ихъ не могли уловить какой либо признакъ, они видѣли простое, двойное, тройное, четверное изображеніе, единственно смотря по прихоти ихъ *само-внушенія*.

Приводимъ еще, какъ заключительныя, слѣдующіе опыты:

Г-жѣ С... мы внушаемъ во время ея сна, что она увидитъ на своей бѣлой простынѣ (на ней не было никакого предмета) красную облатку и въ тоже время привѣшенный къ подножію ея кровати апельсинъ. По своемъ пробужденіи она видитъ оба предмета. Если она смотритъ на облатку черезъ трубку въ двѣ призмы, она ее видитъ наугадъ простой, двойной, тройной или четверной, но никогда не согласно съ тѣмъ, что произошло бы съ дѣйствительнымъ предметомъ при положеніи призмъ. Если же, наоборотъ, она смотритъ на привѣшенный къ кровати воображаемый апельсинъ черезъ зрительную трубку, она ужъ не ошибается; ея показанія согласуются тогда съ оптическимъ расположеніемъ зрительной трубки! Почему такая разница? А потому, что въ первомъ случаѣ она на своей бѣлой простынѣ не видитъ никакого руководящаго признака; тогда какъ, смотря на апельсинъ, окружающіе дѣйствительные предметы показываютъ ей воображенію, что трубка удваиваетъ или учетверяетъ, и тогда фиктивное изображеніе, безъ вѣдома субъекта, логически слѣдуетъ примѣру дѣйствительнаго изображенія.

Если раньше всего мы заставляемъ ее смотрѣть на апельсинъ, учетверенный призмой (согласно расположенію трубки,) и вслѣдъ за тѣмъ направить трубку на облатку, она учетверяетъ также и эту послѣднюю; но никогда не указываетъ на придаваемое призмами взаимное расположеніе этихъ четырехъ изображеній. Если наоборотъ, мы при-

глашаемъ ее сначала смотрѣть черезъ трубку на облатку, она сбивается въ своихъ показаніяхъ; она ее видитъ, напримѣръ, удвоенной, вмѣсто того, чтобы видѣть ее учетверенной. Если затѣмъ она направляетъ трубку съ облатки на фиктивный апельсинъ, послѣдній, благодаря находящимся въ пространствѣ руководящимъ пунктамъ, кажется учетвереннымъ, что весьма удивляетъ г-жу G..., которая, будучи женщиной интеллигентной, отдаетъ собоѣ полный отчетъ въ томъ обстоятельствѣ, что призма, учетверяющая одинъ предметъ, должна учетверять и всѣ другіе предметы.

Дѣвицу X..., другую нашу сомнамбулистку, мы заставили смотрѣть, прежде чѣмъ усыпить ее, на кусокъ апельсиновой корки, который пѣвчій L... держалъ въ рукѣ у своей постели. Затѣмъ, усыпивъ ее, внушаемъ ей, что она по пробужденіи своемъ все будетъ видѣть этотъ самый кусокъ. Пробужденная, хотя L... ничего больше ужъ не держалъ въ своей рукѣ, она все видитъ фиктивную корку. Тогда просимъ мы ее смотрѣть на эту корку черезъ трубку, расположенную для учетверенія предметовъ, и спрашиваемъ ее, не производитъ ли трубка измѣненіе (свойства трубки она не подозрѣвала). Она увѣряетъ, что видитъ одинъ только цѣлый апельсинъ. Ея воображеніе очевидно внушило ей это измѣненіе. Тогда, безъ ея вѣдома, L... снова беретъ въ свою руку дѣйствительный кусокъ корки; дѣвица X... очень хорошо его видитъ безъ трубки, полагая, что это все тотъ же видѣнный (фиктивный) ею раньше. Ее снова заставляютъ смотрѣть черезъ трубку и на этотъ разъ она ясно видитъ четыре куска корки. Этотъ опытъ, повторенный надъ нею 4 раза, всегда удавался. Кусокъ фиктивной корки преобразовался черезъ призму въ воображеніи въ цѣлый апельсинъ; настоящій же кусокъ дѣйствительно преобразовался призмой въ четыре куска, согласно свойствамъ призмы.

Таковы факты, къ которымъ мы могли бы прибавить еще и другіе и которые мы долго контролировали. Они не

оставили въ нашемъ умѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они внушаютъ намъ то убѣжденіе, которое легко было впрочемъ предвидѣть, что внушенное изображеніе есть изображеніе фиктивное, что оно не отвѣчаетъ никакому матеріальному представленію въ пространствѣ. Призма можетъ удваивать только *дѣйствительные* лучи, помещенные передъ ней и проходящіе черезъ нее; она не можетъ удваивать изображеніе, видимое позади нея въ чувствующемъ центрѣ мозга. Галлюцинаторное изображеніе можетъ быть для субъекта столь же очевиднымъ, столь же яснымъ, столь же живымъ, какъ и сама дѣйствительность; но всецѣло рожденное въ воображеніи субъекта, послѣдній видитъ это изображеніе такъ, какъ онъ его понимаетъ, какъ онъ его себѣ рисуетъ, какъ сознательная или безсознательная память возстаповляетъ его въ чувствительнѣ. Это—изображеніе мозговое, психическое, а не физическое, которое не проходитъ черезъ периферическій зрительный аппаратъ, которое не имѣетъ объективной реальности, которое не повируется законамъ оптики, но только однимъ прихотямъ воображенія.

Теперь же, позволительно ли мнѣ сказать гг. Féré и Vinet и всѣмъ тѣмъ, которые пожелають повторить ихъ опыты:

1. Возмите новыхъ субъектовъ, которые еще не служили предметомъ этого рода опытовъ, которые не присутствовали при таковыхъ надъ другими, которые о нихъ не слыхали.

2. Производите опытъ, не говоря ни слова, даже шепотомъ, предъ субъектомъ; ибо, во всѣхъ степеняхъ гипнотизаціи, онъ слышитъ и запоминаетъ все, часто съ удивительной остротой перцепціи.

Утверждаю, что при такихъ условіяхъ выводъ не будетъ сомнительный. Хочу я вѣрить, что, послѣ такихъ экспериментальныхъ контръ-опытовъ, молодой писатель Revue philosophique, лучше уяснивъ себѣ этотъ вопросъ, пожелаетъ исправить нѣкоторыя ихъ своихъ критическихъ оцѣнокъ.

Глава VII.

Краткое историческое обозрѣніе.—Месмеръ и месмеризмъ.—Осужденіе его учеными корпораціями.—Докладъ Husson'a.—Аббатъ Faria и сонъ по внушенію.—Доктрина Alexandre'a Bertrand'a.—Опыты и флюидическая доктрина генерала Noiset'a.—Второй періодъ: Braid и бредизмъ.—Анализъ его ученія.—Gripes и электро-біологія въ Америкѣ и въ Англій.—Опыты и ученіе Dugand'a, изъ Grosa.—О моральной медицинѣ доктора Charpignon'a; его флюидическое ученіе.—О бредизмѣ во Франціи: сообщеніе профессора Azam'a.—Попытка пригвѣненія къ хирургической анестезіи.—Опыты и ученіе доктора Lièbeault'a, въ Палея: гипнотическій сонъ, уподобленный обыкновенному сну.—О гипнотизмѣ у животныхъ: Kircher, Czermack, Preyer, Wilson, Beard.—О сомнамбулизмѣ, вызывавшемся во Франціи: опыты Charles'a Richet. О снѣ, вызываемомъ у пестричныхъ: опыты Charcot, Dumontpallier.—О гипнотизмѣ у человека въ Англій: опыты датскаго магнетизера Hansen'a; физиологическія теоріи Rumpf'a, химическая теорія Preyer'a, физико—физиологическая Schneider'a, Berger'a, Heidenhein'a.—Ученіе Prosper'a Dèspine'a.—Недавнія публичныя сообщенія.

Я изложилъ явленія такими, какими я ихъ наблюдалъ, какими всякій, кто пожелаетъ повторить эти опыты, съумѣетъ наблюдать. Я говорилъ только о томъ, что видѣлъ, въ чемъ удостовѣрялся, что контролировалъ самъ или контролировалъ черезъ другихъ много разъ. Ничто изъ того, что я видѣлъ—спѣшу это прибавить—не казалось мнѣ противорѣчащимъ тѣмъ физиологическимъ и психологическимъ понятіямъ, которыя наука установила до сего дня. Чудеснаго, какъ: ясновидѣніе, предсказываніе будущаго, видѣніе внутри человека, видѣніе на разстояніи или черезъ непрозрачныя тѣла, передача чувствъ, инстинктивный выборъ лѣкарства, —нужно ли сказать, что ничего этого я не видѣлъ?

Долгое время истина утопала въ волпѣ мрачныхъ интригъ и химерическихъ бредень, такъ что исторія о магис-

тизмъ явилась, какъ одно изъ величайшихъ заблужденій чело­вѣческаго ума. Люди науки отвергли то, что противорѣ­чило здравому смыслу; классическая наука оттолкнула отъ себя то, что не входило въ ея сферу. Одинъ только без­стыдный шарлатанизмъ, довершая недовѣріе, продолжалъ эксплуатировать легковѣрность публики.

Не все, однако, было ничѣмъ въ бредняхъ и запосчи­выхъ понятіяхъ месмеризма; нѣкоторые серьезные люди по­стоянно видѣли извѣстную долю истины посреди этихъ оши­бокъ, усматривали доброе сѣмя между плевелами. Теперь умеръ магнетизмъ, какъ и алхимія; но изъ магнетизма родилось гипнотическое внушеніе, какъ изъ алхиміи родилась химія.

Я не возвращусь къ исторіи о Месмерѣ или о месме­ризмѣ. Она была написана Figuier'омъ, Bersot'омъ; мастер­ской рукой была начертана Dechambre'омъ въ *Энциклопе­дическомъ словарѣ медицинскихъ наукъ*. Кто не знаетъ лоханей Месмера, въ то время, когда больные въ молчаніи нѣсколькими рядами окружали эти лохани, животный токъ магнетизера встрѣчался съ токомъ отъ чапа (разнообразными способами соединявшагося съ лоханями) и вызывалъ, по ис­теченіи различнаго времени, разнообразныя первыя разстрой­ства, истериформныя или аналогичныя явленіямъ сомнамбу­лизма, настояція сцены одержимыхъ конвульсіями? А уче­ніе о флюидической жидкости, названной магнетической, повсюду распространенной, способной воспринять, распро­странять и сообщать всякаго рода движеніе, при посредствѣ котораго поддерживается взаимное вліяніе между небесными тѣлами, землею и живыми существами! Ученныя корпораціи, Академія наукъ, Королевское медицинское Общество осуди­ли, по изслѣдованіи, новыя ученія. «Съ точки зрѣнія ле­чебнаго дѣйствія, сказала послѣднее, животный магнетизмъ есть только искусство вводить чувствительныхъ особъ въ конвульсію; съ точки зрѣнія лечебнаго дѣйствія магнетизмъ является бесполезнымъ или опаснымъ».

Не смотря на недовѣріе, которое причастный Месмеру шарлатанизмъ бросалъ на его приемы, магнетизмъ сохранилъ приверженцевъ; онъ не замедлилъ впрочемъ преобразиться у его учениковъ. Изъ всѣхъ наиболѣе знаменитый маркизъ Puységur магнетизировалъ при посредствѣ тутъ же выполняемыхъ движеній, при посредствѣ касанія, стеклянныхъ колець, при посредствѣ вліянія магнетизированнаго дерева; съ помощью этихъ различныхъ способовъ онъ дѣйствительно производилъ состояніе, извѣстное подъ именемъ сомнамбулизма, настоящее знакомство съ которымъ связано съ его именемъ. Дѣйствие воли на жизненное начало, источникъ электричества, т. е. движенія, вотъ для него сущность животнаго магнетизма.

Многочисленныя магнетическія общества мало по малу возникали въ главныхъ городахъ Франціи; такъ, въ Страсбургѣ, Общество «Негманіе», состоящее болѣе чѣмъ изъ 150 членовъ, обнародовало въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ результаты своихъ работъ.

Волненіе во время революціоннаго періода и войны имперіи отвлекли умы къ другимъ идеямъ; совѣмъ тѣмъ во множествѣ выходившія книги и мемуары продолжали волновать общественное мнѣніе.

Съ возстановленіемъ мира и порядка вопросъ этотъ принялъ новое направленіе. Устанавливались публичныя курсы; оффиціальныи мѣръ и ученія общества казались менѣе враждебными. Въ 1820 г. опыты были сдѣланы Dupotel'омъ въ Hôtel-Dieu, затѣмъ въ Salpêtrière'ѣ. Въ 1825 г. докторъ Foissac послалъ записку двумъ Академіямъ наукъ и медицины, пригласая ихъ высказаться. Последняя, на его запросъ, начала изслѣдованія животнаго магнетизма. По прошествіи 6 лѣтъ, докладъ, порученный Husson'у, прочтенъ былъ въ Академіи 21 и 28 Іюня 1831 г. «Благопріятныя заключенія этого доклада, говоритъ Deschambre, даютъ общую идею о магнетизмѣ въ томъ видѣ,

какъ его выработали, около 1831 г., дѣйствіе времени и многочисленныя испытанія, черезъ которыя онъ прошелъ».

Теперь, когда вопросъ начинаетъ освобождаться отъ теоретическихъ и шарлатанскихъ облаковъ, которыя долгое время затемняли его, интересно прочитать заключеніе этого замѣчательнаго доклада, заключающаго въ себѣ и здраво оцѣнивающаго бѣольшую часть явленій, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ описали.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ заключеній:

Соприкосновеніе къ большимъ пальцамъ и къ рукамъ, фрикци или навѣтныя жесты, которые совершаютъ на маломъ разстояніи отъ тѣла и которыя называются пассами, суть тѣ средства, которыя употребляются для того, чтобы стать въ общеніи или, выражаясь иначе, чтобы перенести дѣйствіе магнетизера на магнетизируемаго.

Время, необходимое для перенесенія и испытанія магнетическаго дѣйствія, простирается отъ полчаса до одной минуты.

Когда однажды ужъ ввели данное лицо въ магнетическій сонъ, нѣтъ надобности всегда прибѣгать къ соприкосновенію или къ пассамъ для новаго магнетизированія. Взглядъ магнетизера, одна только его воля имѣютъ на него то же самое вліяніе.

Обыкновенно наступаютъ болѣе или менѣе значительныя перемены въ перцепціяхъ и способностяхъ индивидовъ, которые впадаютъ въ сомнамбулизмъ отъ дѣйствія магнетизма.

а). Нѣкоторые, среди шума нестройныхъ разговоровъ слышать только голосъ магнетизера; иные точно отвѣчаютъ на вопросы, съ которыми этотъ послѣдній или же лица, въ общеніе съ которыми ихъ ввели, къ нимъ обращаются; другіе вступаютъ въ бесѣду со всякимъ изъ окружающихъ; однако рѣдко бываетъ, чтобы они слышали все, что вокругъ нихъ происходитъ. Большею же частью они вполне чужды къ внѣшнему шуму, внезапно доходящему до ихъ ушей, какъ, на примѣръ, звукъ отъ удара при ихъ въ мѣдную посуду, шумъ отъ передвигаемой мебели и пр.

б). Глаза ихъ закрыты, вѣки съ трудомъ уступаютъ усиліямъ, сдѣланнымъ рукою, съ цѣлью открыть ихъ. Эта операція, не безъ боли совершающаяся, позволяетъ видѣть глазное яблоко, обращенное кверху, а иной разъ кривизну орбиты.

в). Иногда обоняніе, какъ бы не существуетъ: можно давать имъ вдыхать соляную кислоту или амміакъ и они отъ этого не чувству-

ютъ для себя неудобства, даже не подозрѣваютъ этого. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ обратное явленіе: они становятся чувствительными къ запаху.

d). Большая часть видѣнныхъ нами сомнамбулистовъ была вполне нечувствительна. Можно было щекотать имъ щетки, поздрить уголь глаза, дотрогиваясь къ нему перомъ; до крови щипать имъ кожу, булавками колоть ихъ подъ ногтями, неожиданно вонзая ихъ довольно глубоко, и они этого не замѣчали. Наконецъ, между ними была одна, которая оказалась нечувствительной къ одной изъ наиболѣе болѣзненныхъ хирургическихъ операцій: ни лицо, ни пульсъ, ни дыханіе не обнаруживали ни малѣйшаго душевнаго движенія.

Мы не видѣли, чтобы въ первый разъ магнетизированное лицо впадало въ сомнамбулизмъ. Сомнамбулизмъ въ иныхъ случаяхъ возникалъ только при восьмомъ или девятомъ сеансѣ.

По пробужденіи своемъ они говорятъ, что совершенно забыли всѣ обстоятельства сомнамбулистическаго состоянія и никакъ объ этомъ вспомнить не могутъ. Въ этомъ отношеніи, помимо ихъ заявленій, мы не имѣемъ никакого другаго ручательства.

Чтобы съ точностью установить отношенія магнетизма къ терапіи, слѣдовало бы имѣть наблюденія о его дѣйствіи надъ большимъ числомъ видовъ и пр. Но такъ какъ этого нѣтъ, то коммисія обязана ограничиться заявленіемъ, что она наблюдала слишкомъ малое число случаевъ, чтобы рѣшиться что либо высказать.

Одни изъ магнетизированныхъ больныхъ ни въ чемъ лучше себя не почувствовали; другіе испытывали болѣе или менѣе значительное облегченіе, а именно: одинъ—прекращеніе привычныхъ болей; другой—возстановленіе своихъ силъ; третій—запаздываніе на нѣсколько мѣсяцевъ появленія эпилептическихъ припадковъ; наконецъ, четвертый—полное исцѣленіе отъ тяжелаго паралича.

Разсматриваемый, какъ агентъ фізіологическихъ явленій или какъ терапевтическое средство, магнетизмъ долженъ бы занять мѣсто въ ряду медицинскихъ знаній, а слѣдовательно одни только врачи должны были дѣлать и пользоваться его примѣненіемъ, какъ это практикуется на Сѣверѣ.

Академія не рѣшилась напечатать докладъ Pisson'a; она возложила на него отвѣтственность за его мнѣніе. Честность докладчика отклонила всякое подозрѣніе, но за нимъ осталась слава легковѣрія.

Нѣсколькими годами позже, въ 1837 г., магнетизеръ, по имени Верна, дѣлалъ передъ назначенной Академіей новой комиссіей опыты относительно перемѣщенія зрѣнія; они ни для кого не оказались убѣдительными. Dubois представилъ отрицательный докладъ. Другой членъ академіи, Burgin старшій, назначилъ премію въ 3000 франковъ тому, кто приобрѣлъ бы способность читать безъ помощи глазъ и свѣта. Являлись претенденты, но премія не была заслужена. Начиная съ 1-го октября 1840 г., время закрытія конкурса, Академія рѣшила не отвѣчать болѣе сообщеніямъ о животномъ магнетизмѣ. И въ этотъ еще разъ истина, заключавшаяся въ докладѣ Pussion'a, утонула въ химерической нелѣпости чудснаго.

Теперь мы вступаемъ во второй періодъ исторіи о животномъ магнетизмѣ. Ученіе о магнетической флюидѣ, разсматриваемой, либо какъ универсальная жидкость, либо какъ истеченіе изъ человѣческаго организма, какъ животная теплота или электричество, не могло бороться съ научнымъ наблюденіемъ. Вліяніе воображенія на производство явленій поразило всѣхъ коммиссаровъ отъ ученыхъ обществъ. Самъ Deslon, первый ученикъ Месмера, писалъ въ 1780 году: «Если Месмеръ только и обладалъ секретомъ, какъ заставлятъ воображеніе сильно дѣйствовать на здоровье, то не имѣлъ ли онъ въ этомъ всегда чудесное благо? А если лѣкарство отъ воображенія было наилучшимъ, то почему бы намъ и не пользоваться этимъ средствомъ отъ воображенія?»

Около 1815 г., индійско-португальскій аббатъ, прішедшій изъ Индіи, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ аббата Faria, въ причудливой формѣ рѣчахъ, отличавшихся мистическимъ направленіемъ идей, проповѣдывалъ, что причина сомнамбулизма лежитъ въ самомъ субъектѣ, а не въ магнетизерѣ, противъ воли котораго можетъ наступить сонъ. Каждый день онъ собиралъ у себя человѣкъ 60; онъ производилъ свои опыты надъ 8 или 10 изъ нихъ и изъ этого

числа одинъ, двое, иной разъ и болѣе, впадали въ сомнамбулизмъ*)).

Когда назначенное для магнетизированія лицо садилось въ кресло, онъ приглашалъ его закрыть глаза и сосредоточиться. Потомъ, вдругъ, сильнымъ и повелительнымъ голосомъ онъ произносилъ: «Спите», повторяя, если къ тому представлялась надобность, это приказаніе 3 или 4 раза. Субъектъ, послѣ легкаго содрганія, впадалъ иной разъ въ состояніе, которое Faria обозначалъ подъ названіемъ явнаго сна.

Ученіе о внушеніи было создано, но крайней мѣрѣ, какъ способъ вызыванія сна, если не какъ толкованіе сказанныхъ явленій, ясно обнаруживающихся во время этого сна.

*) Вотъ, что говоритъ о немъ генераль Noiset: „Человѣкъ этотъ, одаренный во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ умомъ, былъ аббатъ Faria. Весь Парижъ могъ видѣть его опыты. Мало, однако, людей осталось убѣжденнымъ. Его заклеили именемъ шарлатана и этимъ все ужъ было испытано, все было сказано. Многие приходили къ нему одинъ только разъ, заранѣе убѣжденные, что они увидятъ фокусы, и смотрѣли, какъ на соучастниковъ, на всѣхъ тѣхъ, надъ которыми опыты съ успѣхомъ удавались. Если же случалось, что, въ обществѣ многихъ лицъ, одно изъ нихъ испытывало извѣстное вліяніе, засыпало и дѣлалось сомнамбулистомъ, то этотъ результатъ сначала удивлялъ тѣхъ, которые въ его дѣйствительности не могли сомнѣваться, а затѣмъ впечатлѣнія дѣлались мѣнѣе сильными, а сила слова „шарлатанъ“ была настолько велика, что вскорѣ все, что видѣлось, забывалось и даже то самое лицо, которое на себѣ испытало это вліяніе, впадало въ заблужденіе, подобно другимъ, и въ концѣ стало вѣрить, что ничего не обыкновеннаго съ нимъ не произошло. Часто стыдъ — имѣть что либо общаго съ человѣкомъ, прозваннымъ шарлатаномъ, заставлялъ отрицать истину и даже рѣшались увѣрить, что была сыграна шутка, съ цѣлью обмануть собраніе и самаго фигляра. То, что я здѣсь рассказываю, не должно удивлять кого бы то ни было, знакомаго со слабостями человѣческаго сердца; и же тѣмъ болѣе былъ этимъ пораженъ, что я имѣю случаи провѣрять это на самомъ себѣ.

„Однажды, наконецъ, случилось, что дѣйствительно одинъ актеръ подражалъ сомнамбулисту и обманулъ аббата Faria. Съ этого момента еще слышнѣе стали кричать о шарлатанствѣ, какъ будто шарлатанъ сталъ бы подвергаться подобнымъ ошибкамъ и позволилъ бы уличить себя такимъ образомъ незнакомому лицу. Перестали слѣдить за его опытами и вѣрить въ нихъ считалось смѣшнымъ. Совсѣмъ тѣмъ я въ нихъ вѣрую и никогда не стану краснѣть, провозглашая эту истину. Я не объявляю себя защитникомъ аббата Faria, котораго я едва знаю; мнѣ неизвѣстна его правдивость; но мнѣ извѣстно, что онъ производилъ тѣ явленія, которыя я передаю.“

Въ 1819 году, старѣйшій ученикъ политехнической школы, докторъ медицины, Alexandre Bertrand, объявилъ публичный курсъ о животномъ магнетизмѣ. Онъ всѣ наблюдаемыя явленія приписывалъ тогда свойствамъ магнетической флюиды: онъ былъ послѣдователемъ Месмера.

Въ этой самой эпохѣ, одинъ офицеръ, генералъ Noizet, ученикъ аббата Faria, сильно заинтересовавшійся видѣнными имъ явленіями, не допускалъ существованія флюиды, не признавая другой силы, ~~помимо~~ ~~силы~~ ~~воображенія~~, ~~силы~~ ~~убѣжденія~~ лица, которое чувствуетъ на ~~своѣ~~ ~~влияніе~~.

Онъ связался съ Bertrand'омъ, котораго подъ конецъ обратилъ къ своимъ идеямъ. «Слишкомъ много, быть можетъ, присовокупляетъ генералъ Noizet, смысла въ томъ, что онъ отвергаетъ даже то малое, что я позаимствовалъ изъ его системы.»

Въ окончательномъ видѣ идеи Bertrand'a изложены были въ его «Traité du somnambulisme et des différentes modifications qu'il présente» написанномъ въ 1823 г. Причина явленій, по его мнѣнію, обязана особой формѣ чрезмѣрнаго нервнаго возбужденія, которое авторъ обозначаетъ подъ именемъ экстаза. Это то состояніе, которое производитъ одержимыхъ бѣсомъ Loudun'a, магнетизированныхъ у лохани Месмера, сомнамбулистовъ. Нечувствительность, моральная инертность, забвеніе по пробужденіи, инстинктивное указываніе лѣкарства, сообщеніе мыслей, видѣніе безъ помощи глазъ, возбужденное воображеніе характеризуютъ это нервное состояніе.

Странная вещь! Генералъ Noizet въ то время, какъ привлекалъ Bertrand'a къ своимъ первоначальнымъ понятіямъ, увлеченный своими спиритуалистическими идеями, стараясь примирить два противорѣчащихъ другъ другу мнѣнія, флюидическое и анти-флюидическое, самъ впалъ въ флюидическое ученіе. Гипотезой о жидкой флюидѣ авторъ объясняетъ интересныя явленія, которыя онъ приводитъ въ своемъ мемуарѣ, посланномъ въ 1820 г. въ Королевскую

Берлинскую Академію. (*Mémoire sur le somnambulisme et le magnétisme animal*. Paris, 1854).

Если учене о внушеніи и имѣло свое предвѣстникъ, то окончательно оно установилось и доказано было только въ 1841 году James Braid'омъ изъ Manchester'a*). Ему такъ и обязанъ своимъ открытіемъ гипнотизмъ, и слова: *брэдизмъ, бредическое внушеніе* удержались въ наукѣ, чтобы освѣтить новое учене, поднявшееся противъ месмеризма.

Braid доказалъ, что не существуетъ никакой магнетической флюиды, никакой таинственной, отъ магнетизера истекающей, силы; гипнотическое состояніе и имѣ представляемыя явленія имѣютъ свой чисто субъективный источникъ въ нервной системѣ самаго субъекта. Фиксація блестящаго предмета съ утомленіемъ поднимающихъ верхнее вѣко мышць, сосредоточиваніе вниманія на одной только идеѣ вызываютъ сонъ; субъекты могутъ въ него погружаться сами собою, безъ внѣшняго вліянія, по собственному стремленію ума. Въ этомъ состояніи воображеніе субъекта дѣлается столь живымъ, что всякая, самопроизвольно развившаяся идея или внушенная какимъ либо лицомъ, къ которому субъектъ относится съ особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ, охватываетъ у него всю его силу дѣятельности и существованія. Чѣмъ чаще вызывать эти явленія, тѣмъ легче они наступаютъ и тѣмъ удобнѣ ихъ вызывать; таковъ законъ ассоціаціи и привычки. Воля гипнотизера, если она не выражена словами; его жесты, если они не понятны для субъекта, не вызываютъ никакого явленія. Положеніе, которое даютъ за гипнотизированному; состояніе, въ которое приводятъ мускулы его членовъ или лица, могутъ вызвать у него ощущенія, страсти, движенія, соответствующія этимъ анатомическимъ положеніямъ; точно также какъ внушеніе извѣстныхъ

*) Braid: *Neurypnologie*. Traduit de l'anglais, par Jules Simon, avec préface de Brown—Séguard, Paris, 1883.

ощущений или страстей создаетъ положеніе тѣла или соотвѣтственное мимическое выраженіе.

Эта часть труда Braid'a стоитъ непоколебимо: наблюденіе подтверждаетъ ея во всѣхъ ея пунктахъ. Можно ли тоже самое сказать о его френо-гипнотическихъ опытахъ, когда претендуетъ, что манипуляціями надъ шеей и лицомъ онъ возбуждаетъ извѣстныя тѣлесныя и умственныя проявленія, смотря по тому, какихъ частей касается; что при посредствѣ чувствующихъ нервовъ головы, при посредствѣ локализованныхъ въ мозгу органовъ, соответствующихъ различнымъ способностямъ, можно вызвать доброжелательность, раздраженіе, воровство и пр.?

Я думаю, вмѣстѣ съ Brown-Séguard'омъ, «что Braid упустилъ изъ виду обстоятельства, протекающія отъ внутренія, когда онъ думалъ найти у своихъ гипнотиковъ доказательства истинны френологическія ученія. Для тѣхъ, которые знаютъ, что одно слово, произнесенное на достаточномъ отъ загниотизированнаго разстояніи, можетъ внушить послѣднему цѣлый рядъ идей или вызвать самыя разнообразныя ощущенія или движенія, весьма попятно будетъ, какъ Braid впалъ въ указываемыя мною ошибки».*)

Мнѣ впрочемъ кажется, что Braid, подъ конецъ своей жизни, усумнился относительно своихъ прежнихъ опытовъ о френо-гипнотизмѣ. Въ своемъ послѣднемъ мемуарѣ, обращенномъ къ Академіи наукъ въ 1860 г. по поводу опытовъ Азам'а и Вроса, мемуарѣ замѣчательномъ, резюмирующемъ его труды, онъ проходитъ молчаніемъ свои френо-гипнотическія изслѣдованія; онъ довольствуется заявленіемъ, что опыты его о явленіяхъ страстей, вызванныхъ соприкосновеніемъ къ волосистой части головы, привели его къ заключенію, что добытые имъ результаты не доказываютъ, не подтверждаютъ френологической органологіи: онъ объясняетъ

*) Préface au Traité du Sommeil nerveu ou hypnotisme, par James Braid. Traduit de l'anglais par Jules Simon. Paris. 1853.

свою ошибку тѣмъ, что предположилъ взаимное отношеніе между покровами лба и памятью вслѣдствіе того обстоятельство, что соприкосновеніе ко лбу загниотизированнаго вызываетъ болѣе дѣйствительное внушеніе, уничтожая рассеянность и задумчивость—обстоятельства, позволяющаго субъекту лучше сосредоточить свое вниманіе на вопросѣ и прямо отвѣчать на него.

Опыты Braid'a не произвели большого шума въ Англии; во Франціи же они едва были извѣстны.

Въ Америкѣ ученіе о магнетизмѣ появилось подъ новымъ названіемъ. Около 1848 г., одинъ обитатель Новой Англии, Grimes, не будучи, кажется, знакомъ съ открытіемъ Braid'a, производилъ аналогичныя явленія: онъ сверхъ того показалъ, что у нѣкоторыхъ субъектовъ эти явленія могли получаться въ состояніи бодрствованія по простому словесному внушенію, что Braid показалъ уже въ 1846 г. въ одномъ мемуарѣ, озаглавленномъ: «The power of the mind over the body». Двигательная способность, ощущенія, страсти и до отправленій органическихъ функций могутъ быть измѣнены безъ предварительнаго гипнотизма, но чужой волей.

Это ученіе, обозначенное Grimes'омъ подъ именемъ *electro-biologie*, распространилось по Соединеннымъ Штатамъ множествомъ профессоровъ, большая часть которыхъ, говоритъ докторъ Phillips, у котораго я заимствую эти подробности объ электро-біологіи, не стояла, къ несчастію, на высотѣ своего научнаго призванія. Докторъ Dods прочелъ, въ 1850 г., передъ Конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ 12 лекцій объ этомъ вопросѣ «электрической психологіи», чтобы отвѣтить на полу-официальное приглашеніе, подписанное семью членами Сената; онъ ихъ опубликовалъ подъ заглавіемъ: *The Philosophy of Electrical psychology, etc., New-York.*

Новый методъ сталъ примѣняться къ производству нечувствительности при хирургическихъ операціяхъ, точно также какъ къ леченію болѣзней.

Онъ проникъ въ Англію около 1850 г. Однимъ изъ первыхъ его распространителей былъ докторъ Darling. Электро-біологія заставила на время забыть о гипнотизмѣ; но не замедлили узнать, что явленія бодрствованія стояли рядомъ съ открытіемъ Braid'a. Наиболѣе выдающіеся ученые Англіи: J.-H. Bennet, Simpson, Carpenter, Alison, Gregory, докторъ Holland, физикъ David Brewster, психологъ Dugald Stewart опубликовали многочисленныя утвердительныя наблюденія.

Во Франціи все эти изслѣдованія остались индифферентными для публики: оффиціальная медицина не знала ни о бредизмѣ, ни объ электро-біологіи. Одинъ только докторъ Dugand, de Gros, подъ именемъ доктора Phillips'a*), обратилъ вниманіе врачей и ученыхъ своими устными и экспериментальными лекціями, происходившими въ Бельгіи, Алжиріи и Марсели въ теченіи 1853 года. Въ 1855 году онъ опубликовалъ трактатъ, озаглавленный: *Electro-dynamisme vital*, отвлеченныя теоретическія мысли котораго были слишкомъ неясны, чтобы расшевелить медицинское общество; затѣмъ, въ 1860 году, появился его *Теоретическій и практическій курсъ о бредизмѣ или нервномъ гипнотизмѣ*, въ которомъ мысль и метода автора высказались съ большою ясностью.

Braid'омъ установлено было, что сосредоточеніе вниманія и мысли, получаемое фиксаціей взгляда, составляетъ причину, вызывающую гипнотическое состояніе; но онъ не старался выяснить фізіологическій или психологическій механизмъ явленія. Dugand, de Gros, постарался идти дальше и объяснить связь, существующую между этимъ сосредоточеніемъ мысли—первая исходная точка бредической модификаціи—и возникновеніемъ нечувствительности, катаlepsis, экстаза, слезомъ того глубокаго и общаго переворота животной экономіи, который составляетъ конечную цѣль.

*) Игнатию 2 декабря, онъ долженъ былъ переимѣнить имя, чтобы возвратиться во Францію.

Вотъ теорія автора въ томъ видѣ, какъ она имъ изложена: Общая дѣятельность и достаточно сильная дѣятельность мысли необходима для правильнаго распредѣленія нервной силы въ чувствительныхъ нервахъ. Если эта дѣятельность приостановлена, если ихъ иннервація подавлена, то нервы теряютъ свое свойство—доводить до мозга впечатлѣнія извнѣ. И дѣйствительно, мы знаемъ, что идіоты болѣе или менѣе апестезичны и пр. Съ другой стороны, ощущение составляетъ необходимый стимулъ къ умственной дѣятельности.

Отсюда вытекаетъ, что для того, чтобы вызвать нечувствительность, достаточно прекратить работу мысли; а для прекращенія послѣдней, слѣдуетъ изолировать чувства отъ впечатлѣній внѣшнихъ агентовъ. Уничтожить мысль невозможно; но можно ее свести до *минимума*, подвергая ее исключительному дѣйствию простаго, однороднаго и продолжительнаго ощущения. Ее такимъ образомъ сводятъ къ простому виду ея сферы дѣятельности. Мозговая клѣточка продолжаетъ вырабатывать нервную силу; мысль для своей работы употребляетъ только слабую часть этой силы; послѣдняя собирается въ мозгу, гдѣ произойдетъ первый приливъ. Это составляетъ первую часть бредического воздѣйствія, которое производитъ то, что авторъ называетъ *эпотоксическимъ состояніемъ*. Разъ это состояніе вызвано, то какъ въ пріотворенную еще дверь чувствительна, путемъ зрѣнія, слуха, мышечнаго чувства, впечатлѣніе скользитъ до мозга, и та точка его, на которую это раздраженіе будетъ дѣйствовать, тотчасъ выйдетъ изъ своего оффиціальнаго для того, чтобы сдѣлаться мѣстомъ дѣятельности, которую напряженіе нервной силы увеличитъ до наивысшей своей степени. Тогда за общей приостановкой иннерваціи вдругъ наступаетъ чрезмѣрная мѣстная иннервація, которая нечувствительность, напримѣръ, внезапно переводитъ въ гиперестезію; расслабленіе мышечной системы—въ каталонсію, въ тетаносъ и пр.

Наличная первая сила можетъ быть обращена на ту или другую точку центра иннервации, направляя на эту точку впечатлѣніе, которое будитъ въ ней свойственную ей дѣятельность. Съ этой цѣлью употребляютъ умственное впечатлѣніе, т. е. внушенную идею. Это второй моментъ бредивческаго воздѣйствія, который Durand, de Gros, называетъ *идеоплястіей*. Идея становится побудительной причиной для вызыванія функциональных измѣненій: умственное раздраженіе воспроизводитъ ощущенія, раньше вызванныя путемъ органическихъ возбужденій; ощущенія эти, возобновленныя идеей названы были меморативными.

Опытамъ доктора Philipps'a (Durand, de Gros) не удалось поправить то недовѣріе, въ которое магнетизмъ впалъ въ глазахъ медицинской публики; бредизмъ былъ забытъ. Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ сказать о докторѣ Charignon'ѣ, изъ Орлеана, который съ 1841 много занимался магнетизмомъ и моральной медициной при леченіи первыхъ болѣзней. Мемуаръ его, озаглавленный: *De la Part de la Médecine morale dans le traitement des maladies nerveuses* (1862 г.), удостоился почетнаго отзыва отъ Медицинской Академіи.

Изложенныя въ немъ явленія гипнотическаго внушенія и въ состояніи бодрствованія достигли такимъ образомъ въ первый разъ официальной санкціи отъ этой ученой корпораціи; это дѣйствительно произошло на краткомъ засѣданіи 1-го октября 1840 г. Мемуаръ этотъ напечатанъ былъ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: *Etudes Sur la médecine animique et vitaliste*.

Докторъ Charignon допускаетъ, что, помимо моральнаго вліянія, существуетъ вліяніе магнетическое, также въ видѣ особой жидкости, подобно свѣтовой, тепловой и электрической жидкостямъ, и что это вліяніе, передающееся отъ одного организма въ другой концами периферическихъ нервовъ, служитъ для нѣкоторыхъ индивидовъ средствомъ, измѣняющимъ первыя и жизненныя отправления.

Слѣдуетъ также еще упомянуть о Victor'ѣ Meunier, который, начиная съ 1852 г., въ журналѣ *La Presse*, имѣлъ научную смѣлость сдѣлать доступнымъ для народа тѣ опыты, которые оффиціальная наука осуждала тогда.

Въ 1859 году бредизмъ сдѣлалъ настоящее вступленіе во Францію; сообщеніе профессора Azam'a изъ Бордо, въ Хирургическомъ Обществѣ, опубликованное въ *Archives de médecine* (1860 г.) далъ ему большой, но временный толчекъ. Будучи знакомъ съ явленіями, вызванными англійскимъ врачомъ, при посредствѣ одного изъ своихъ коллегъ, прочитавшаго статью о снѣ Сагренгера въ *Энциклопедіи Todd'a*, онъ съ успѣхомъ повторялъ эти опыты надъ многими совершенно здоровыми лицами.

Demarquay и Girard—Teulon (*Recherches sur l'hypnotisme ou sommeil nerveux*, Paris, 1860), Gigot-Suard (*Les Mystères du magnétisme animal et de la magie dévoilés ou la Vérité démontrée par l'hypnotisme*. Paris, 1860), опубликовали интересныя наблюденія. Особенно хирурги искали въ гипнотизмѣ анестезическое средство, способное замѣстить хлороформъ. Удовлетворительное въ этомъ направленіи наблюденіе (дѣло шло объ инцизии абсцесса въ заднемъ проходѣ, сдѣланной Broca и Föllin'омъ) представлено было въ 1859 году въ Академіи наукъ. Нѣсколькими днями позже, докторъ Guérineau, изъ Poitiers, доложилъ Медицинской Академіи, что имъ сдѣлана была ампутація бедра во время гипнотической анестезіи (*Gaz. des hôpitaux*, 1859).

Примѣненіе гипнотизма къ хирургической анестезіи не было, впрочемъ, новой вещью. Докторъ Charpignon указалъ, въ *la Gazette des hôpitaux*, на слѣдующіе факты, относящіеся къ сдѣланнымъ операціямъ во время гипнотической нечувствительности: въ 1829 году, отнятіе одной груди Jules Cloquet'омъ; въ 1845 и 1846 годахъ, ампутація голени, экстирпація железъ, оба раза безъ боли, докторомъ Loysel'омъ, изъ Cherbourg; въ 1845 году, ампутація обоихъ бедеръ док-

торами Fanton'омъ и Toswel'омъ, изъ Лондона; въ 1845 г., ампутація руки докторомъ Joly, въ Лондонѣ; въ 1847 году, отнятіе опухоли съ челюсти докторомъ Ribaud и Kiago, дантистомъ въ Poitiers.

Не смотря на эти счастливыя попытки, хирурги констатировали, что гипнотизмъ, какъ анестезирующее средство, съ успѣхомъ удавался только рѣдко; абсолютная нечувствительность составляетъ исключеніе у способныхъ къ гипнотизаціи лицъ; сама гипнотизація весьма часто не удается у лицъ, возбужденныхъ ожиданіемъ операціи. Бредизмъ, являясь лишеннымъ практическаго интереса, впалъ снова въ забвеніе.

Еслибы Lasègue послѣдовалъ дальше въ своихъ изслѣдованіяхъ, то онъ рѣшительно могъ бы воскресить бредизмъ. Въ мемуарѣ, озаглавленномъ: *О частичной и скоропреходящей каталепсiи*. (Arch. génér. de médecine, 1865), онъ констатируетъ, что простое закрываніе глазъ у нѣкоторыхъ истеричныхъ и даже у нѣкоторыхъ не истеричныхъ людей вызываетъ различныя степени сна, начиная отъ простаго оцѣпенѣнія до полной летаргіи съ анестезіей. Эти различныя состоянія сопровождаются каталептической ригидностью въ членахъ, которая быстро исчезаетъ, коль скоро пробужденный больной вступаетъ въ свои жизненныя права.

Но Lasègue дальше не пошелъ; онъ и не думалъ отождествлять эти явленія съ тѣми явленіями гипнотическаго сна, который Braid описалъ.

Въ 1866 году, докторъ Lièbeault, уже много лѣтъ занимавшійся этимъ вопросомъ, опубликовалъ книгу подъ заглавіемъ: *О снѣ и объ аналогичныхъ состояніяхъ, разсматриваемыхъ особенно съ точки зрѣнія моральнаго дѣйствія на физику*; это самое важное изъ того, что только публиковалось о бредизмѣ. Приверженецъ ученія о внушеніи, которое онъ подвинулъ дальше, чѣмъ это сдѣлалъ Braid, и которое онъ съ успѣхомъ примѣнялъ къ те-

рации, врагъ всего чудеснаго и мистическаго, авторъ старается наблюдаемыя явленія толковать съ психо-- физиологической точки зрѣнія.

Его ученіе приближается къ доктринѣ Dugand'a, de Gros: сосредоточеніе мысли на единственной только идеѣ, какова идея о снѣ, облегчаемое фиксаціей взгляда, приводитъ тѣло въ неподвижное состояніе, чувства къ замиранію, къ удивленію ихъ отъ вѣшняго міра, наконецъ къ пріостановкѣ мысли и къ постоянству сознательныхъ состояній. Внушенная катаlepsія является слѣдствіемъ этой пріостановки мысли: гипнотизированный остается, съ преобладающей одной идеей, въ общеніи съ тѣмъ лицомъ, которое усынило его, которое онъ понимаетъ и отъ котораго впечатлѣнія онъ воспринимаетъ. Неспособный самъ по себѣ перейти отъ одной идеи къ другой, его умъ держится той идеи, которую ему при концѣ внушили, и съ того момента, какъ идея, на примѣръ, состояла въ томъ, чтобы держать руки въ вытянутомъ состояніи, онъ держитъ руки вытянутыми.

Обыкновенный сонъ по сути своей не отличается отъ гипнотическаго сна: какъ одинъ, такъ и другой обязаны своимъ возникновеніемъ неподвижности вниманія и нервной силы на одной идеѣ о снѣ. Желаяющій спать индивидъ изолируетъ свои чувства, уходитъ въ себя, остается неподвижнымъ; нервная сила, концентрируясь, такъ сказать, на одной точкѣ, на одной идеѣ, оставляетъ въ покоѣ чувствительные, двигательные и чувствующие нервы.

Но *обыкновенно спящій*, разъ состояніе его сознанія бездѣтельно, находится *въ общеніи только съ самимъ собою*; впечатлѣнія, доведенныя до его мозга чувствительными нервами или нервами органической жизни, могутъ пробудить въ немъ ощущенія или различные памятные образы, которые составляютъ сновидѣнія. Сновидѣнія эти самопроизвольны, т. е. внушены ему самимъ имъ.

Загипнотизированно спящій засыпаетъ съ непод-

вижной идеей въ общеніи съ тѣмъ, который усыпилъ его; отсюда этой чужой волѣ и является возможность внушать ему сновидѣнія, идеи, движенія.

Забвеніе по пробужденіи изъ глубокаго гипноза происходитъ отъ того, что вся, накопившаяся въ мозгу во время сна, нервная сила по пробужденіи снова разливается по всему организму; съ уменьшеніемъ въ мозгу этой силы пришедшему въ себя субъекту становится тогда невозможнымъ съ меньшимъ ея количествомъ возстановить въ своей памяти то, что онъ раньше сознавалъ.

Въ обыкновенномъ снѣ, или въ легкомъ гипнозѣ, нервной силы, накопившейся около мѣста преобладающей идеи, меньше; другія части нервной системы также не столь бездѣтельны; сновидѣнія вызываются периферическими впечатлѣніями. Кроме того, пробужденіе здѣсь не наступаетъ внезапно, а прогрессивно; накопившаяся въ мозгу нервная сила уменьшается постепенно и, когда движеніе мысли начинаетъ устанавливаться, послѣдняя возстановляетъ, по крайней мѣрѣ, событія конца сна.

Трудъ Нанскаго врача прошелъ незамѣченнымъ: на гипнотизмъ смотрѣли, какъ на простой научный курьезъ; удовлетворились знаніемъ, что фиксація блестящаго предмета производитъ у однихъ субъектовъ сонъ съ анестезіей, у другихъ каталепсію, а дальнѣйшихъ изслѣдованій не производили.

Въ Германіи (Szermak*) опубликовалъ, въ 1873 году, свои наблюденія надъ гипнотическимъ состояніемъ, вызываемымъ у животныхъ. Уже въ 1646 году Athanasius Kircher показалъ, что курица, помѣщенная съ связанными ногами передъ начертанной на землѣ линіей, остается по проше-

*) Beobachtungen und Versuche über hypnotische Zustände bei Thieren (Arch. f. Physiologie, VII, p. 107, 1873).

ствіи извѣстнаго времени безъ движенія; это положеніе она сохраняетъ даже и тогда, когда снимають лигатуру и раздражаютъ ее. Czermak тоже самое явленіе получилъ безъ лигатуры и безъ проведенія по землѣ линіи; достаточно для этого поддержать животное въ теченіи нѣкотораго времени неподвижнымъ, шею и голову слегка вытянутыми къ животу. Другія животныя, птицы, саламандры, раки, голуби, кролики, воробьи, одни были гипнотизированы, другіе каталептизированы простой фиксаціей предмета, кольца, спички и проч., помѣщаемыхъ передъ ихъ глазами.

Преуер*) разсматривалъ это состояніе, какъ причиняемое страхомъ, и назвалъ его катаплексіей. Контрактура тритоновъ при ловлѣ ихъ, дѣйствіе громоваго удара, шокъ хирурговъ, вызванный страхомъ параличъ, оцѣпенѣніе огнестрѣльнымъ оружіемъ раненныхъ животныхъ, представляютъ собою явленія, аналогичныя тѣмъ, которыя происходятъ отъ гипнотизаціи животныхъ; они возникновеніемъ своимъ обязаны возбужденію регуляторныхъ аппаратовъ центральной иннерваціи при посредствѣ чрезмѣрнаго тактильнаго впечатлѣнія. Подобныя же гипнотическія состоянія наблюдали надъ лошадьми. Одинъ венгерець, Constantin Balassa**), указалъ въ 1828 г. на способъковки лошадей безъ усилія: «Прочно привязавъ лошадь, ее осаживаютъ назадъ, поднимають ей голову, вытягиваютъ шею и такимъ образомъ нѣкоторыхъ можно довести до той степени, что они не пошевелиются, даже если выстрѣлить по сосѣдству изъ ружья. Легкое поглаживаніе рукой поперегъ лба и глазъ представляетъ также важное вспомогательное средство для успокоенія и усмиренія какъ самую спокойную, такъ и самую буйную лошадь.»

Въ 1839 г. докторъ Wilson, въ Англіи, произвелъ это

*) Die kataplexie u. d. thier. Hypnotismus. (Sammlung physiol. Abhandl. von W. Preyer. 2. Reihe, 1. Heft. Jena, 1878).

**) Methode des Hufbeschlages ohne Zwang., Wien, bei Gerold, 1828.

состояніе, названное имъ «trance», надъ животными Лондонскаго Зоологическаго сада. Наконецъ, болѣе недавно, въ 1881 г. Beard въ Boston'ѣ приравнилъ эти явленія, названныя животнымъ trance'омъ или транкоидными, къ человѣческому гипнотизму и показалъ, что они могутъ быть получены различными способами: страхомъ (придаваемое животнымъ положеніе, дѣлающее ихъ неспособными сопротивляться: лежаніе на спицѣ, лигатура), магнетическими пассами, фиксированіемъ глазами, сильнымъ свѣтомъ, (ловля рыбъ при помощи факела, привлеченіе насекомыхъ свѣтомъ), музыкой; всѣми наконецъ способами, которые нарушаютъ психическое равновѣсіе, сосредоточивая мозговую дѣятельность на одной только идеѣ.*)

Въ 1875 г. Charles Richet***) предпринялъ опыты надъ человекомъ и снова изучилъ вызываемый сомнамбулизмъ; онъ показалъ, что пассами, названными магнетическими, фиксаціей блестящаго предмета и другими эмпирическими способами можно получить особый неврозъ, аналогичный естественному сомнамбулизму. Съ трудомъ получаемый въ первый разъ, онъ является постоянно, если имѣть терпѣніе сдѣлать нѣсколько сеансовъ; эта магнетическая невропатія, по мнѣнію Richet, представляетъ впрочемъ мало возможности къ ея терапевтическому примѣненію.

Этому автору принадлежала та заслуга, что онъ обратилъ на гипнотическія явленія вниманіе медицинскаго міра; онъ одинъ изъ тѣхъ, которые наилучшимъ образомъ изучили и яснѣе представили психическія явленія сомнамбулизма.

) Beard. Geo. M. Trance and tranceoid states in the lower animals. (Journal of Comparative medicine and surgery. April 1881.) Всѣ эти свѣдѣнія о наблюденіяхъ Czermak'a, Freyer'a, Balassa et Beard'a извѣщены изъ Revue générale de l'hypnotisme, Möbius'омъ, изъ Лейпцига. In Schmidt's Jahrbücher, Band 190, n°1. 1881.

*) Charles Richet, Journal de l'anatomie et de la physiologie 1875.—Archives de physiologie 1880.—Revue philosophique. 1880 и 1883.

Въ 1878 г. Charcot*) изучалъ сомнамбулизмъ, вызываемый у истеричныхъ. Эти достопамятныя изслѣдованія извѣстны всѣмъ: вызываніе катаlepsіи съ анестезіей при посредствѣ фиксированія сильнаго свѣта; въ этомъ состояніи явленія внушенія, т. е. придаваемые членамъ положенія, сказываются въ выраженіи фазіономіи (улыбка, мольба); быстрое исчезновеніе свѣта замѣняетъ катаlepsію спомъ съ расслабленіемъ или летаргіей; въ этомъ состояніи обнаруживается чрезмѣрная мышечная возбудимость (контрактура мускула при легкомъ его раздраженіи или при раздраженіи его нерва); наконецъ треніе по позвоночнику переводитъ это летаргическое состояніе въ сомнамбулизмъ съ возможностью ходить, отвѣчать и проч.

Bouguéville и Regnard описали и иллюстрировали эти опыты въ Salpêtrière'ской иконографіи. Charcot и ученики его не представили никакой теоріи для объясненія этихъ явленій. Также извѣстны интересные опыты, сообщенные Dumontpallier'омъ біологическому Обществу.

Въ 1879 году вопросъ этотъ снова выступилъ въ Германіи. Датскій магнетизеръ, по имени Hansen, познакомый съ медициной, объѣзжалъ главные города, давая публичныя представленія; я видѣлъ его въ Страсбургѣ и въ Нанси. Онъ гипнотизировалъ по способу Braid'a. На 20 присутствовавшихъ лицъ, добровольно подвергшихся его опытамъ, онъ нашелъ 4 или 5 способныхъ впасть въ катаlepsію и получить всякаго рода внушенія. Опыты эти повторялись профессорами университетскихъ городовъ: въ Chemnitz'ѣ—Weinhold'омъ, Ruhlmann'омъ и Opitz'омъ; въ Breslau—Heidenhain'омъ, Grützner'омъ, Berger'омъ и другими**).

*) Comptes rendus de l'Académie des Sciences 1881.—Progrès médical, 1878, 1881 и 1882.

***) Weinhold. Hypnotische Versuche. Exper. Beiträge zur Kenntniss des sogen. tierischen Magnetismus. Chemnitz, 1880.—Ruhlmann, Die Exper. mit dem sogen. thier. Magnet. Gartenlaube, n° 819. 1880.—Opitz. Chemnitzer

Стали возникать различныя теории: одинъ, чисто физиологическія, какова теорія Rumpf'a^{*)}), который допускаетъ отраженныя измѣненія въ кровообращеніи мозга, дающія мѣсто явленіямъ мозговой гипереміи или анеміи; другія, чисто химическія, какова теорія Preyer'a^{**)}), который принимаетъ, что сосредоточеніе мысли вызываетъ чрезмѣрную дѣятельность мозговыхъ клѣточекъ, вслѣдствіе чего образуются легко окисляемые продукты, каковы молочно-кислыя соли, которые отнятіемъ кислорода отъ различныхъ областей мозга притупляютъ его. Быстрота гипноза и внезапность, съ какой совершается пробужденіе, не вяжутся съ этими теоретическими соображеніями.

Третьи, наконецъ, доктрины суть психо-физиологическія. Schneider, въ Leipzig'ѣ, старается объяснить эти явленія чрезвычайнымъ и аномальнымъ сосредоточеніемъ сознанія на одной только идеѣ: интеллектуальное возбужденіе, преувеличенная острота чувствъ, живость воображенія обязаны тому, что вся психическая дѣятельность, вмѣсто того, чтобы разойтись по большой области, концентрируется на маломъ числѣ пунктовъ^{***)}). Теоретическій этотъ взглядъ былъ уже высказанъ во Франціи, какъ мы это видѣли, Dugand'омъ, изъ Gros'a, и Liébault'омъ. Berger, изъ Breslau, также думаетъ, что сосредоточеніе всего думающаго существа на одной только идеѣ устанавливаетъ инертность воли, что составляетъ сущность гипнотическаго состоянія; каталептиформная ригидность, будучи сопутствующимъ явленіемъ, обязана тому обстоятельству, что психологическое возбужденіе распространяется по 'эксцито-моторнымъ центрамъ мозга.

Heidenhain, изъ Breslau, высказывая аналогичный взглядъ,

Zeitung 1879.—Heidenhain, Der sogen. thier Magnet. etc. Leipzig 1880. — Breslauer arzt. Zeitschr 1880.—Grutzner, ibid.—Berger, Hypnot. Zustände (ibid 1880—1881).

*) Rumpf. Deutsche med. Wochenschr. 1880.

**) Preyer. Die Entdeck. des Hypnotismus. Berlin, 1881.

***) Schneider, Die psych. Ursache der hypnot. Erschein. Leipzig, 1880.

допускаетъ, что слабое и безпрестанное раздраженіе чувствующихъ нервовъ, слуховаго или зрительнаго, вызываетъ прекращеніе дѣятельности клѣточекъ мозговой коры: къ этому присоединяется возбужденіе рефлекторныхъ двигательныхъ центровъ, лежащихъ подъ корою, потому ли, что послѣдняя, будучи парализована, теряетъ свое регуляторное вліяніе надъ рефлексами; либо потому, что, ввиду этого самаго паралича, всякое мозгу передающееся центростремительное возбужденіе распространяется по болѣе ограниченной нервной области и по этому самому дѣйствуетъ сильнѣе на эту экцито-моторную область.

Espinas, профессоръ факультета словесности въ Bordeaux, развиваетъ аналогичные психологическіе взгляды. Изучая въ особенности сонъ у истеричныхъ, онъ допускаетъ у этихъ субъектовъ состояніе непостояннаго равновѣсія нервной системы и скорое послѣдовательное истощеніе высшихъ центровъ подъ вліяніемъ продолжительныхъ или утомляющихъ ощущеній*).

Отмѣтимъ еще, чтобы закончить этотъ историческій обзоръ, ученіе доктора Prosper Despine'a^{**)}, изъ Marseille, который опубликовалъ одно изъ весьма интересныхъ научныхъ изслѣдованій о сомнамбулизмѣ. Существуетъ, говоритъ авторъ, мозговая автоматическая дѣятельность, которая обнаруживается безъ содѣйствія нашего Я; ибо для всѣхъ первыхъ центровъ существуютъ законы, которые придаютъ ихъ дѣятельности интеллигентную силу, безъ всякаго я, безъ личности. Психическія способности могутъ, въ извѣстныхъ патологическихъ состояніяхъ мозга, проявляться при отсутствіи нашего я, ума, сознанія, и производить акты, подобные тѣмъ, которые нормально обнаруживаются по инициативѣ

*) Espinas. Du sommeil provoqué chez les hystériques, Essai d'explication psychologique de ses causes et de ses effets.—Bulletin de la Société d'anthropologie de Bordeaux. t. 1, 1884.

**) P. Despine, Etude Scientifique sur le somnambulisme, Paris, 1880.

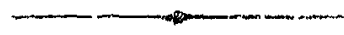
нашего я. Это—автоматическая мозговая дѣятельность; дѣятельность же, которая, наоборотъ, обнаруживаетъ вмѣшательство нашего я, есть сознательная мозговая дѣятельность. Въ нормальномъ состояніи обѣ эти дѣятельности intimately связаны между собою, составляютъ одно цѣлое и всегда проявляются вмѣстѣ; въ извѣстныхъ же нервныхъ патологическихъ состояніяхъ они могутъ отдѣлиться другъ отъ друга и дѣйствовать изолировано.

Сомнамбулизмъ физиологически характеризуется отравленіемъ одной только автоматической дѣятельности мозга во время паралича его сознательной дѣятельности. Незнаніе сомнамбулистомъ всего того, что онъ дѣлалъ въ сомнамбулизмѣ, не происходитъ такимъ образомъ отъ забвенія, а вълѣдствіе не участія его я въ его дѣйствіяхъ. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, имѣетъ ли это мнѣніе свое основаніе.

Принявъ доктрину (гипотетическую)! Luys'a, что различные слои кортикальной сѣрой субстанции имѣютъ различныя функціи, что самый верхній слой принадлежитъ чувствительности, средней—интеллектуальнымъ способностямъ, самый глубокій—передачѣ воли для дѣйствія, авторъ считаетъ нужнымъ вывести изъ этого, что активный сомнамбулизмъ физиологически вызывается нервнымъ параличемъ самаго верхняго слоя сѣраго вещества извилинъ, съ неизмѣнной дѣятельностью средняго и глубокаго слоевъ; но если средней слой одинаково парализованъ, то получается недѣятельный сомнамбулизмъ, который не проявляетъ никакой психической способности.

Въ очеркѣ доктора Ladame'a, изъ Женевы, опубликованномъ подъ заглавіемъ: *La Névrose hypnotique ou le Magnétisme dévoilé*, находится мастерски сдѣланное, ясное и полное изложеніе вопроса въ томъ видѣ, какимъ онъ въ ту эпоху представлялся. Скажемъ еще о появившемся въ 1883 г. сообщеніи Emille Jung'a, изъ Женевы, озаглавленномъ: *Le sommeil normal et le sommeil pathologique* (O. Doin, издатель).

Послѣ моего перваго напечатаннаго въ 1884 г. сообщенія, вслѣдъ за которымъ вскорѣ появился мемуаръ г. Liégeois: «Sur la Suggestion hypnotique dans les rapports avec le droit civil et criminel», вопросъ о гипнотизмѣ изучался и разбирался съ большою горячностью; появились новыя изслѣдованія. La Revue philosophique, Les Memoires de la société de Biologie содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ изслѣдованій. Назову только интересное изслѣдованіе г. Pitres'a^{*)}, фізіологическія и психологическія изслѣдованія г. Beaunis^{**}) и спеціальныя трактаты объ этомъ предметѣ доктора Bottey'a^{***}) и доктора Cullerre'a^{****}).

*) Pitres. Des Suggestions. Bordeaux, Feret et fils, 1884.

***) Beaunis, Du Somnambulisme provoqué. Paris J-B. Bailliére et fils 1886.

***) Bottey. Le Magnetisme animal. Paris. Plon et Nourit 1885.

****) Cullerre. Magnétisme et Hypnotisme. Paris J-B Bailliére et fils 1886.

Глава VIII.

Теоретическое соображение автора о толковании явлений внушения.—Автоматизмъ въ обыденной жизни, рефлекторные акты; автоматическіе, инстинктивные акты.—Автоматизмъ у ново-рожденныхъ и у взрослого.—Регуляторное вліяніе психическаго органа.—О чувственныхъ иллюзіяхъ, провѣряемыхъ психическимъ органомъ.—Опыты А. Маугу.—Гипнагогическія галлюцинаціи.—О вѣрованіи.—Чувственныя внушенія при посредствѣ подражанія.—Объ автоматическомъ повиновеніи.—Вліяніе идеи на дѣйствіе.—О доктринѣ Despine'a: прекращеніе состоянія сознанія.—Состояніе сознанія неизмѣнно существуетъ.—Повышеніе рефлекторной идео-двигательной, идео-чувствительной, идео-чувственной возбудимости.—Объ отрицательныхъ внушеніяхъ.—Запрещеніе.—О снѣ по внушенію, отъ усталости вѣкъ, отъ закрыванія глазъ, отъ слабого непрерывнаго монотоннаго впечатлѣнія. О внушеніи безъ сна.—Классификація Chambard'a различныхъ періодовъ гипнотическаго сна.—Возраженія.—Попытка объясненія латентныхъ воспоминаній и внушеній на долгій срокъ.

Нами установлено было, что возникающія во время гипнотическаго состоянія и состоянія бодрствованія явленія не обязаны магнетической флюидѣ, какому то истеченію, идущему отъ одного организма въ другой; но что все зависитъ отъ внушенія, т. е. отъ того вліянія, которое вызывается внушенной идеей и воспринимается мозгомъ.

Больше всего спящій поражаетъ своимъ автоматизмомъ: катамнезія ему внушается; придаваемое ему положеніе онъ сохраняетъ; задаваемые ему движенія онъ продолжаетъ; внушенныя его мозгу ощущенія онъ воспринимаетъ; представленные ему образы имъ реализируются и переносятся имъ вѣ.

На первый взглядъ кажется, что мы имѣемъ дѣло съ состояніемъ, совершенно отличнымъ отъ нормальнаго состоянія, съ состояніемъ противуестественнымъ, антифизиологич-

ческимъ. Человѣкъ въ состояніи бодрствованія видитъ только то, что видитъ; дѣлаетъ только то, что хочетъ; повинуется только своимъ самопроизвольнымъ, личнымъ внушеніямъ! Таково первое впечатлѣніе. А между тѣмъ, если поразмыслить немного, не преминешь убѣдиться, что противорѣчіе несовершенное. Природа законовъ своихъ не измѣняетъ; законы, управляющіе нормальнымъ организмомъ, управляютъ также организмомъ, экспериментально и патологически измѣненнымъ.

Въ нашей обыденной жизни многіе акты совершаются автоматически, безъ нашей воли или безъ нашего сознанія. Функции, свойственныя спинному мозгу, отправляются безъ нашего вѣдома: сложныя явленія растительной жизни, кровообращеніе, дыханіе, питаніе, отдѣленіе, выдѣленіе, движенія пищеваpительной трубы, химическая жизнь организма молчаливо совершаются механизмомъ, котораго мы не знаемъ. Извѣстно, что переданное чувствительнымъ первымъ висчатлѣніе можетъ отразиться черезъ сѣрыя рога спиннаго мозга, не проходя черезъ черепной мозгъ; движеніе можетъ слѣдовать за незамѣченнымъ впечатлѣніемъ или оцущеніемъ произвольно: это спинно-мозговой рефлeкторный актъ; это спинно-мозговой автоматизмъ, который завѣдуетъ этимъ движеніемъ. Щекотаніе подошвы ноги вызываетъ рефлeкторныя движенія, тогда какъ поврежденный спинной мозгъ не допускаетъ передачи раздраженій до черепнаго мозга; обезглавленная лягушка туловищемъ и своими четырьмя членами продолжаетъ выполнять соотвѣтственныя, приспособленныя, оборонительныя движенія: если каплю уксусной кислоты наложить на бедро въ верхней его части, то задняя конечность сгибается такимъ образомъ, что лапкой начинаетъ тереть раздраженное мѣсто; если область живота сдавить между ножками пинцета, лягушка конецъ соотвѣтственнаго задняго своего члена заноситъ за пинцетъ, упирается въ него пальцами этой конечности и старается, иной разъ въ нѣсколько пріемовъ, оттолкнуть его съ силою

(Vulpian). Здѣсь черепной мозгъ не принимаетъ участія; животнаго механизма, безсознательнаго самъ по себѣ, достаточно для выполненія этихъ сложныхъ актовъ, назначенныхъ для защиты организма отъ вѣшнихъ нападеній. Не то ли же самое замѣчаемъ мы у человѣка, когда, сильно поглощенный глубокимъ размышленіемъ, функціонально обезглавленный, какъ выражается Mathias Duval, онъ отгоняетъ съвшую на его руку муху, устрашаетъ докучающій ему предметъ, безъ всякаго о томъ сознанія, ничего о томъ не помня, однимъ только дѣйствіемъ простыхъ спинно-мозговыхъ рефлексовъ, вполнѣ координированныхъ.

Черепной мозгъ можетъ вмѣшаться для подачи перваго импульса; данный же актъ продолжается въ то время, когда мысль, воля заняты другимъ, по одному дѣйствію спинно-мозговаго автоматизма. Когда, во время нашей ходьбы, какія либо идеи развлекаютъ нашъ умъ, мы забываемъ, что ходимъ; путь продолжается по простому рефлексу; соприкосновенія подошвы нашей съ землею достаточно, чтобы путемъ центробѣжнымъ установить въ спинномъ мозгу явленія мускульной координаціи, съ помощью которыхъ этотъ актъ выполняется. Освобожденный этимъ автоматическимъ подчиненнымъ механизмомъ отъ работы—безпрестанно наблюдать за выполненіемъ этой сложной функціи, мозгъ нашъ въ полной свободѣ занять другими мыслями. Мы постоянно ходимъ машинально, такъ что мы можемъ миновать цѣль, назначенную волею, которая направляетъ первый нашъ шагъ, если воля, предоставившая насъ своимъ развлечениямъ, не вмѣшается, чтобы остановить данный импульсъ. Тоже самое наблюдается въ плаваніи, фехтованіи, въ верховой ѣздѣ, въ музыкѣ. Артистъ, выполняющій продолжительную музыкальную пьесу, часто погружается въ постороннія думы; мысль его уже болѣе не на музыкѣ; его пальцы все блуждаютъ по клавиатурѣ и механически продолжаютъ, подъ вліяніемъ спинно-мозговыхъ раздраженій, самопроизвольно складываться въ то

время, какъ разсѣянный черепной мозгъ этимъ болѣе не управляетъ.

Гораздо болѣе: то, что психическимъ органомъ забыто, можетъ быть найдено спинно-мозговымъ автоматизмомъ. Артистъ не помнитъ всѣхъ фразъ музыкальной композиціи; въ его умѣ существуютъ пробѣлы; онъ былъ бы неспособенъ докончить музыкальную пьесу по цепнымъ воспоминаціямъ его мозга; спинно-мозговая память дополняетъ, если я могу такъ выразиться, память черепно-мозговую: часто пальцы отыскиваютъ на клавиатурѣ трудное распредѣленіе клавишей и тоновъ, съ точностью ими выполняемое, когда нужныя для того движенія, такъ сказать, ассимилированы спиннымъ мозгомъ, благодаря частому ихъ повторенію, становятся механическимъ дѣйствіемъ.

Явленія автоматической дѣятельности первичныхъ центровъ могутъ быть *инстинктивныя*; по произвольной и бессознательной инициативѣ черепного и спинного мозговъ естественнымъ образомъ могутъ рсализироваться акты, которые никогда еще не совершались. «Наиболѣе замѣчательные изъ этихъ актовъ, говоритъ Prosper Despine^{*)}, тѣ, которыми вызываются выраженія фізіономіи, жесты, положенія тѣла, мимическія явленія, которые неизмѣнно соотвѣтствуютъ столь различнымъ и оттѣснымъ ощущеніямъ и которые выполнить всякій знаетъ, хотя выполненіе ихъ никогда не указывалось кѣмъ бы то нибыло. Къ этимъ актамъ относятся еще различные оттѣнки, которые принимаетъ голосъ въ этихъ обстоятельствахъ; качаніе головы въ тактъ ритму, которое нѣкоторые музыканты дѣлаютъ, когда играютъ и которое дѣлаютъ даже нѣкоторые изъ ихъ слушателей.

«Ненависть, гнѣвъ, надменность, коварство, удивленіе и пр. вызываютъ у каждаго испытывающаго ихъ индивида одни и тѣ же мускульныя сокращенія и вслѣдствіе этого одинаковое выраженіе; и это не только у человѣка, но и у

^{*)} Etude scientifique sur le somnambulisme Paris 1880.

животныхъ. Эти различные акты, выполняемые автоматическимъ механизмомъ извѣстныхъ нервныхъ центровъ, настолько предустановлены законами, что всегда являются идентичными у всѣхъ индивидовъ, подвергающихся однимъ и тѣмъ же возбуждающимъ причинамъ.»

«Другое проявленіе этой автоматической способности наблюдается въ жеманствѣ. Обыкновенно принимаютъ, что составляющія жеманство явленія желательны и изучаемы; въ этомъ заключается ошибка. Становятся жеманнымъ и манернымъ вслѣдствіе преувеличенной легкости, съ какой автоматическіе нервные органы сами собою слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ мысли. Смотри по малѣйшимъ испытываемымъ ощущеніямъ, голосъ принимаетъ тогда самые разнообразные оттѣнки, лицевые мускулы производятъ самыя подвижныя гримасы, члены и туловище волнуются на тысячу ладовъ. Способность эта, помогающая насмѣшекъ, особенно наблюдается у женщинъ.»

Къ этимъ инстинктивнымъ актамъ прибавимъ нѣкоторые движенія, которыя могутъ слѣдовать за полученными и чувствительнымъ воспріятыми впечатлѣніями и которыя тѣмъ не менѣе обязаны автоматической мозговой дѣятельности. Неприятный запахъ, заставляющій насъ сокротить ноздри; внезапный шумъ, заставляющій насъ отворачивать голову; направленное на насъ оружіе, заставляющее насъ прогнуть руку для его устранения: вотъ примѣры оборонительныхъ движеній, приспособленныхъ къ цѣли—устранять опасность или непріязненное впечатлѣніе. Обязательнымъ, слуховымъ, зрительнымъ центрами получено впечатлѣніе; но послѣднее получено, если могу такъ выразиться, въ сыромъ видѣ; оно не имѣло времени переработаться, истолковаться психическими центрами полушарій: оборонительное движеніе вышло безсознательнымъ, необдуманнымъ, произвольнымъ. Не въ нашей волѣ было его не дѣлать. Отъ чувствительнаго ядра продолговатаго мозга, гдѣ получено было

впечатлѣніе, или отъ чувствительнаго кортикальнаго центра, гдѣ оно воспринято было, мгновенно, прежде чѣмъ воля вліять успѣла, образовалась рефлексорная реакція къ соотвѣтствующимъ сложному движенію моторнымъ центрамъ для его выполненія въ инстинктивномъ, т. е. необдуманномъ интересѣ самосохраненія.

У животныхъ въ теченіи всего ихъ существованія, какъ это мастерски показалъ нашъ почтенный другъ, г. Netter, въ превосходной книгѣ, *) и у поворожденнаго дитяти церебро-спинальная дѣятельность почти всецѣло автоматическая; жизнь нервной системы въ нѣкоторомъ родѣ исключительно концентрирована въ продолговатомъ мозгу, спинномъ мозгу и его внутримозговыхъ продолженіяхъ. Произвольныя побужденія не существуютъ, а между тѣмъ весьма сложные акты, какъ сосаніе, выполняются однимъ только рефлексорнымъ механизмомъ спинно-мозговыхъ центровъ. Анатомія подтверждаетъ это наблюденіе: Parrot доказалъ, что мозгъ поворожденнаго желатинозной консистенціи, однообразнаго сѣраго окрашиванія, едва заключаетъ въ себѣ нѣсколько обрисовавшихся нервныхъ трубочекъ; возбудимыя части мозга, такъ называемый психомоторный поясъ, не существуютъ еще у человѣка и животныхъ, лишенныхъ произвольныхъ движеній (Soltman); бѣлое окрашиваніе, соотвѣтствующее законченной структурѣ нервныхъ трубочекъ (осевой цилиндръ прикрывается своимъ мѣдиновымъ влагалищемъ), появляется только позже; анатомически и фізіологически мозгъ находится въ эмбріональномъ состояніи. Только по истеченіи мѣсяца, субстанція затылочной доли начинаетъ бѣлѣть и около пятаго только мѣсяца переднія области начинаютъ развиваться; развитіе это заканчивается только около девятаго мѣсяца (Parrot).

Тогда сознаніе, воля, психическія способности мозга вступаютъ въ свою дѣятельность, развиваясь постепенно съ

*) L'homme et l'animal devant la méthode expérimentale Paris. 1883

возрастомъ и воспитаніемъ; автоматическая спинно-мозговая дѣятельность, одна только господствующая надъ организмомъ въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ, а у животныхъ преобладающая въ теченіи всей ихъ жизни, ассоцірована съ сознательной и рефлексорной дѣятельностью. Автоматическія явленія существуютъ всегда и находятся во всѣхъ актахъ жизни, иногда изолированныя, часто же управляемыя и измѣняемыя состояніемъ сознанія. Дитя дѣйствуетъ по первому своему побужденію (*prime-sautier*), инстинктивно, т. е. всецѣло предоставлено своему автоматизму; оно прыгаетъ, смѣется, кричитъ, гримасничаетъ, плачетъ, смотря по получаемымъ имъ впечатлѣніямъ; оно поетъ, когда знакомая арія пробуждаетъ въ немъ идею о пѣніи. Посмотрите на эту толпу молодыхъ школьниковъ: проходитъ полкъ съ барабаномъ и музыкой; радостной стаей устремляется она, точно двигаемая пружиной; смыкаетъ шаги, маршируетъ въ тактъ, фатально вовлеченная инстинктивнымъ внушеніемъ.

«Невозможно, говоритъ Gratiolet, увлечься живою идеей, чтобы тѣло не было въ униссонъ съ нею.» Мы сами, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, во всякомъ возрастѣ жизни, когда раздается веселая музыка, аккомпанируемъ и жестомъ и голосомъ; когда аккорды, перешедшіе въ вальсъ, раздаются въ ушахъ пѣкоторыхъ, то внушенная мозгу идея о танцѣ не стремится ли вызвать непроизвольно соотвѣтственные движенія тѣла и членовъ? Чувствуешь себя увлеченнымъ и въ мигъ отдался бы этому увлеченію, еслибы не состояніе сознанія, развитое воспитаніемъ; если бы не вниманіе за самимъ собою не явился умѣрителемъ, регуляторомъ, обуздывающимъ мозговой автоматизмъ, пробужденный чувственнымъ внушеніемъ. Всѣ акты нашей жизни, всѣ наши поступки, установленные воспитаніемъ и социальными условіями, не представляютъ ли собою результатъ вліянія, которому сознаніе наше, направляемое опытомъ, съумѣло наконецъ подчинить наши необдуманые инстинкты, нашу

животность? А дикія племена, не пребываютъ ли они, по правдѣ говоря, въ продолжительномъ дѣтствѣ, безъ удержа преданныи автоматизму нервной ихъ системы, который господствовать будетъ надъ ними до тѣхъ поръ, пока коснувшаяся ихъ цивилизація своимъ философскимъ воспитаніемъ или надлежащей религіей не создастъ въ ихъ зародышевыхъ мозгахъ состояніе новаго сознанія, регулятора ихъ инстинктивныхъ актовъ?

У наиболѣе просвѣщеннаго, наиболѣе привыкшаго владѣть собою человѣка случается часто, что полученное имъ впечатлѣніе переходитъ въ автоматическій актъ прежде, чѣмъ умѣряющее вліяніе сознанія успѣваетъ его предупредить. Солдаты, сильно обиженный начальникомъ, забывается и бьетъ его; этотъ путь дѣйствія мгновенно слѣдуетъ за полученнымъ впечатлѣніемъ: это рефлекторный актъ. Солдаты въ томъ раскаиваются, ибо его ожидаетъ жестокое наказаніе. Но разсудокъ приходитъ слишкомъ поздно: гнѣвъ слѣпъ и не разсуждаетъ.

Мозгъ, насколько онъ психическій органъ, вмѣшивается не только для умѣренія рефлекторной дѣятельности; онъ вмѣшивается также, чтобы исправлять, объяснять, проверять наши впечатлѣнія, когда послѣднія несовершенно переданы нашими чувствующими органами; когда меморативныя впечатлѣнія прямо возстановляются, какъ бы толчкомъ воспоминанія; когда впечатлѣнія внушены постороннимъ вліяніемъ. Дующій въ щелку вѣтеръ создаетъ слуховое представленіе тона; психическій органъ объясняетъ и возстановляетъ настоящую причину этого впечатлѣнія. Воображаемое видѣніе поражаетъ насъ во время нашихъ грѣзъ; сознаніе овладѣваетъ собою и возстановляетъ дѣйствительность: Не всѣ ли мы, вслѣдствіе несовершенства нашего сознательнаго бытія и чувственныхъ нашихъ впечатлѣній, подвержены иллюзіямъ и различнымъ внушеніямъ? То, что происходитъ во время грѣзы, когда притупленные наши чувства не про-

вѣряютъ уже безсвязно возникающихъ идей; когда самыя фантастическія вещи кажутся намъ дѣйствительными; когда мы вѣримъ всему, такъ какъ недостающее намъ сужденіе уже ничего не контролируетъ, случается также съ нѣкоторыми въ періодъ психическаго ихъ сосредоточенія, составляющемъ приготовленіе ко сну. Alfred Maugu произвелъ интересное изслѣдованіе этихъ явленій, которыя онъ имѣлъ возможность изучать надъ самимъ собою, будучи сильно подверженъ тѣмъ галлюцинаціямъ, которыя онъ называлъ гипнагогическими. «Галлюцинаціи мои, говоритъ онъ, являются болѣе многочисленными и особенно болѣе живыми, когда у меня бываетъ, что со мною часто случается, состояніе мозговаго прилива. Какъ только страдаю головною болью, какъ только испытываю нервныя боли въ глазахъ, ушахъ, носу, галлюцинаціи осаждаютъ меня, едва закрою вѣки. Когда по вечерамъ я предаюсь продолжительному труду, галлюцинаціи никогда не пропустятъ явиться. Проведши послѣдовательно два дня за довольно труднымъ греческимъ переводомъ, я увидѣлъ, едва легши въ постель, такое множество видѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ съ такою быстротою, что, охваченный настоящимъ страхомъ, я поднялся на своей постели, чтобы разсвѣять ихъ.

«Не является необходимымъ продолжительное отсутствіе вниманія для того, чтобы наступила гипнагогическая галлюцинація. Достаточно, чтобы это случилось на одну только секунду, даже быть можетъ меньше. Это я весьма часто констатировалъ надъ самимъ собою. Я легъ спать; по истеченіи нѣсколькихъ минутъ вниманіе мое, до этого возбужденное, стало успокаиваться; видѣнія тотчасъ предстали предъ моими закрытыми глазами. Появленіе этихъ галлюцинацій привело меня тогда въ себя и я снова принялъ направленіе своей мысли, чтобы вскорѣ затѣмъ впасть въ новыя видѣнія; это дѣлалось нѣсколько разъ подрядъ, пока наконецъ я совершенно не уснулъ. Однажды я

имѣлъ случай наблюдать эти странныя перемѣны. Я читалъ вслухъ одно путешествіе по Южной Россіи. Едва я прочелъ одинъ параграфъ, какъ инстинктивно закрылъ глаза. Въ одно изъ этихъ короткихъ мгновеній сонливости я гипнагогически, съ быстрою молніею, увидѣлъ человека, одѣтаго въ темное платье, въ капюшонѣ, какъ у монаха на картинахъ Zurbaran'a. Образъ этотъ тотчасъ мнѣ напомнилъ, что я закрылъ глаза и прекратилъ чтеніе; я вдругъ открылъ вѣки и снова продолжалъ читать. Прерывъ былъ столь коротокъ, что лицо, которому я читалъ, его даже не замѣтило, и пр..*)»

Кому не случалось имѣть эти болѣе или менѣе выраженные галлюцинаціи, когда вниманіе отвлекается отъ предметовъ, на которыхъ оно было сосредоточено; когда умъ, теряя свое самосознаніе, дѣлается игрушкой воображеніемъ вызванныхъ образовъ? Чуждый дѣйствительности, умъ всецѣло предается осаждающимъ его искусственнымъ впечатлѣніямъ до тѣхъ поръ, пока сознаніе, овладѣвши собою, не разсѣетъ этихъ грезъ, не уничтожитъ химеры и не возобновитъ дѣйствительности.

Наши ошибки, иллюзіи, галлюцинаціи не всѣ являются самопроизвольными, въ насъ самихъ рожденными, меморативными или послѣдовательными за извращеннымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ; они могутъ намъ быть внушены другими лицами; мозгъ нашъ воспринимаетъ ихъ по-рею безъ контроля.

Ибо, не обладаемъ ли мы всѣ, въ различной степени, извѣстнымъ вѣрованіемъ, которое допускаетъ насъ вѣрить въ то, что говорятъ намъ? «Вѣрованіе, говоритъ Durand, изъ Gros'a, которое теологи называютъ «вѣрой», дапо намъ для того, чтобы мы могли *вѣрить на слово*, не требуя рациональныхъ или вещественныхъ доказательствъ въ подтвер-

*) Le sommeil et les Rêves. Paris, 1878.

ждеіе. Это одна изъ наиболѣе важныхъ моральныхъ цѣпей: безъ нея нѣтъ воспитанія, нѣтъ преданій, нѣтъ исторіи, нѣтъ мирной сдѣлки, нѣтъ общественнаго условія; ибо, будучи свободнымъ отъ всякаго импульса этого чувства, всякое свидѣтельство было бы для насъ недѣйствительнымъ; а самыя горячія увѣренія лучшаго нашего друга, задыхающимся голосомъ извѣщающаго насъ, что домъ нашъ горитъ или что дитя наше тонетъ, встрѣтили бы насъ столь холодными, столь безучастными, какъ если бы насъ извѣстили о хорошей погодѣ или о томъ, что дождь идетъ. Душа наша оставалась бы неизмѣнной и невозмутимой въ своихъ предположеніяхъ и только одна очевидность могла бы насъ вывести изъ этого состоянія. Однимъ словомъ, *вѣрить* безъ *вѣры* было бы также трудно, какъ *видѣть* безъ *зрѣнія*; это было бы положительно невозможно*)».

Первое наше впечатлѣніе, когда намъ выражено увѣреніе, это вѣрить; дитя вѣритъ въ то, что ему говорятъ. Жизненный опытъ, привычка провѣрять ежедневныя ошибки, которыя хотятъ навязать намъ; вторая натура, которую общественное воспитаніе въ насъ вырабатываетъ, мало по малу ослабляютъ эту прирожденную вѣру, наивность дѣтскаго возраста. Эта вѣра въ извѣстной степени навсегда въ насъ остается, подобно всеѣмъ врожденнымъ человѣческой душѣ чувствамъ. Скажите кому: «У васъ на лбу оса»; онъ машинально поднесетъ къ нему руку; найдутся даже и такіе, которымъ покажется, что онъ чувствуютъ уколъ.

Идея можетъ родиться въ мозгу по подражанію и вызвать соотвѣтственное ощущеніе. Мы видимъ субъекта, который чешется; мысль о зудѣ, опасеніе, что на насъ перешло замѣченное на тѣлѣ сосѣда насѣкомое, достаточны бывають иной разъ, чтобы въ умѣ нашемъ вызвать *чувственное представленіе* зуда; мы испытываемъ потребность почесаться въ данномъ мѣстѣ тѣла; первый этотъ зудъ вну-

*) Philips, Cours thèorique et pratique de Braidisme, Paris, 1860.

шаетъ намъ второй въ другой части тѣла, которую мы опять чешемъ. При видѣ мочащагося человѣка у насъ является потребность опорожнить мочевой пузырь; зѣвота заразительна. Въ патологическихъ случаяхъ: нервныя судороги лица, нервный кашель, рвота и иной разъ, хорса, истерическія конвульсіи, порочныя привычки у дѣтей передаются подражаніемъ; ученикъ часто бессознательно заимствуетъ жесты, интонацію голоса, нѣкоторыя выраженія лица своего учителя.

Нѣкоторыя лица весьма воспримчивы къ этимъ внушеніямъ. Они обладаютъ легкимъ воображеніемъ, т. е. большою способностью запечатлѣвать въ своемъ умѣ психическій образъ внушеній, вызванныхъ словомъ, взглядомъ, касаніемъ, и этотъ образъ, перенесенный въ периферическіе нервы соответственныхъ органовъ, воспроизводитъ настоящее, столь живое ощущеніе, какъ еслибы оно имѣло объективную причину въ этихъ самыхъ органахъ, подобно, напримеръ, боли культи, передающейся въ несуществующій уже членъ. Таково можетъ быть вліяніе воображенія. «Когда я думаю, говоритъ Charignon, о кисломъ плодѣ, я представляю себѣ хрустящее подъ ножомъ или зубами разгрызаемое яблоко, ротъ мой овлажняется слюной и я испытываю почти столь же сильное ощущеніе, какъ еслибы настоящій предметъ былъ тому причиной».

Не обладаемъ ли мы еще извѣстнымъ мозговымъ послушаніемъ, заставляющимъ насъ повиноваться полученнымъ приказаніямъ? Приказываютъ ребелку ходить, онъ машинально поднимаетъ ногу. Скажите кому: «Закройте глаза», и много, безъ разсужденія, закроютъ ихъ. Сообщенная мозгу идея достаточна, чтобы автоматически, иной разъ даже противъ воли, выполнить соответственное движеніе. Хорошо извѣстный опытъ показываетъ вліяніе идеи на движеніе: на высотѣ лба я двумя пальцами держу за конецъ цѣпки, придѣтой къ вертикально висящимъ часамъ; послѣд-

дня качаются направо, налѣво, впередъ, назадъ, вертятся кругомъ, когда я получаю идею объ этихъ попеременныхъ движеніяхъ; какъ я ни вмѣшиваюсь волею, какъ ни стараюсь не думать о движеніи, которое моя рука придаетъ цѣпкѣ, но идея о движеніи оказывается достаточной для многихъ, чтобы послѣднее совершилось. Не та ли же самая исторія съ кружащимися столами, вскружившими столько головъ лѣтъ 30 тому назадъ? Каждый непроизвольно и безъ его вѣдома производитъ нѣкоторое движеніе; всѣ эти бессознательныя движенія накапливаются и въ конецъ увлекаютъ столъ.

Безъ сомнѣнія, если приказаніе намъ дано лицомъ, не имѣющимъ надъ нами власти, то произведенное впечатлѣніе слишкомъ слабо для того, чтобы мозгъ нашъ его автоматически выполнилъ, безъ своевременной его оцѣнки; нашъ разумъ разбираетъ, нашъ разумъ борется съ инстинктомъ пассивнаго повиновенія. Но, когда мозгъ нашъ, притупленный сонливостью или погруженный въ сновидѣнія, не принадлежитъ себѣ болѣе; когда не достающее или разсѣянное вниманіе не допускаетъ ужь контроля, тогда автоматизмъ полновластно царствуетъ: мы повинемся, не сознавая этого.

«Однажды вечеромъ, рассказываетъ Маугу, я засыпалъ въ своемъ креслѣ; до моего уха еще неопредѣленно доносились звуки; братъ мой возлѣ меня довольно громкимъ голосомъ произноситъ слѣдующія слова: «Возьмите спичку.» Свѣча только что потухла. Я прислушивался повидимому къ этимъ словамъ, но не догадался, что это произносилъ братъ, и въ грезѣ, бывшей тогда у меня, я себѣ вообразилъ, что отправился за спичкой. Пробужденный нѣсколькими мгновеньями спустя, мнѣ передали фразу брата. Я было уже забылъ, что слышалъ ее, хотя въ то время я на нее отвѣтилъ; отвѣтъ мой былъ совершенно машинальный. Однако, въ грезѣ, я полагалъ, что по моему собственному побужденію я ходилъ за спичкой; я и не подозрѣвалъ, что выполнялъ приказаніе».

Слѣдующее происшествіе, которое я передаю со словъ Chambard'a¹⁾), показываетъ, въ 'забавной формѣ, насколько часто повторяемый актъ связанъ съ внушенной идеей. «Въ то время, когда д-ръ Véron состоялъ директоромъ Оперы, онъ пригласилъ однажды вечеромъ на обѣдъ дѣвицъ кордебалета съ ихъ матерями. Послѣ обѣда съ большими возліаніями почтенныя матроны погрузились въ полный пѣгсонъ. Страпная и вполне достойная врача и умнаго человека идея овладѣла амфитріопомъ: «Cordon, S'il vous plaît!» вскричалъ онъ громовымъ голосомъ. И вотъ, спящія машинально, но съ полнымъ ансамблемъ, дѣлаютъ традиціонный жестъ, предательски выдавъ такимъ образомъ занятіе ихъ такой профессіей, отъ которой дочери ихъ покраснѣли и которой ни одна изъ нихъ не признала бы за нѣсколько до того мгновеній».

Этихъ соображеній, которыя развивать болѣе пространно мнѣ кажется бесполезнымъ, достаточно, чтобы показать, что нормальное фізіологическое состояніе представляетъ, въ рудиментарной степени, явленіе, аналогичное тѣмъ, которыя наблюдаются въ гипнотизмѣ; что природа сама себя не измѣняетъ; что въ нашемъ первомъ спино-мозговомъ аппаратѣ существуетъ извѣстный автоматизмъ, при посредствѣ котораго мы, безъ нашего вѣдома и помимо нашей воли, выполняемъ самые сложные акты, подчиняемся въ извѣстной степени выраженнымъ намъ приказаніямъ, сообщеннымъ намъ движеніямъ, внутреннимъ намъ чувственнымъ иллюзіямъ. Состояніе сознанія вмѣшивается для того, чтобы умѣрять или нейтрализовать автоматическую дѣятельность, чтобы исправлять или уничтожать ложныя впечатлѣнія, проицкія въ нервныя центры.

Уничтожьте созпательное состояніе, уничтожьте произвольную мозговую дѣятельность и вы получите сомнамбу-

¹⁾ Etude Symptomatologique sur le Somnambulisme. (Lyon medical, 283.

лизмъ. Таково мнѣніе Prosper'a Despine'a. «Сомнамбулизмъ, говоритъ этотъ авторъ, фізіологически характеризуется отпавленіемъ одной только автоматической дѣятельности мозга во время паралича его сознательной, обнаруживающей его я дѣятельности.»

По взгляду этого ученія, гипнотизированный ходитъ подобно тому, какъ плаваетъ обезглавленная лягушка; онъ безсознательный механизмъ во власти усыпителя: Я поднимаю ему руку, она остается поднятой пассивно, фиксированной въ приданномъ ей положеніи безъ того, чтобы личная его воля, которой уже нѣтъ у него, старалась привести ее на мѣсто. Я говорю: «Ваши руки вращаются, вы не можете уже остановить ихъ». Внутренняя идея о движеніи воспріята мозгомъ по внезапному побужденію и эта идея автоматически производитъ непрерывно продолжающееся движеніе; парализованное въ его дѣятельности я не можетъ приостановить то, что сдѣлалъ автоматизмъ, направляемый постороннимъ вліяніемъ.

Я говорю: «Вы чувствуете жаръ въ рукѣ», и проникшая въ мозгъ идея о жарѣ, допущенная безъ контроля, вызываетъ въ немъ меморативное ощущеніе «теплоты, которое центробѣжнымъ путемъ передается периферіи руки.

Я говорю: «Вы печальны»: грустные представленія возникаютъ въ мозгу его. «Вы веселы»: рождаются радостныя идеи. Я направляю по своему усмотрѣнію движенія ощущенія, акты, чувства загипнотизированнаго, который не имѣетъ уже личнаго сознанія, который безъ сопротивленія подчиняется измѣненіямъ общительной и интеллектуальной его жизни, которая воля моя, замѣщающая его отсутствующую, внушаетъ его мозгу.

Согласуется ли такимъ образомъ выраженное ученіе съ фактами? Вѣрно ли будетъ сказать вмѣстѣ съ Despine'омъ, что произвольная мозговая дѣятельность усыплена у загипноти-

зированной, что его я не причастно въ его актахъ? Я этого не думаю.

Въ первыхъ степеняхъ сна сознаніе и воля существуютъ; въ нашемъ изложеніи гипнотическихъ симптомовъ мы это констатировали. Такое то лицо, по загипнотизированіи, представляетъ вмѣсто всѣхъ явленій только закрытіе глазъ; оно говоритъ, отдаетъ себѣ во всемъ отчетъ, смѣется, съ полнымъ умомъ присутствуетъ при катаlepsis своихъ вѣкъ, рукъ, если таковая существуетъ; оно дѣлаетъ безплодныя усилія, чтобы открыть глаза, опустить руку; оно заявляетъ: «какъ ни стараюсь, а не могу этого сдѣлать». Интеллигентные субъекты отдаютъ себѣ отчетъ по пробужденіи во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ. «Я слышалъ все, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ; я имѣлъ сильное желаніе реагировать. Моя рука контрактурно была закрыта; я употреблялъ большія старанія открыть ее. Руки мои вращались одна вокругъ другой; я отыскивалъ способъ остановить ихъ; я приближалъ обѣ руки, прицпывая ихъ одну къ другой; мнѣ казалось, что я уже успѣлъ ихъ остановить окончательно, когда вдругъ, или по малѣйшему вашему слову, онѣ помимо моей воли отскакивали, точно пружина.» Я приставляю ему къ носу его палецъ и говорю: «Вы не можете уже его оторвать». Онъ пробуетъ это дѣлать; но, не будучи въ состояніи оторвать его прямо, онъ старается это сдѣлать, скользя пальцемъ сверху внизъ. Онъ начинаетъ достигать своей цѣли. Я говорю: «палецъ вашъ остается приклееннымъ», и тотчасъ палецъ поднимается вдоль носа и пристаеъ къ нему. Все это онъ испытываетъ при полномъ сознаніи причины и не можетъ ничего подѣлать.

«Незнаніе сомнамбулистомъ всего того, что дѣлалось имъ въ сомнамбулизмѣ, говоритъ Despine, не зависитъ отъ забвенія, а отъ не участія его я въ актахъ». Но я видѣлъ сомнамбулистовъ, которые по пробужденіи вспоминаютъ о своихъ дѣйствіяхъ; достаточно сказать имъ: «Вы все вспом-

ните, когда проснетесь», чтобы воспоминание это существовало. Достаточно сказать имъ при пробужденіи: «вы будете помнить все», чтобы возвратились всѣ воспоминанія сомнамбулическаго состоянія. Они, впрочемъ, сами во время своего сна свидѣтельствуютъ о совершенномъ сознаніи своего бытія; они отвѣчаютъ на задаваемые имъ вопросы; они знаютъ, что спятъ. Когда я говорю S..., что онъ находится на полѣ сраженія, онъ въ воспоминаніи вызываетъ тѣ сцены, на которыхъ онъ присутствовалъ; въ немъ совершается настоящая, активная, интеллектуальная работа; его идеи, сознательно возстановленные въ памяти воспоминанія становятся образами, отъ которыхъ онъ не можетъ оторваться. «Галлюцинація, говоритъ Lélut, есть превращеніе мысли въ ощущеніе.» Внушенія, которыя я произвожу въ состояніи бодрствованія, создаются у сознательнаго существа, знающаго, что онъ дѣлаетъ теперь; помнящаго, что онъ дѣлалъ раньше. Я вызываю галлюцинацію у Sch..., не усыпляя его; онъ обнаруживаетъ полное сознаніе своего я; внутренняя галлюцинація составляетъ единственную аномальную вещь, о которой свидѣтельствуетъ его мозгъ. Онъ уходитъ, приходитъ, разговариваетъ, произвольно и рефлекторно выполняетъ всѣ жизненные акты. Я произвелъ галлюцинатора, но не сдѣлалъ органическаго автомата.

Безъ сомнѣнія, у глубоко спящихъ сознаніе и воля ослаблены: чѣмъ глубже сонъ, тѣмъ менѣе воли у спящихъ, тѣмъ болѣе они послушны внушеніямъ; но этотъ глубокій сонъ, это ослабленіе воли и сознанія не составляютъ необходимость обнаруженія явленій внушенія. Это важное явленіе протекаетъ безспорно изъ предшествующаго ученія.

Единственно то достовѣрно, что у загнипотизированныхъ или впечатлительныхъ къ внушенію субъектовъ существуетъ особенное свойство превращать полученную или идею въ дѣйствіе. Въ нормальномъ состояніи всякая выраженная идея разбирается умомъ, который принимаетъ ее

только при ясныхъ тому доказательствахъ. Полученное кортикальными центрами впечатлѣніе распространяется, такъ сказать, по клѣточкамъ сосѣднихъ извилинъ; свойственная имъ дѣятельность приходитъ въ движеніе; различныя присущія сѣрой субстанціи мозга способности принимаютъ участіе; впечатлѣніе перерабатывается, провѣряется, анализируется сложной мозговой работой, ведущей къ принятію или отрицанію даннаго впечатлѣнія; психическій органъ, если надобно, противопоставляетъ приказанію свое veto. У гипнотика, наоборотъ, превращеніе идеи въ дѣйствие, въ ощущеніе, въ движеніе или образъ совершается столь живо, столь дѣятельно, что интеллектуальный контроль не успѣваетъ возникнуть; когда психическій органъ является съ своимъ вмѣшательствомъ, дѣло совершено уже, что онъ часто замѣчаетъ съ удивленіемъ и этимъ самымъ признаетъ фактъ дѣйствительно совершившагося; его вмѣшательство не можетъ ужъ ничему помѣшать. Если я говорю гипнотику: «рука ваша остается закрытой», мозгъ его реализируетъ идею тотчасъ, какъ она выражена. Отъ кортикальнаго центра, гдѣ эта идея, проведенная слуховымъ нервомъ, получена, происходитъ непосредственно рефлексъ къ моторному центру, соответствующему центральнымъ началамъ сгибающихъ руку нервовъ: произошло контрактурное сгибаніе. Итакъ, существуетъ *повышеніе идео-моторной рефлкторной возбудимости, производящей, безъ вѣдома воли, безсознательное превращеніе идеи въ движеніе.*

Тоже самое происходитъ, если я говорю загипнотизированному: »Вы чувствуете щекотаніе въ носу«. Проникшая при посредствѣ слуха идея отражается на центрѣ обонятельнаго чувства, гдѣ она пробуждаетъ памятный чувственный образъ покалыванія въ носу въ томъ видѣ, какъ его создали прежнія ощущенія, оставившія о немъ латентный слѣдъ; это памятное, такимъ образомъ пробужденное ощущеніе можетъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы

вызвать рефлекторный акт чиханія. Итакъ, здѣсь мы также имѣемъ *повышеніе рефлекторной идео-чувствительной или идео-чувственной возбудимости, которая производитъ безсознательное превращеніе идеи въ ощущение или въ чувственный образъ.*

Зрительныя, слуховыя, вкусовыя представленія точно также слѣдуютъ за внушенной идеей.

Болѣе трудно понять отрицательныя внушенія. Когда я говорю загнипнотизированному: «Тѣло ваше печувствительно, вашъ глазъ слѣпъ», впечатлѣніе, распространившееся при посредствѣ слуховаго нерва по центру тактильной или зрительной чувствительности, создаетъ представленіе тактильной или зрительной анестезіи. Кожные нервы получаютъ раздраженіе; слѣпчатая оболочка глаза получаетъ изображеніе; слѣпчатое зрѣніе существуетъ, свѣтъ сокращаетъ зрачекъ; но мозговаго воспріятія тактильнаго впечатлѣнія, слѣпчатаго изображенія не существуетъ уже. Кажется, что происходитъ *рефлекторный параличъ кортикальнаго центра*, который произвела въ данномъ случаѣ внушенная идея. Эти нервныя дѣйствія задержки хорошо впрочемъ извѣстны, если не совсѣмъ выяснены, въ физиологій и патологій: пневмогастрическое возбужденіе пріостанавливаетъ біеніе сердца; сильное душевное волненіе парализуетъ; глубокой травма тизмъ производитъ нечувствительность тѣла (хирургическіи ступоръ); дѣйствіемъ сильнаго впечатлѣнія рѣчь прекращается; у истеричныхъ проявляется внезапная функціональная слѣпота.

Организмъ владѣетъ динамическими механизмами, съ помощью которыхъ то или другое свойство или дѣятельность могутъ быть прекращены внезапно—это то, что Brown-Séguard называетъ *inhibition*; эти свойства или дѣятельности могутъ, наоборотъ, быть усилены—это то, что Brown-Séguard называетъ *dynamogénie*. «Эта прекращающая или силу придающая способность принадлежитъ къ числу свойствъ нервной

системы и можетъ быть приведена въ дѣйствіе либо прямымъ путемъ, либо актомъ рефлекса.» Какъ примѣръ прекращенія, Brown-Séguard приводитъ остановку сердечной дѣятельности подъ вліяніемъ раздраженія брюшныхъ симпатическихъ ганглій; остановку дыханія отъ раздраженія гортанныхъ нервовъ; прекращеніе жизненной дѣятельности или потерю сознанія отъ простаго укола въ продолговатый мозгъ, тогда какъ сердце продолжаетъ биться; рефлекторный амаврозъ вслѣдствіе поврежденія тройничнаго или другихъ нервовъ или частичнаго отдѣленія клиновидныхъ тѣлъ у кроликовъ*). Отрицательныя внушенія, о которыхъ мы говорили, относятся къ тому же порядку явленій.

Итакъ, механизмъ внушенія въ общемъ можетъ быть резюмированъ въ слѣдующей формулѣ: *наростаніе рефлекторной идео-двигательной, идео-чувствительной, идео-чувственной возбудимости*. Все равно, какъ посредствомъ извѣстныхъ вліяній, стрихнина на примѣръ, чувствительно-двигательная возбудимость нарастаетъ въ спинномъ мозгу до такой степени, что малѣйшее впечатлѣніе на периферическій нервъ немедленно переходитъ въ контрактуру, такъ что мозгъ-регуляторъ не можетъ предотвратить или помѣшать этому переходу; точно также и въ гипнотизмѣ идеорефлекторная возбудимость увеличивается въ мозгу до такой степени, что всякая полученная идея тотчасъ превращается въ актъ, такъ что усовершенствованный психическій органъ, верхній этажъ мозга, не можетъ помѣшать этому превращенію.

*) «Самый начальный актъ, говоритъ Brown-Séguard, съ помощью котораго индивидъ вводится въ гипнотизмъ, есть только раздраженіе периферическое (чувствъ или кожи) или центральное (подъ вліяніемъ идеи или душевнаго волненія), производящее уменьшеніе или увеличеніе силы въ извѣстныхъ точкахъ черепнаго, спиннаго мозговъ или въ другихъ частяхъ; а бреднямъ или гипнотизмъ есть ничто иное, какъ весьма сложное состояніе потери или увеличенія энергіи, въ которое нервная система и другія органы приведены подъ вліяніемъ перваго периферическаго или центральнаго раздраженія. Итакъ, существенно гипнотизмъ есть только слѣдствіе и совмѣстное вліяніе актовъ, психичннхъ и динамогеннхъ.» (Gazette hebdomadaire 1883 p. 137.)

Это только формула, я это знаю; я и не претендую на изложение теории. В психологической области причина и сущность явлений от нас ускользают. Какова она ни есть, эта формула, если я не ошибаюсь, служит по крайней мере к пониманию механизма, который строго разбираться умом не может. Все таки небольшой свет, мне кажется, проливается от этого теоретического соображения, как оно не совершенно: мы понимаем, что эти любопытные явления могут существовать нормально, в состоянии бодрствования, у некоторых субъектов, которые, вследствие особенного расположения их нервных центров, обладают более открытыми, более легкими путями для проведения внутри-мозговой рефлекторности и которые в то же время отличаются ослаблением состояния сознания, регулятора рефлекторного автоматизма. Известно также, что часто гипнотизировавшиеся могут вследствие привычки, т. е. частого повторения вызываемых явлений, получить увеличение этой идео-рефлекторной возбудимости; чаще проходимые пути представляют нервному току более легкой, более быстрый путь; впечатлительнее предпочтительно следует по этому пути даже в состоянии бодрствования; по этой причине субъекты, дрессированные и наученные прежними гипнотизациями, могут, не будучи вновь загипнотизированы, обнаруживать также самые явления, выполнять также самые акты под всецельным на них влиянием внушения.

Самый сон происходит от сознательного или бессознательного внушения. Тот, кто уверяет, что он уснет или которого в том словом или жестом уверяют, неподвижно установив свою мысль на идею о сне, мало по малу начинает чувствовать все его симптомы: тяжесть век, мутный взор, нечувствительность членов; он изолирует свои чувства, уходит от всех внешних впечатлений, глаза его закрываются. наступает сон.

Различные способы гипнотизаций отчасти действуют

путемъ внушенія: фиксированіе блестящаго предмета, содру-
жественное косогласіе глазъ, развивая усталость и онѣмѣніе
вѣкъ, наводятъ на идею о снѣ; закрываніе глазъ есть уже
приглашеніе спать. Рассказываютъ, что британскія женщѣ-
ны усыпляютъ своихъ грудныхъ дѣтей, привѣсивая къ
балдахину колыбели блестящій передъ ихъ глазами стекла-
ной шарикъ. Нѣкоторые для того, чтобы вызвать религиозный
экстазъ, по опыту обращаются къ этому внушенію при по-
средствѣ утомленія глазъ: таково созерцаніе воображаемой
точки въ пространствѣ или кончика своего носа индѣйскими
богомольцами или ханжами; созерцаніе своего пупа монаха-
ми Аѳонской горы (*omphalo-psychiens*). Прибавимъ, что мо-
нотонныя, слабыя, непрестанныя впечатлѣнія, производи-
мыя на какое нибудь чувство, вызываютъ у большей части
лицъ пзвѣстное интеллектуальное оцѣпенѣніе, прелюдію сна.
Мозгъ, всецѣло поглощаемый слабымъ, однообразнымъ, без-
престаннымъ впечатлѣніемъ, становится чуждымъ ко вся-
кому другому воспріятію; весьма слабо возбуждаемый онъ
цѣпенѣетъ. «Если умъ, говоритъ Cullen, занятъ однимъ
только ощущеніемъ, то скоро наступаетъ почти полное от-
сутствие впечатлѣній или, другими словами, состояніе, весьма
близкое ко сну».

Продолжительный, монотонный звукъ тамбуриновъ, въ
равномѣрный тактъ ударяемыхъ въ темнотѣ ночи, произ-
водитъ изступленный гипнотизмъ у Арабовъ пзъ секты Аіс-
саоиа. Впечатлѣніе, произведенное на слухъ непрерывнымъ
шумомъ волнъ, монотонной и медленной рѣчью, вызываетъ
сонливость. «Дитя черезъ слухъ гипнотизируется монотон-
ными пѣснями своей кормилицы; правильныя качанія ея
колыбели, сообщая ему длинный рядъ одинаковыхъ между
собою и отдѣленныхъ другъ отъ друга равными промежут-
ками сотрясеній, гипнотизируютъ его путемъ *мускульнаго*
чувства. Колдованіе съ его чарами (*carmina*), котораго про-
стой ритмъ и неизмѣнный шепотъ плѣняютъ ухо, ничего

не говоря уму, должно быть разсматриваемо, какъ особая форма бредизма, дѣйствующая на чувство слуха вмѣсто того, чтобы обратиться къ посредству зрѣнія». (Др. Philips).

Между произвольнымъ сномъ и сномъ вызваннымъ по сути нѣтъ никакой разницы; г. Liéblault весьма основательно установилъ этотъ фактъ. Единственное различіе заключается въ томъ, что произвольно спящій находится въ общеніи только съ самимъ собой; послѣдняя идея, занимавшая его при наступленіи сна; впечатлѣнія, которыя периферическіе чувствительные и чувствующие нервы продолжаютъ доносить его мозгу; возбужденія, имѣющія мѣсто въ его внутренностяхъ, становятся исходной точкой безсвязныхъ образовъ и впечатлѣній, составляющихъ грезы. Тѣ, которые отрицаютъ психическія явленія гипнотизма или которые допускаютъ ихъ только у нервныхъ, больныхъ темпераментовъ, подумали ли когда нибудь о томъ, что происходитъ въ нормальномъ снѣ, когда наиболѣе уровновѣшенный мозгъ уносится теченіемъ, когда способности диссоціируются, когда самыя причудливыя идеи, самыя фантастическія мысли навязываются? Бѣдный человѣческій разумъ исчезаетъ, самъ гордый умъ впадаетъ въ галлюцинацію и становится во время сна, т. е. въ теченіи трети своего существованія, игрушкой воображеніемъ вызванныхъ грезъ.

Въ искусственно вызванномъ снѣ идея усыпителя остается въ умѣ загипнотизированнаго, откуда для усыпителя является возможность привести въ дѣйствіе воображеніе субъекта, самому внушить ему грезы, самому направлять его акты, которые ужь не контролируются слабой или отсутствующей волей.

Благодаря также этому паретическому состоянію произвольной психической дѣятельности, служащей регуляторомъ спинно-мозгового автоматизма, послѣдній усиливается и беретъ перевѣсъ. Такимъ образомъ сонъ благоприятствуетъ производству явленій внушенія, уничтожая или ослабляя ре-

гуляторное вліяніе; но сонъ не составляетъ необходимое условие для производства внушеній; онъ самъ по себѣ, повторяю это, составляетъ уже явленіе внушенія. Нѣкоторые субъекты упорно сопротивляются идеѣ о снѣ, но прямо переходятъ къ каталептиформному закрыванію вѣкъ. У одной больной изъ моего отдѣленія я не вызываю сна, ни закрыванія вѣкъ; но закрываніе контрактурованной руки по простому увѣренію. Итакъ, гипнотизмъ не есть *обязательная* прелюдія внушенія; онъ облегчаетъ внушеніе, когда послѣднее можетъ быть вызвано; за всѣмъ тѣмъ другія внушенія могутъ иногда удаваться, когда даже внушеніе сна остается недѣйствительнымъ.

Въ началѣ этого изученія мы установили, что гипнотическое состояніе проявляется въ различныхъ степеняхъ. Это раздѣленіе на степени основано отчасти на соображеніяхъ Alfred'a Maugu относительно послѣдовательности приводящихъ къ фізіологическому сну явленій.

Сначала исчезаетъ зрѣніе; другія чувства, въ началѣ возбужденныя, перестаютъ функционировать послѣ; послѣднимъ исчезаетъ осязаніе.

Интеллектуальныя отправленія, дѣлаясь на короткое время болѣе дѣятельными, такъ какъ ихъ не развлекаютъ уже чувственныя впечатлѣнія, диссоціируются потомъ; первыми изъ нихъ исчезаютъ побуждающія и направляющія *координирующія* способности: воля, вниманіе, сужденіе, наконецъ память. Внушающія и увлекающія способности *воображенія*, одни только оставаясь въ теченіи извѣстнаго времени, дѣлаютъ мозгъ доступнымъ для грезъ, галлюцинацій и причудливыхъ впечатлѣній.

Временно одно только я бодрствуетъ надъ интеллектуальными способностями и усыпленными чувствами, затѣмъ вдругъ и оно исчезаетъ. Наступаетъ полный сонъ.

Опраясь на эти данныя, г. Chambard установилъ въ слѣдующемъ порядкѣ промежуточныя степени, начиная съ са-

мага полного сна до состоянія пробужденія.

Самую глубокую степень составляет *летаргія*. Она раньше всего овладѣваетъ загнипнотизированнымъ субъектомъ, который затѣмъ уже, пробуждаясь болѣе или менѣе совершенно, останавливается на одной изъ промежуточныхъ степеней.

1. Во время летаргіи субъектъ остается инертнымъ, безъ сознанія, безъ общенія съ вѣшнимъ міромъ: существуетъ одна только растительная жизнь.

Функции общенія возстановляются; сначала тѣ, которыя устанавливаютъ бессознательную связь между организмомъ и вѣшними впечатлѣніями—это *автоматизмъ*: всякое чувственное или чувствительное раздраженіе вызываетъ такія же простыя или сложныя движенія, какія оно вызывало бы въ состояніи бодрствованія, если бы координирующія способности не стали умѣрять или мѣшать ихъ проявленію.

2. Сначала идетъ *моторный автоматизмъ*, дающій мѣсто явленіямъ, которыя описаны Charcotъ подъ именемъ чрезмѣрной нервно-мышечной возбудимости. Когда черепной мозгъ функционально еще отсутствуетъ, эксцито-моторная рефлекторная дѣятельность увеличена, подобно тому, какъ это наблюдается у обезглавленной лягушки.

3. Когда эти бессознательныя или, по крайней мѣрѣ, мало сознательныя способности общенія становятся дѣятельнѣе; когда тактильное, слуховое, мускульное чувства постепенно пробуждаются, тогда получается *пассивный сомнамбулическій автоматизмъ*: субъектъ продолжаетъ заданныя ему движенія (*моторная инерція*); выполняетъ акты согласно чувствительнымъ или чувственнымъ впечатлѣніямъ (*моторное внушеніе*); воспроизводитъ членораздѣльные звуки, движенія, которые онъ слышитъ или видитъ (*автоматическое внушеніе*); исполняетъ приказанія (*автоматическое послушаніе*).

4. Память и способности воображенія въ свою очередь

пробуждаются, получается *активный соннамбулический автоматизм*: мозг, лишенный произвольности, поддается грезамъ, которыя отъ обыкновенныхъ грезъ разнятся безсознательнымъ характеромъ психо-моторныхъ и психо-чувственныхъ явленій: грезы, относящіяся къ перемѣнѣ мѣста, грезы профессиональныя, инстинктивныя и страстныя, (анамнестическія явленія воспоминанія); грезы интеллигентныя (во время которыхъ субъектъ выполняетъ умственные акты: пишетъ, играетъ и пр.); грезы внушенныя.

5. Координирующія способности несовершенно возста новляются; способности воображенія и инстинктивныя продолжаютъ господствовать и преобладать надъ первыми или надъ способностями разсудка—это *соннамбулическая жизнь*; субъектъ кажется пробужденнымъ, выполняетъ всѣ акты своего существованія; но ослабленная его воля, его возбужденное воображеніе дѣлають его воспріимчивымъ къ внушеніямъ, послушнымъ къ задаваемымъ ему актамъ.

6. Наконецъ, координирующія способности вновь во всей своей силѣ появляются; равновѣсіе возста новляется; пробужденіе получается полное.

Это остроумное соображеніе кажется мнѣ несогласнымъ съ фактами.

Изъ всѣхъ наблюденій, какъ это можно было видѣть изъ изложенія явленій, вытекаетъ, что активный соннамбулизмъ (активный соннамбулистическій автоматизмъ и соннамбулическая жизнь Chambard'a) предполагаетъ наиболѣе глубокое вліяніе, наиболѣе далекую степень гипноза, наиболѣе отдаленную отъ состоянія бодрствованія. Всѣ остальные, впрочемъ, явленія: моторный автоматизмъ, моторное внушеніе, автоматическія подражанія и повиновеніе появляются у активного соннамбулиста. Ежедневно гипнотизируемый одинъ и тотъ же субъектъ часто при первыхъ сеансахъ доходитъ только до моторнаго автоматизма и это благодаря только повтореннымъ гипнотизаціямъ, которыми мало по малу приоб-

рѣтается способность реализовать галлюцинаціи и внушенные грезы. Тогда только по пробужденіи существует амнезія, свидѣтельствуя о психическомъ измѣненіи, болѣе сильномъ, чѣмъ въ предыдущихъ періодахъ, когда субъектъ въ полномъ сознаніи причины присутствуетъ при своей каталепсисіи, сохраняя о ней ясную память.

Тѣ, которые представляютъ только моторный автоматизмъ, не являются впрочемъ чистыми автоматами; они слышатъ и по своему пробужденіи помнятъ, что слышали; часто они отвѣчаютъ на вопросы; они стараются сопротивляться внушеніямъ, борются противъ придаваемыхъ имъ положеній или движеній: сознание не уничтожено, воля существуетъ; но послѣдняя бессильна противъ повышенной автоматической дѣятельности.

Даже въ активномъ сомнамбулизмѣ психическія способности не погашены: сомнамбулизмъ также противится нѣкоторымъ внушеніямъ, отказывается выполнять нѣкоторые акты; онъ размышляетъ прежде, чѣмъ отвѣтить на извѣстные вопросы; онъ совершаетъ активную умственную работу. Впрочемъ акты, иллюзіи, post-гипнотическія галлюцинаціи, задаваемые во время гипноза, выполняются по пробужденіи, когда конечно сознание и координирующія способности вновь получили свою власть. Наконецъ, обнаруженіе этихъ самыхъ явленій у субъекта *compos sui*, удивляющагося тому, что не онъ можетъ бороться противъ господствующаго надъ нимъ автоматизма, этимъ весьма ясно показываетъ, что во всѣхъ степеняхъ гипноза сознание и воля могутъ существовать.

Что же касается до летаргій, т. е. полной инертности, въ которой организмъ сводится до растительной жизни, то этого не наблюдалъ я. Всѣ мои гипнотики, какъ бы инертными ни казались они, находились при посредствѣ нѣкоторыхъ чувствъ въ общеніи съ вѣншимъ міромъ; голосъ всегда служилъ достаточнымъ внушеніемъ для ихъ пробужденія.

Раздѣленіе гипнотическаго состоянія на степени, какое

я по Liébeault'у установилъ, кажется мнѣ болѣе согласнымъ съ данными наблюденія.

Самое слабое вліяніе выражается въ простомъ опѣвленіи съ закрываніемъ вѣкъ.

Если *внушимость* представляется въ большей степени, то раньше всего вліянію поддается моторная функція; выдающимися явленіями на сцену выступаютъ внушенная контрактура, автоматическія внушенныя движенія. Автоматическое повиновеніе, анестезія, чувственные иллюзіи и наконецъ вызываемыя галлюцинаціи отмѣчаютъ прогрессивный ходъ развитія этой внушимости, кульминаціонная точка которой устанавливается активнымъ сомнамбулизмомъ и сомнамбулической жизнью.

Я не буду дѣлать попытокъ глубже разбирать механизмъ всѣхъ гипнотическихъ явленій.

Между ними однако существуетъ одно особенно интересное явленіе, къ которому напрасно приложены были всѣ познанія психологін для полученія какого нибудь способа его объясненія; я говорю о трудномъ вопросѣ *внушеній на долгій срокъ*.

Попробуемъ, въ свою очередь, пролить небольшой свѣтъ на этотъ темный вопросъ.

Прежде чѣмъ приступить къ этому, я считаю нужнымъ высказать нѣкоторыя соображенія относительно *латентныхъ воспоминаній*.

Изученіе гипнотическихъ явленій дѣлаетъ очевидными латентныя воспоминанія, я не говорю о бессознательныхъ воспоминаніяхъ. Во время гипнотическаго сна впечатлѣнія доходятъ до мозга. Въ моментъ, когда субъектъ получаетъ эти впечатлѣнія, онъ это сознаетъ. По пробужденіи своемъ сознаніе это исчезаетъ. Воспоминаніе остается на время латентнымъ, подобно многимъ воспоминаніямъ, подобно всѣмъ воспоминаніямъ, которыя съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ и мыслимъ, спятъ въ нашемъ мозгу. Но эти скрытыя воспоминанія гипнотическаго состоянія могутъ быть пробуждены или произвольно пробуждаться подъ вліяніемъ нѣкото-

рыхъ моментовъ. Представимъ тому нѣсколько примѣровъ.

1. Однажды съ одной изъ моихъ сомнамбулистокъ снимають фотографію во время состоянія ея бодрствованія; затѣмъ она гипнотизируется и съ нея снова снимають фотографію въ различныхъ внушенныхъ ей во время этого состоянія положеніяхъ: гнѣва, ужаса, (при видѣ фиктивной змѣи), веселости (опьяненіе), презрѣнія (при видѣ издѣвающихся надъ ней студентовъ), экстаза. По пробужденіи она ничего не помнитъ. Нѣсколько дней спустя, загипнотизировавъ ее, я ей говорю: «По пробужденіи своемъ вы откроете находящуюся у вашего изголовья книгу и тамъ найдете свою фотографію». Только это я и сказалъ. По пробужденіи, она беретъ книгу, открываетъ ее и находитъ тамъ свою фотографію (фиктивную! ея тамъ не было), спрашиваетъ, можетъ ли она ее взять себѣ и отослать сыну своему. «Находите ли ее похожей»? говорю я ей. — «Весьма похожа, но у меня здѣсь немного печальный видъ». — «Ну, говорю я ей, поверните страницу.» Она поворачиваетъ страницу и узнаетъ свою фотографію (фиктивную) въ положеніи гнѣва — «Поворачивайте дальше». — И, продолжая послѣдовательно поворачивать страницы, она узнаетъ свои различныя фотографіи съ такою ясностью, какъ если бы онѣ дѣйствительно существовали, въ своихъ различныхъ положеніяхъ: ужаса, веселости, презрѣнія, экстаза. Она съ совершенной точностью описываетъ мнѣ каждое изъ этихъ положеній въ томъ видѣ, какъ она ихъ видитъ, какъ она ихъ принимала во время своего сна, нисколько не помня, ни чтобы эти положенія ей были приданы, ни соответствующаго каждому изъ нихъ внушенія. Она кажется весьма удивленной моимъ заявленіемъ, что эти положенія ей были сообщены во время ея сна. Такимъ образомъ латентная память о выполненныхъ ею дѣйствіяхъ во время сомнамбулизма, пробуждена была нѣкотораго рода идео-памятной ассоціаціей.

2. Я произвожу у усыпленного сомнамбулиста внушительные явления трансферта: я привожу, например, его левую руку в катаlepsию в горизонтальном положении; приближая к другой руке стетоскоп, я говорю, что катаlepsия перейдет на другую сторону. По прошествии одной минуты, рука эта помещается горизонтально, тогда как левая рука опускается инертной. Если я приближаю стетоскоп к левой руке, эта последняя принимает горизонтальное положение, а другая опускается и т. д. Я могу также произвести torticollis, паралич, внушительную контрактуру и перенести их с одной стороны на другую одной только внушительной идеей субъекту, что стетоскоп вызывает это явление. Замечательная вещь: по пробуждении своем субъект ничего не помнит, а между тем, если я одну его руку поднимаю горизонтально, а к другой приближаю стетоскоп, явление трансферта совершается. Torticollis, параличи, контрактуры точно также передаются, к великому изумлению субъекта, не знающего, как это совершается, не помнящего, что эти самые явления вызваны были во время его сна. Он их произвольно выполняет в состоянии бодрствования: прибавляю, что я ему в гипнотическом состоянии не внушал, что эти явления должны совершиться, когда он проснется. Также во время его сна я говорю ему: «Если я коснусь вашего лба, вы разразитесь смехом; если коснусь вашего затылка, вы чихнете; если коснусь правой стороны вашей головы, левая ваша рука начнет конвульсивно подергиваться». Получив эти явления внушением, он пробуждается. И, ничего не говоря ему, я касаюсь его лба: он смеется; касаюсь затылка: он чихает; касаюсь правого темени: его левая рука производит конвульсивные движения. Память о внушенном во время сна рефлекс существует, без его ведома, во время состояния бодрствования. Эти опыты я с успехом произвожу над довольно большим числом субъектов.

3. Мною замѣчено было, что нѣкоторые сомнамбулисты, дѣлаясь нечувствительными къ боли во время своего сна, становятся также, послѣ извѣстнаго числа сеансовъ, анагестичными въ состояніи бодрствованія; можно колоть ихъ булавкой и они не обнаруживаютъ никакого болѣзненнаго ощущенія. Въ этихъ случаяхъ дѣло, быть можетъ, идетъ о явленіи подобнаго же рода: о внушенной латентной памяти аналгезіи.

4. Вотъ другое, еще никѣмъ не указанное, насколько мнѣ извѣстно, явленіе, представляющее интересъ для психологовъ. Сомнамбулистъ усыпленъ; я къ нему говорю, заставляю и его говорить; я заставляю его работать; я даю ему галлюцинаціи. По истеченіи получаса, самое большее часа, я пробуждаю его; онъ абсолютно ничего не помнитъ и никогда ничего не вспомнитъ самопроизвольно. Но нѣтъ ничего легче, какъ вызвать у всякаго сомнамбулиста воспоминаніе о всѣхъ прошедшихъ во время его сна впечатлѣніяхъ, и *этотъ опытъ съ успѣхомъ удается у всѣхъ сомнамбулистовъ*. Достаточно для этого мнѣ сказать субъекту: «Вы будете помнить все, что происходило; все, что дѣлали вы во время своего сна». Въ случаѣ необходимости я приставляю руку къ его лбу, чтобы сосредоточить его вниманіе; онъ мгновенно собирается мыслями, *не засыпая*, и всѣ скрытыя воспоминанія восстанавливаются съ большою точностью: онъ повторяетъ мои слова, свои, послѣдовательно передаетъ свои дѣйствія, жесты, свои галлюцинаціи; ничто не забыто. Я простымъ увѣреніемъ пробудилъ въ немъ скрытыя воспоминанія.

Установивъ эти явленія, постараемся прежде, чѣмъ идти дальше, объяснить, если это возможно, механизмъ амнезій или отсутствія воспоминанія по пробужденіи изъ глубокаго сна.

Въ состояніи бодрствованія, мы развивали эту мысль выше (стр. 151 и слѣдующ.), дѣятельная и мысля-

щая часть мозга — назовемъ ее для опредѣленности мысли, но не связывая съ этимъ выраженіемъ точнаго анатомическаго обозначенія, верхнимъ этажемъ мозга — эта часть, говорю я, вмѣшивается и контролируетъ; она умѣряетъ или ослабляетъ воображающую или автоматическую часть; послѣднюю назовемъ нижнимъ этажемъ мозга. Во время сна влияние это прекращается: верхній этажъ мозга находится въ оцѣпенѣнн; мозговая дѣятельность сосредоточена на центрахъ воображенія и на автоматическихъ центрахъ; иначе говоря, интеллектуальный контроль уменьшенъ.

Итакъ, если мы вмѣстѣ съ Dupand'омъ, изъ Gros'a, и Lièbeault'омъ допустимъ, что во время сна вся или почти вся мозговая дѣятельность, вся нервная сила, если этого хотять, отсутствующая въ верхнемъ этажѣ (способности контроля), сконцентрирована въ нижнемъ этажѣ (автоматическіе центры), то что изъ этого произойдетъ? Что все въ время этого сна вызванныя внушенія, мысли, движенія, ощущенія, образы, все вызванныя впечатлѣнія создаются всей этой сконцентрированной и увеличенной нервной силой.

Что произойдетъ по пробужденіи? Субъектъ вновь имѣетъ полную власть надъ собою. Сконцентрированная нервная дѣятельность снова разливается по всему верхнему этажу мозга и по периферіи. Тогда все воспріятыя во время сна впечатлѣнія точно испаряются, потому что, выполненныя при большомъ количествѣ нервной силы, перваго свѣта, да позволено мнѣ будетъ это сравненіе, они ужъ недостаточно освѣщены, когда свѣтъ этотъ перестаетъ на нихъ собираться, чтобы быть узнаны; они скрыты, подобно мало освѣщенному изображенію.

Посмотрите на эту сомнамбулистку; она ходитъ туда и назадъ, повинуется приказаніямъ, бесѣдуетъ, она въ полномъ своемъ сознаніи, она работаетъ. Поглядѣться можно, что она бодрствуетъ. Послѣ получасовой дѣятельной бесѣды я вдругъ ей говорю: «Проснитесь»: она еще заявляетъ, что пробудилась

Она уже ничего не помнитъ, рѣшительно ничего. Странное явленіе! Все испарилось. Нервный токъ, сконцентрированный на известныхъ частяхъ мозга, разсѣялся повсюду; иначе распредѣленный свѣтъ не освѣщаетъ уже предъидущихъ впечатлѣній: существуетъ новое состояніе сознанія. Я снова ввожу сомнамбулистку въ ея сонъ; появляется вновь прежнее состояніе нервной концентраціи и вмѣстѣ съ нею прежнее состояніе сознанія: погасшія впечатлѣнія оживаютъ, латентныя воспоминанія возстановляются.

Удивляются той легкости, съ какою нѣкоторые субъекты переходятъ такимъ образомъ изъ одного состоянія сознанія въ другое. Я просто закрываю имъ глаза и говорю имъ: «Какъ тебя зовутъ?»—«Paul Dugand».—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—«Мнѣ 13 лѣтъ».—«Не боленъ ли ты?»—«Нѣтъ, я ничѣмъ не боленъ».—«Ходишь ли ты въ школу? Чему ты тамъ учишься?»—«Я учусь вычисленію, исторіи, французскому и пр.»—«Проснись» Дитя просыпается. «Что такое я говорилъ тебѣ?»—«Вы мнѣ ничего не говорили».—«Какъ? я говорилъ съ тобою, ты не слыхалъ?»—«Я ничего не слыхалъ. Вы ничего мнѣ не говорили?»—«Закрой глаза». Онъ закрываетъ глаза. «Что такое я сейчасъ тебѣ говорилъ?»—«Вы спрашивали мое имя, сколько мнѣ лѣтъ, не боленъ ли я, чему я учусь въ школѣ?»—«Что же ты отвѣтилъ?»—«Я сказалъ, что меня зовутъ Paul Dugand, что мнѣ 13 лѣтъ, что я не боленъ, что я учусь вычисленію, исторіи, французскому».—«Открой глаза». Онъ ихъ открываетъ. «Что ты только что мнѣ сказалъ?»—«Я ничего вамъ не говорилъ». Этотъ опытъ я часто повторялъ надъ многими субъектами, особенно надъ дѣтьми.

Простое закрываніе глазъ для многихъ достаточно, чтобы вызвать у нихъ новое состояніе сознанія. Мозгъ, не получая ужъ болѣе впечатлѣній отъ вещественныхъ предметовъ, на которые вниманіе направлено было, впадаетъ въ пассивное состояніе; субъектъ, не смотрящій своими глаза-

ми, не смотреть уже, если могу такъ выразиться, своимъ мозгомъ. Нервная дѣятельность оставляетъ высшіе центры вниманія и концентрируется на автоматическихъ центрахъ; новыя впечатлѣнія, вызванныя въ этой средѣ, гдѣ мозговой токъ иначе распредѣляется, точно попадаютъ въ область спеціальнаго сознанія. Глаза открыты, субъектъ смотритъ; когда вещественные образы поражаютъ мозгъ и вызываютъ его нервную дѣятельность наружу, психическое сосредоточеніе прекращается; центры, получившіе впечатлѣніе при увеличенной нервной силѣ, содержатъ ее въ себѣ въ меньшемъ уже количествѣ; состояніе сознанія измѣнено, впечатлѣніе угасло, чтобы возстановиться, если даже состояніе сосредоточенія возобновляется простымъ закрываніемъ глазъ.

Явленіе подобнаго же рода совершается съ нами инстинктивно. Когда мы желаемъ вызвать воспоминаніе или создать въ себѣ глубокое впечатлѣніе, врѣзать его въ нашу память такъ, чтобы оно могло быть пробуждено въ данный моментъ, то какъ поступаемъ мы? Мы сосредоточиваемся; мы закрываемъ глаза; мы защищаемъ чувствительное (sensory) отъ всякаго другаго впечатлѣнія; такимъ образомъ мы вызываемъ латентное воспоминаніе или же глубоко врѣзываемъ желаемое впечатлѣніе. Последнее скоро разсѣивается, когда мозговая дѣятельность снова распространяется по большому числу предметовъ, по всей нервной периферіи; но оно легко возстановляется, если мозговая дѣятельность сконцентрируется. Воспоминаніе выигрываетъ, такъ сказать, въ глубинѣ, въ ясности, что теряетъ въ продолжительности.

Не потому ли также воспоминанія дѣтства, попадающія въ мозгъ болѣе молодой, болѣе впечатлительный, болѣе довѣрчивый, менѣе озабоченный сложными идеями, который легче сосредоточивается, въ которомъ преобладаютъ явленія автоматической дѣятельности, эти воспоминанія врѣзываются глубже и вызываются легче. Въ старости, когда память слабѣетъ, воспоминанія дѣтства существуютъ постоянно, воз-

становляются промежутками и никогда совершенно не исчезают, тогда какъ впечатлѣнія зрѣлаго возраста, даже когда они долго существовали, стираются часто безвозвратно. Прибавимъ, что почти всѣ дѣти способны къ гипнотизаціи, а число способныхъ впасть въ сомнамбулизмъ между ними гораздо значительнѣе числа взрослыхъ: въ три раза болѣе по Liébeault'у.

Гипнотическое состояніе не представляетъ собою состояніе аномальное, оно не создаетъ ни новыхъ способностей, ни необыкновенныхъ явленій, оно развиваетъ то, что происходитъ въ состояніи бодрствованія; оно, благодаря новому психическому свойству, усиливаетъ нормальную внушимость, которой мы всѣ въ известной степени обладаемъ: наше психическое состояніе измѣнено такимъ образомъ, что оно съ большей ясностью и точностью реализируетъ образы и вызванныя впечатлѣнія.

Когда, погруженные въ свои грезы, наша мозговая дѣятельность сосредоточивается на воспоминаніяхъ, старыя впечатлѣнія возстановляются, старые образы оживаютъ передъ нашимъ глазами, часто столь ясныя, какъ дѣйствительность, мы остаемся поглощенными въ созерцаніи прошедшаго, мы оживляемъ протекающую жизнь, мы грезимъ, уходя въ самихъ себя. Если тогда—а съ кѣмъ это не случалось?—сильное чувственное возбужденіе, неожиданный шумъ, голосъ друга приводитъ насъ въ себя и отрываетъ отъ созерцательной жизни, настоящей галлюцинаціи въ состояніи бодрствованія мы приходимъ въ себя, наша психическая дѣятельность снова разсѣивается, наши воспоминанія тотчасъ исчезаютъ: мы не можемъ уже вспомнить о предметѣ своихъ пассивныхъ грезъ. Точно также, если сосредоточиваніе вмѣсто того, чтобы быть направлено на воспоминаніе образа, обращено будетъ на идею, занимающую умъ нашъ, мы не съумѣемъ въ этомъ случаѣ вспомнить предметъ нашихъ отвлеченныхъ размышленій. Не произошло ли въ насъ въ данномъ случаѣ самопроизвольно и безъ нашего вѣдома состояніе, подоб-

ное вызванному гипнотическому состоянію: тоже повышеніе способностей воображенія, тоже поглощеніе ума идеей, часто таже нечувствительность, часто таже амнезія по возвращеніи въ себя? Солдаты, который въ пылу сраженія не чувствует своей раны; Архимедъ, умерщвленный въ то время, какъ онъ, чуждый всего, обдумывалъ отвлеченныя задачи, не служатъ ли здѣсь примѣрами нервнаго сосредоточиванія на одной идеѣ, на одномъ душевномъ волненіи, подобно тому, что производитъ гипнотизмъ; и не все ли мы часто и безъ нашего вѣдома находимся въ аналогичномъ состояніи?

Быть можетъ, что въ дѣйствительности не существуетъ ни одного, ни двухъ состояній сознанія, но несомнѣнно существуютъ состоянія, безконечно различныя. Между состояніемъ совершеннаго бодрствованія и состояніемъ полнаго сосредоточиванія, устанавливающаго сомнамбулизмъ, существуютъ всевозможные варианты. Мозгъ нашъ усѣянъ воспоминаніями, собравшимися въ немъ съ дѣтства; все эти воспоминанія латентны, ибо, если бы все были пробуждены, произошелъ бы въ нашемъ умѣ настоящій хаосъ; но каждое изъ этихъ воспоминаній можетъ возстановиться тогда, когда вновь наступаетъ то самое состояніе сознанія, которое его произвело.

Вникнувъ хорошо въ эти данныя наблюденія, легко будетъ понять тѣ идеи, которыя я сейчасъ представляю для истолкованія внушеній на долгій срокъ. Нѣкоторые сомнамбулисты имѣютъ способность реализовать сдѣланное имъ во время сомнамбулическаго состоянія внушеніе въ указанные день и часъ, черезъ нѣсколько недѣль и даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ внушенія. Воспоминаніе о данномъ приказаніи, латентное повидимому въ теченіи этого длиннаго промежутка, возстановляется съ математическою точностью въ назначенный моментъ и субъектъ выполняетъ актъ или реализируетъ заданную галлюцинацію, не зная ихъ происхожденія.

Не было сдѣлано никакой попытки, какъ мнѣ извѣстно,

для объясненія этого страннаго явленія несомнѣнной дѣйствительности. Одни, не умѣя его объяснить, отрицали его, упорно отказываясь признать очевидность фактовъ; другіе, подобно тому аббату, который въ *Univers* писалъ о гипнотическихъ явленіяхъ, не находя никакого подходящаго объясненія, рассматривали его какъ явленіе сверхъестественное: изъ преисподней де является злой духъ для оказанія помощи оператору. Однимъ въ этомъ случаѣ не доставало научнаго знанія; другіе грѣшили отсутствіемъ скромности и смиренія. Отрицать то, что для насъ непонятно; призывать Бога или черта для объясненія того, чего постигнуть не можетъ бѣдный человѣческій умъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой умственной способности, сильному уму не свойственной. Передача при посредствѣ нити или вибрирующей пластинки человѣческаго членораздѣльнаго голоса съ его тембромъ и глбкостью представляетъ собою явленіе чудесное, которое мы скорѣе признаемъ, чѣмъ объяснимъ. Задачи безконечнаго, безначальнаго вѣчнаго, безграничнаго пространства является для нашей человѣческой мыслительной способности загадкой, никакого разрѣшенія которой мы не можемъ постигнуть, и однако это разрѣшеніе существуетъ. Всѣ явленія психическаго порядка относятся къ тайнамъ, механизмъ которыхъ отъ насъ скрытъ и которыя тѣмъ не менѣе совершаются. Останемся же покорны чувству нашей недостаточности и откажемся переступить границы нашего понятія

Если я рѣшаюсь представить здѣсь попытку толкованія или, по крайней мѣрѣ, высказать нѣкоторыя мысли, которыя могли бы служить къ уясненію указываемаго мною явленія, то не значить, что я претендую на разрѣшеніе вопроса: мое соображеніе быть можетъ и не представляетъ собою истины. Въ крайнемъ случаѣ покажу, что нѣкоторое толкованіе явленія возможно и освобожу такимъ образомъ этотъ вопросъ отъ той кажущейся таинственности и сверхъестественности, которая противорѣчитъ всякому научному смыслу.

Можно ли внушенія на долгій срокъ объяснять органическимъ измѣненіемъ, происходящимъ въ нервной субстанціи, составляющей субстратъ психическихъ явленій? Скажутъ ли, что въ гипнотическомъ состояннн мозгъ имѣетъ свойство получать отпечатокъ отъ внушенной идеи и подвергнуться измѣненію, аналогичному той модификаціи пружиннаго механизма, который заводится или натягивается такимъ образомъ, чтобы совершить свой ходъ въ данный моментъ, подобно будильнику, устанавливаемому для звона въ назначенный часъ? Это соображеніе, мнѣ кажется, не основано ни на какомъ извѣстномъ анатомическомъ или фізіологическомъ данномъ.

Какъ доказательство этого сравненія психическаго аппарата, служащаго мѣстомъ для памяти, съ будильникомъ можно бы вывести изъ того обстоятельства, что многія лица могутъ пробуждаться въ часъ, который они прежде, чѣмъ уснуть, себѣ назначили. Мозгъ де обладаетъ свойствомъ предустановлять свой сонъ на различное и имъ назначенное число часовъ.

Объясненіе по моему тутъ другое. Человѣкъ, засыпающій съ идеей проснуться въ назначенный часъ, продолжаетъ во время своего сна имѣть ту же идею; ибо естественный сонъ точно такъ же, какъ и вызываемый сонъ, не влечетъ за собою ни прекращенія мысли, ни сознанія; мы сохраняемъ сознаніе о себѣ во время сна: мы мыслимъ, грезимъ, работаемъ. Многія лица говорятъ во снѣ, отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы. Часто случается мнѣ, встрѣтивъ въ моемъ клиническомъ отдѣленіи естественно спящаго больного, говорить ему: «Не просыпайтесь, продолжайте спать.» Я затѣмъ поднимаю его руки въ воздухъ, они въ немъ пассивно остаются въ внушенной каталепснн. Я даю ему внушеніе на время пробужденія. Онъ его выполняетъ, ничего не помня, не зная, что я ему говорилъ. Генераль Noizet и г. Liébeault описали тоже самое явленіе.

Естественный сонъ перешелъ въ сонъ гипнотическій или, лучше говоря, я привелъ его въ общеніе со мною; ибо, на мой взглядъ, естественный сонъ ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не различается отъ вызываемаго сна; естественный сонъ можно такъ же эксплуатировать, какъ эксплуатируютъ гипнотическій сонъ. Одинъ изъ моихъ больныхъ, человѣкъ интеллигентный, котораго я усыплялъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, доходилъ только до третьей степени, т. е. когда можно было вызвать у него катаlepsію, контрактуру, автоматическія движенія, но ни анестезію, ни галлюцинаторныхъ внушеній, ни амнезію по пробужденіи. Онъ помнилъ все, что дѣлалось, что говорилось во время его сна. Однажды онъ сообщилъ мнѣ, что, когда онъ спалъ въ одной кровати съ своимъ братомъ въ домѣ родителей, братъ его имѣлъ обыкновеніе говорить къ нему во время его сна и что онъ давалъ брату отвѣты, ничего по пробужденіи своемъ не помня; такъ что, присовокупилъ онъ мнѣ, когда братъ хотѣлъ получить отъ него свѣденія, которые дать ему онъ не хотѣлъ, братъ, такъ сказать, исторгалъ ихъ у него во время его сна.

Тогда я ему сказалъ: «Если вы можете такимъ образомъ говорить во время естественнаго сна, ничего о томъ не помня по пробужденіи, то должно быть возможнымъ, чтобы я васъ искусственно усыпилъ такимъ же образомъ», и я внушаю ему спать, какъ въ нормальномъ снѣ, безъ воспоминанія по пробужденіи. И дѣйствительно, съ этого момента я получаю у него глубокій сонъ съ амнезіей, анестезіей, внушенными гипнотическими и post-гипнотическими галлюцинаціями. Въ общемъ же, всѣ говорящія и отвѣчающія во время своего сна субъекты способны искусственно впасть въ сомнамбулизмъ.

Сонъ, будь онъ, искусственный или произвольный, не влечетъ за собою, повторяю, прекращенія интеллектуальныхъ способностей. Это только другое, чѣмъ во время бодрѣ

ствования, мозговое состояніе, которое трудно опредѣлить, изученіе котораго лежитъ на обязанности фізіологовъ, въ которомъ преобладаютъ явленія автоматической дѣятельности, но въ которомъ также такъ называемыя способности разсудка или разсужденія могутъ пробуждаться и сосредоточиваться на спеціальному предмету или на извѣстномъ порядкѣ идей. Господствующимъ моментомъ, кажется, является сосредоточиваніе, фиксація первой дѣятельности на избранномъ явленіи, образѣ или идеѣ, вызванныхъ или внушенныхъ; это сосредоточиваніе, впрочемъ, можетъ происходить послѣдовательно на различныхъ предметахъ; сложныя грезы слѣдуютъ другъ за другомъ у спящихъ; сложныя и различныя внушенія сообщаются сомнамбуламъ, которые ихъ мгновенно выполняютъ. Нервное сосредоточиваніе мѣняетъ предметъ свой по волѣ гипнотизатора; нервный очагъ мѣняетъ свое мѣсто, если могу выразиться такимъ образомъ, по всякій разъ сохраняя всю свою концепцію.

Не развивая дальше этотъ взглядъ, который я представляю психологамъ, удовольствуемся знаніемъ того, что во время нашего сна мозгъ можетъ продолжать думать, работать; но онъ не работаетъ безъ нашего вѣдома; мы имѣемъ о томъ сознаніе, какъ сомнамбулистъ сознаетъ то, что онъ дѣлаетъ; только это *другое состояніе сознанія*, потому что нервная дѣятельность распределяется иначе, чѣмъ въ состояніи бодрствования; она сосредоточивается на опредѣленной идеѣ или на центрахъ воображенія; по пробужденіи же воспоминаніе испаряется, какъ испаряется воспоминаніе о выполняемыхъ дѣйствіяхъ во время вызваннаго сна. Кому не случалось уснуть съ мыслью о задачѣ или объ отвлеченномъ вопросѣ, подлежащихъ разрѣшенію, когда послѣднее отъ насъ ускользало, и проснуться съ найденнымъ разрѣшеніемъ? Мозгъ продолжаетъ трудиться надъ своей интеллектуальной работой во время сна, а иногда выполняетъ ее съ большей легкостью, благодаря болѣе дѣятельному, спеці-

альному психическому сосредоточиванію на занимающей его идеѣ. У нѣкоторыхъ даже эта работа во время сна совершается видимымъ образомъ: они встаютъ, уходятъ, приходятъ, пишутъ, композируютъ, играютъ или совершаютъ ручныя работы; а пробужденные они весьма удивлены тѣмъ, что сдѣлано ими, не сохранивъ ни малѣйшаго о томъ воспоминанія,—это *активно спящіе или сомнамбулисты*.

Почему же спящій пробуждается въ желаемый часъ?

Потому, что онъ засыпаетъ съ мыслью пробудиться въ такой то часъ и думаетъ объ этомъ всю ночь завѣдомо и сознательно; вниманіе его постоянно обращено на эту идею. Если онъ распознаетъ время—нѣкоторыя лица распознаютъ время и въ точности знаютъ во всякое время дня, который часъ—или слышать бой стѣнныхъ часовъ, онъ произвольно просыпается въ желаемый часъ.

Если же онъ не умѣетъ распознавать время, то что же случается тогда? Озабоченный мыслью, какъ бы не пропустить данный часъ, онъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи просыпается, зажигаетъ каждый разъ для освѣдомленія свѣчу—обстоятельство, которое кажется достаточно свидѣтельствуемъ о состояніи совершеннаго сознанія во время сна. Идеи наши сознательны въ то время, когда мы спимъ; онѣ становятся латентными, когда мы пробуждаемся: мы не помнимъ, что всю ночь думали, какъ бы не пропустить данный часъ, и полагаемъ, что пробужденіе было самопроизвольное или безсознательное.

Въ этомъ направленіи идей я старался отдать себѣ отчетъ о механизмѣ внушеній на долгій срокъ. Сомнамбулистъ, который долженъ по истеченіи трехъ, напримѣръ, мѣсяцевъ выполнить актъ, внушенный ему во время сна, не обнаруживаетъ въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ никакой идеи (полученномъ приказаніи; по его же выполненіи онъ думаетъ и увѣряетъ, что не имѣлъ во время этихъ трехъ мѣсяцевъ никакой идеи относительно этого акта. Въ дѣйстви

тельности же было ли латентно воспоминаніе о впечатлѣніи, сообщенномъ его мозгу во время сна? Или, по крайней мѣрѣ, постоянно ли оно латентно было? Я этого не думаю.

Напомнимъ о вышеизложенныхъ явленіяхъ:

1. Впечатлѣнія, получаемыя сомнамбулистами во время своего сна, кажутся абсолютно угасшими, все мертво. А между тѣмъ все снова оживляется, если увѣрить субъекта, что онъ все вспомнить; онъ произвольно вводитъ себя въ психическое состояніе, необходимое для пробужденія воспоминанія.

2. У нѣкоторыхъ лицъ впечатлѣнія, произведенныя во время простаго закрыванія глазъ, исчезаютъ при открываніи глазъ и вновь появляются при закрываніи ихъ.

Надобно присутствовать при этихъ продолжительныхъ явленіяхъ, надобно видѣть съ какою легкостью, какъ мгновенно воспоминанія гаснутъ и вновь возгораются у сомнамбулистовъ; надобно видѣть этихъ совершенно тѣломъ и духомъ здоровыхъ субъектовъ, которыхъ внушеніе привело—я не говорю въ сонъ—а въ другое состояніе сознанія: они разговариваютъ, двигаются, работаютъ; одною минутою позже, пробужденные, пришедши въ состояніе прежняго своего сознанія, всякое воспоминаніе о предъидущей жизни кажется навсегда погасшимъ; субъектъ убѣжденъ, что ничего, ничего не произошло. Минуту спустя, все снова возгорается, субъектъ вспоминаетъ, и такимъ образомъ самымъ простымъ способомъ можно попеременно вызывать оба эти состоянія сознанія, искусственно производить ту двойную жизнь, которую произвольно обнаруживала знаменитая *Fétida*, наблюденіе надъ которой производилъ *Azam*. Надобно видѣть эти страшныя психическія явленія, чтобы понять все ихъ значеніе. Нельзя удержаться тогда отъ мысли, чтобы подобное явленіе совершалось у сомнамбулистовъ произвольно, безъ ихъ вѣдома; сомнамбулисты легко переходятъ изъ одного состоянія сознанія въ другое; воспоминаніе втораго состоянія исчезаютъ въ пер-

вомъ. Сообщите ихъ мозгу идею во время называемаго сомнамбулизмомъ состоянія, идею, которая должна проявиться въ назначенный день. Во время называемаго бодрствованіемъ состоянія идея кажется забытой, но она не остается латентной до срочнаго дня. Она рождается и становится сознательной каждый разъ, когда тоже самое нервное сосредоточиваніе, когда тоже самое психическое состояніе воспроизводится; достаточно ихъ вниманію сосредоточиться, достаточно ихъ мозгу поглотиться одной идеей или однимъ образомъ, чтобы у нихъ установился нѣкоторый родъ пассивнаго сомнамбулизма—пассивнаго потому только, что его не выводятъ изъ его пассивности. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что многіе сомнамбулисты способны къ внушеніямъ во время состоянія бодрствованія; всякая выраженная идея, всякій вызванный образъ ими реализуется въ состояніи бодрствованія; они по простому слову склонны къ галлюцинаціямъ; они нормально, безъ всякаго искусственнаго, такъ сказать, приготовленія, сомнамбулисты.

Операторъ ничего другаго сдѣлать не можетъ, какъ только эксплуатировать состояніе этой особенной психической воспріимчивости.

Умѣстно стало быть думать, что сомнамбулизмъ часто произвольно входитъ въ состояніе сомнамбулическаго сознанія, въ которомъ впечатлѣнія, полученныя въ томъ же прежнемъ состояніи, могутъ пробуждаться. Онъ вспоминаетъ тогда о полученномъ приказѣ, о сообщенномъ ему внушеніи; онъ знаетъ, что такое то явленіе должно быть выполнено въ такой то день; онъ совершаетъ, если я могу такъ выразиться, станціи; онъ утверждаетъ въ своей идеѣ—не забыть се выполнить въ желаемый моментъ, какъ нормально спящій въ своей идеѣ—не пропустить часа пробужденія. Идея эта у сомнамбулиста тогда совершенно сознательна. Только, когда онъ перестаетъ сосредоточиваться, когда мы къ нему заговариваемъ, когда мы снова призываемъ его

нервную дѣятельность внѣ, мы приводимъ его въ полное владѣніе собою, мы возвращаемъ ему его состояніе нормальнаго сознанія подобно тому, когда мы говоримъ ребенку открыть глаза и смотрѣть на окружающее своимъ умомъ. Сосредоточиванія не существуетъ уже; воспоминаніе вновь гаснетъ или дѣлается латентнымъ; въ моментъ же, когда сомнамбулистъ выполнилъ внушенный ему актъ, онъ весьма чистосердечно думаетъ, что идея недавно самопроизвольно зародилась въ его мозгу; онъ *не помнитъ, что вспоминалъ о ней.*

Я могъ это провѣрить прямо надъ двумя сомнамбулистами. Одной я говорю во время ея сна: «Въ будущей Четвергъ (черезъ 5 дней) вы возьмете стаканъ съ вашего ночнаго столика и положите его въ чемоданъ, который находится въ ногахъ вашей кровати». Спустя три дня, усыпивъ ее снова, я говорю ей: «Помните ли вы то, что я приказывалъ вамъ»? Она мнѣ отвѣчаетъ: «Да, я должна въ Четвергъ утромъ, въ восемь часовъ, положить стаканъ въ свой чемоданъ». — «Думали ли вы объ этомъ съ того времени, когда я вамъ это сказалъ»? — «Нѣтъ». — «Припомните хорошенько!» — «Я объ этомъ думала на другой день утромъ, въ 11 часовъ». — «Бодрствовали ли вы тогда, или спали?» — «Я засыпала».

Другому сомнамбулисту, усыпивъ его, я говорю утромъ: «Завтра утромъ, во время визитаціи, вы у меня спросите, должны ли вы продолжать принимать бромистый калий; вы это у меня спросите, какъ о справкѣ, не зная, что спросить объ этомъ поручилъ вамъ я.»

На другой день утромъ, въ присутствіи доктора Voisin'a, сдѣлавшаго мнѣ честь посѣщеніемъ моей клиники, я самъ забылъ совсѣмъ о моемъ внушеніи; я отходилъ уже отъ его кровати, когда онъ меня призываетъ и спрашиваетъ, долженъ ли онъ продолжать принимать бромъ. «Почему это вы спрашиваете меня?» говорю я ему. — «Потому что я скоро долженъ оставить госпиталь и я желалъ бы знать, полезенъ ли мнѣ бромъ.» — «Почему вы это теперь у меня

спрашиваете?» — «Я не знаю. Мнѣ это пришло въ голову.» Тогда я его вновь усыпляю и спрашиваю его: «Почему вы меня спросили, нужно ли продолжать бромъ?» — «Чтобы знать, полезень ли опъ мнѣ.» — «Но почему этотъ вопросъ сегодня утромъ?» — «Потому что вы мнѣ вчера сказали, чтобы васъ объ этомъ спросить.» — «Думали ли вы со вчерашняго утра, когда я усыпилъ васъ, что вы предложите мнѣ этотъ вопросъ?» — «Я думалъ объ этомъ въ эту ночь во время моего сна. Мнѣ приснилось, что у меня болятъ ноги и что я долженъ у васъ спросить, слѣдуетъ ли мнѣ продолжать бромъ?» Я его пробуждаю и онъ ничего уже не помнитъ. Мысль — сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ пришла ему, думалъ онъ, произвольно.

Итакъ, внушеніе, сдѣланное его мозгу во время сна, оставаясь какъ латентное воспоминаніе по пробужденіи, способно сознательно, произвольно возобновиться. Если внушеніе должно реализироваться только по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, идея не будетъ латентной и бессознательной до дня назначеннаго срока.

Повторю вкратцѣ сказанное мною въ слѣдующихъ заключеніяхъ:

1. Пробужденныя во время искусственнаго или вызваннаго сна впечатлѣнія всегда сознательны въ моментъ, когда они совершаются.

2. Сознаніе этихъ впечатлѣній, угасшее по пробужденіи отъ вызваннаго сна, всегда можетъ быть вызвано прос-
тымъ въ томъ увѣреніемъ.

3. Латентныя воспоминанія гипнотическаго состоянія могутъ произвольно пробуждаться въ извѣстныхъ состояніяхъ психическаго сосредоточиванія.

4. Идея о внушеніяхъ, подлежащихъ выполненію че-

резъ долгій срокъ, не остается безсознательной до дня срока; сознание идеи, внушенной мозгу во время гипнотическаго состоянія, можетъ пробуждаться по временамъ, подобно другимъ латентнымъ воспоминаніямъ, въ тѣхъ же самыхъ состояніяхъ психическаго сосредоточиванія.

Глава IX.

Общиі приложенія ученія о внушеніи. — Моральная и психологическая точка зрѣнія. — О воспитаніи. — Юридическая точка зрѣнія. — Преступныя внушенія. — Наблюденіе. — Ретроактивныя галлюцинаціи. — Тисса — Эларское дѣло. — Инстинктивное слабоуміе. — Отвѣтъ г-ну Paul Janet.

Во всѣхъ отношеніяхъ ученіе о внушеніи въ томъ видѣ, какъ мы его установили изъ наблюденій, затрогиваетъ самыя животрепещущіе вопросы. Въ психологіи оно составляетъ переворотъ! Сколько задачъ это ученіе, еще въ дѣтствѣ своемъ, ни вызвало къ рѣшенію! До какой степени внушеніе повліяло на самыя разнообразныя, отборныя умы въ интеллигентныхъ классахъ, утонченныхъ воспитаніемъ, какъ въ благонаправленныхъ классахъ, представляющихъ меньшее мозговое сопротивленіе? До какой степени страсти, инстинкты, вкусы, психическія способности могутъ быть измѣнены продолжительнымъ и искусно веденымъ внушеніемъ, будь это въ состояніи бодрствованія, или въ состояніи гипноза? Воспитаніе ребенка, познанія и нравственныя начала, вложенныя въ его умъ словомъ и примѣромъ; философскія и религіозныя доктрины, которыми онъ убаюкивался съ самаго ранняго своего возраста, не составляютъ ли уже настоящее внушеніе въ состояніи бодрствованія, которое (внушеніе), если оно систематично велось и направлялось въ одномъ направленіи, если оно не исцелялось противорѣчивыми идеями и примѣрами, часто прививается съ непреодолимой силой? Люди зрѣлые, личный опытъ которыхъ въ послѣдствіи

освободилъ ихъ умъ, часто, вопреки всей ихъ независимости ума, вопреки всему ихъ свободному разуму, сохраняютъ въ основѣ старыя идеи, отъ которыхъ они не могутъ отрѣшиться, потому что онѣ вѣлсь въ ихъ мозгъ, благодаря долгому предшествовавшему внушенію, хотя бы эти идеи противорѣчили новымъ свойствамъ ихъ психическаго состоянія. «Не отдавая себѣ въ томъ отчета, говоритъ г. Liébeault, приобретаешь моральныя и политическія понятія, фамилныя, расовыя предрасудки и т. п.; впитываешь въ себя идеи, которыя составляютъ вокругъ тебя атмосферу. Существуютъ социальныя и религіозныя принципы, которые обязательно не должны были противиться общему смыслу, чтобы не сказать разсудку, въ которые чистосердечно вѣришь и которые охраняешь, какъ свое собственное благо. Принципы эти принадлежали предкамъ; они становятся даже національными; они плотью передаются отъ отцовъ къ сыновьямъ; разрушить ихъ убѣжденіемъ невозможно, какъ ни доказывай ихъ ложность, а силою—опасно. У людей встрѣтить можно мысли, приобретенныя подражаніемъ, которыя, какъ бы абсурдны онѣ ни были, составляютъ съ ними цѣлое и подъ конецъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ инстинкта».

То, что внушеніе въ состояніи бодрствованія можетъ производить на нѣкоторыя молодые и дѣвственныя умы, гипнотическое внушеніе, уничтожающее контроль, запечатлѣваетъ, такъ сказать, приступомъ, какъ бы взломомъ, въ отсутствіи хозяевъ дома, съ совершенно другою могучею силой. Вѣрно ли будетъ сказать вмѣстѣ съ Durand'омъ, что бредизмъ доставляетъ намъ основаніе интеллектуальной и моральной ортопедіи, которая, несомнѣнно, въ одинъ прекрасный день принята будетъ въ воспитательныхъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ.

А сколько приложеній съ юридической и судебно-медицинской точекъ зрѣнія! Когда видишь человѣка, произвольно

впавшаго или искусственно введеннаго въ сомнамбулическую жизнь, послушнымъ орудіемъ и лишеннымъ воли въ рукахъ другаго; когда видишь, какъ онъ подчиняется всѣмъ побужденіямъ, выполняетъ всѣ акты, нельзя отдѣлаться отъ сильнаго душевнаго волненія! А когда видишь его, пробужденнаго отъ своего гипнотическаго сна, выполняющимъ заданный приказъ, думающимъ, что это онъ дѣйствуетъ по своей собственной инициативѣ, нельзя удержаться, чтобы не повторить вмѣстѣ съ г. Ribot*) фразы Спинозы: «Заблужденіе нашей свободной воли есть только невѣденіе мотивовъ, заставляющихъ насъ дѣйствовать.»

Моралистамъ, психологамъ, судебно-медицинскимъ врачамъ надлежитъ энергично изслѣдовать важные вопросы этого порядка, которые обязываютъ къ тому человѣческую совѣсть.

Я хочу только примѣромъ показать, насколько явленія психическаго внушенія въ томъ видѣ, какъ опытъ установилъ ихъ надъ нашими субъектами, могутъ быть употреблены съ преступной цѣлью. Слѣдующее наблюдение, которое я передаю со словъ Pг. Despine'a, представляетъ извлеченіе изъ отчета засѣданій 29 и 30 Іюля 1865 г. уголовного суда Draguignan'a:

«31 Марта 1865 г. одинъ нищій явился въ деревню Guols (Var). Ему было около 25 лѣтъ отъ роду, калѣка на обѣ ноги. Онъ попросилъ гостепріимства у нѣкоей Н..., жившей въ этой деревушкѣ съ своею дочерью. Последняя имѣла отъ роду 26 лѣтъ и отличалась совершенной нравственностью. Нищій этотъ, по имени Castellan, притворяясь глухо-пѣмымъ, знаками далъ знать, что онъ голоденъ. Его пригласили поужинать. Во время ѣды онъ предавался страннымъ движеніямъ, обратившимъ вниманіе своихъ хозяевъ: онъ поражалъ тѣмъ, что не наполнялъ свой стаканъ прежде, чѣмъ не осушалъ его и свое лицо крестнымъ знаменіемъ. Въ вечернюю пору онъ знакомъ далъ знать, что хочетъ писать. Тогда онъ написалъ слѣдующія фразы:» Я сынъ Божій, при-

*) Ribot, les Maladies de la volonté: Paris, 1883.

шелъ съ неба и имя мос: Иисусъ Христосъ. Вы увидите мои малыя чудеса, а позже и великія. Не бойтесь меня, ибо я посланъ отъ Бога». Онъ претендовалъ, что знаетъ будущее и возвѣщалъ, что черезъ 6 мѣсяцевъ разразится гражданская война. Эти нелѣпыя акты произвели впечатлѣніе на присутствовавшихъ, а Joséphine Н... была этимъ сильно возбуждена: она одѣтой легла спать изъ боязни къ нищему. Этотъ послѣдній провелъ ночь на сѣновалѣ и на другой день, позавтракавъ, удалился изъ деревни. Вскорѣ, увѣрившись, что Joséphine одна останется въ теченіи всего дня, онъ возвращается назадъ. Онъ засталъ ее занятой заботами по хозяйству и бесѣдовалъ съ нею нѣсколько времени съ помощью знаковъ. Все утро употреблено было Castellan'омъ въ произведеніи какихъ то чаръ надъ этою дѣвушкой. Одинъ свидѣтель показывалъ, что въ то время, когда она наклонилась надъ огнемъ въ каминѣ, Castellan, наклоняясь надъ нею, производилъ своею рукою по ея спицѣ круговые и крестообразныя знаки; въ это время глаза ея были угрюмы. (Быть можетъ онъ ввелъ ее тогда въ сомнамбулизмъ). Въ полдень они сѣли вмѣстѣ за столъ. Едва начался обѣдъ, какъ Castellan сдѣлалъ жестъ, какъ бы бросая нѣчто въ ложку Joséphine'ы. Молодая дѣвушка тотчасъ *упала въ обморокъ*. Castellan взялъ ее, отнесъ на кровать и сталъ наносить ей крайнее оскорбленіе. Joséphine сознавала то, что происходило, но, удерживаемая непобѣдимой силой, не могла сдѣлать никакого движенія, ни испустить крикъ, хотя воля ея протестовала противъ совершающагося надъ пей насилія. (Она была тогда въ явной летаргіи). Пришедши въ себя, она не переставала находиться подъ властью Castellan'а и въ четыре часа пополудни, въ тотъ моментъ, когда этотъ человекъ удалялся изъ деревни, несчастная, влекомая силою, которой она тщетно старалась сопротивляться, покинула родительскій домъ и, потерявши голову, послѣдовала за нищимъ, къ которому она питала только страхъ и отвраще-

ніе. Ночь проведена была ими на сѣновалѣ, а на другой день они направились къ Collobrières. Ихъ встрѣтилъ въ лѣсу г. Sauteron и повелъ ихъ къ себѣ. Castellan ему передалъ, что онъ увелъ молодую дѣвушку, воспользовавшись сначала ея благосклонностью къ нему. Жозефина съ своей стороны также ему сообщила о своемъ несчастіи, прибавивъ, что въ отчаяніи своемъ она хотѣла утопиться. 3 Апрѣля Castellan въ сопровожденіи этой молодой дѣвушки остановился у г. Coudroyer'a, земледѣльца. Жозефина не переставала горевать и оплакивать свое несчастное положеніе, въ которомъ ее удерживаетъ непреодолимая власть этого человѣка. Страшась оскорбленій, предметомъ которыхъ продолжать быть боялась, она попросилась спать въ сосѣднюю комнату. Въ то время, когда Joséphine стала выходить, Castellan приблизился къ ней, схватилъ ее за нижнюю часть туловища и она *тотчасъ упала въ обморокъ*. Затѣмъ, хотя она, по показаніямъ свидѣтелей, была точно мертвая, ее видѣли, какъ она, по приказанію Castellan'a, поднималась по лѣстницѣ, считала ступеньки, затѣмъ судорожно смѣялась. Констатировано было, что она была тогда совершенно нечувствительна. (Она находилась тогда въ сомнамбулизмѣ).

«На другой день, 4 Апрѣля, она перешла въ состояніе, похожее на сумашествіе: она говорила всякій вздоръ, отказывалась отъ пищи, призывала Бога и Святую Богородицу. Castellan, желая дать новое доказательство своей надъ нею власти, приказалъ ей на колѣняхъ обойти вокругъ комнаты, и она повиновалась. Побуждаемые горемъ этой несчастной и возмущенные дерзостью, съ какой ея оболъститель злоупотреблялъ своею властью надъ нею, обитатели дома выгнали нищаго, не смотря на его сопротивленіе. Едва онъ перешагнулъ черезъ порогъ, какъ Joséphine замертво упала. Позвали Castellan'a назадъ; послѣдній произвелъ надъ нею различные знаки и возвратилъ ее въ чувства. Съ наступленіемъ ночи она пошла спать съ нимъ.

« На слѣдующій день они вмѣстѣ ушли. Помѣнать Жо-зефинѣ слѣдовать за ними уже не рѣшились. Вдругъ видятъ, она бѣгомъ возвращается: Castellan встрѣтилъ охотниковъ и въ то время, какъ онъ съ ними болталъ, она обратилась въ бѣгство. Со слезами она умоляла, чтобы ее укрыли и избавили отъ этого вліянія. Ее отвезли къ ее отцу и съ тѣхъ поръ, казалось, она не пользовалась полнымъ разсудкомъ.

Castellan'a арестовали. Онъ оказался уже разъ осужденнымъ къ неправоуменію. Казалось, природа надѣлила его необыкновенной магнетической силой; этой то причиной и слѣдуетъ приписать то вліяніе, которое онъ оказывалъ на Josephine'у, обладавшую чрезвычайно способствующею магнетизму конституціей—что было констатировано различными опытами, которымъ она съ этой цѣлью подвергнута была врачами-экспертами. Castellan показывалъ, что посредствомъ магнетическихъ пассовъ онъ вызывалъ у Josephine'ы безмятежное предшествовавшее насилію. Онъ признался, что два раза имѣлъ съ нею сношенія въ то время, когда она не была ни усыплена, ни въ обморокѣ, но когда она не могла дать свободное свое согласіе на преступные акты, предметомъ которыхъ она была (т. е. въ состояніи явной летаргіи). Сношенія, которыя онъ имѣлъ съ нею во вторую ночь, проведенную въ Carclade'ѣ, происходили при слѣдующихъ условіяхъ: Josephine не подозрѣвала преступнаго акта, жертвой котораго она сдѣлалась; самъ Castellan на утро рассказывалъ ей, что онъ ее имѣлъ въ эту ночь. Остальные два раза онъ ею злоупотреблялъ такимъ же образомъ, чего она также не подозрѣвала (т. е. она находилась въ сомнамбулическомъ снѣ).

« Съ тѣхъ поръ, какъ Josephine освобождена была отъ вліянія этого человѣка, къ ней возвратился разсудокъ. Въ своемъ показаніи передъ судомъ она сказала: «Онъ производилъ на меня такое вліяніе съ помощью своихъ жестовъ (пассовъ), что нѣсколько разъ я падала, точно мертвая.

Тогда онъ могъ дѣлать со мною, что только хотѣлъ. Я понимала, что дѣлалась жертвой, но я не могла ни говорить, ни двигаться и испытывала самое жестокое мученіе.» (Она намекала на свои приступы явной летаргіи; что же касается ея состояніи сомнамбулизма, то она не имѣла о нихъ сознанія.)

«Три врача, доктора: Nériart, Paulet и Théus, приглашены были для разъясненія суду присяжныхъ явленій магнетизма. Своими показаніями они подтвердили заключенія судебно-медицинскаго раппорта, составленнаго по поводу этого дѣла докторами Auban'омъ и Roux'омъ, изъ Тулона. Castellan приговоренъ былъ къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ.»

Въ эпоху, когда происходили эти дѣла, явленія сомнамбулизма не были столь извѣстны, какъ они извѣстны въ настоящее время. Наши читатели безъ колебанія оцѣнятъ все подробности этого любопытнаго наблюденія.

Здѣсь, положимъ, психическое состояніе несчастной жертвы, обязанное преступнымъ продѣлкамъ, легко можетъ быть установлено. Но сколько существуетъ безсознательныхъ внушеній, происхожденіе которыхъ остается сомнительно!

Мой коллега, г. Liégeois, профессоръ юридическаго факультета въ Нанси, подробно изучилъ въ одномъ, много шуму надѣлавшемъ, мемуарѣ отношенія внушенія къ гражданскому и уголовному праву.

Онъ сдѣлалъ большое число опытовъ, съ цѣлью установить возможность внушенія преступленій, которыя субъекты выполняютъ, не зная настоящей побудительной причины, руководящей ихъ рукою.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ наблюденій:

«Я долженъ принести повинную въ томъ, говоритъ г. Liégeois, что пытался заставить убить друга своего, г-на Р..., стараго судью; и это, вещь неслыханная, въ присутствіи г-на главнаго комиссара въ Нанси.»

«Я вооружаюсь револьверомъ и нѣсколькими патронами. Чтобы отнять всякую идею о чистой и простой шуткѣ у субъекта, подвергнутаго опыту и наугадъ взятаго изъ числа 5 или 6 находившихся въ тотъ день у г. Лебеаиша сомнамбулистовъ, я зарядилъ однимъ зарядомъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ садъ; вслѣдъ за тѣмъ я вошелъ, показывая присутствовавшимъ картонъ, только что пробитый пулею»

«Менѣе, чѣмъ черезъ четверть минуты, я внушаю г-жѣ G... идею—убить г. P... выстрѣломъ изъ пистолета. Съ абсолютной бессознательностью и совершенной послушностью г-жа G... направляется къ г-ну P... и дѣлаетъ по немъ выстрѣлъ изъ револьвера.»

«Тотчасъ допрошенная г. главнымъ комиссаромъ, она съ полной индифферентностью сознается въ своемъ преступленіи. Она убила г. P... потому, что онъ ей не нравится. Ее можно арестовать; она отлично знаетъ, что ее ждетъ. Если ее лишать жизни, она перейдетъ въ другой міръ, подобно ей жертвѣ, которую она видитъ распростертой на землѣ и плавающей въ своей крови. Ее спрашиваютъ, не я ли ей внушилъ идею объ убійствѣ, которое она только что совершила. Она утверждаетъ, что нѣтъ; она произвольно на него рѣшилась, она одна виновата.»

Я говорилъ о post-гипнотическихъ внушеніяхъ, на которыя способны многіе глубоко снующіе; у нихъ можно вызвать акты или галлюцинаціи, которые совершиться могутъ черезъ нѣсколько дней, даже черезъ нѣсколько недѣль по пробужденіи, отъ которыхъ они не въ состояніи отдѣлаться и происхожденія которыхъ они не знаютъ.

Этого мало: съ тѣхъ поръ, какъ я опубликовалъ эти явленія, я имѣлъ возможность констатировать, что у многихъ можно развить настоящія *ретроактивныя галлюцинаціи*. Можно внушить имъ, что въ указанный моментъ они видѣли такое то явленіе, совершили такой то актъ, о чемъ созданное въ ихъ мозгу представленіе является, какъ

живое воспоминаніе, которое ими овладѣваетъ до такой степени, что является для нихъ въ видѣ несомнѣнной дѣйствительности.

Вотъ, для примѣра, одна изъ моихъ сомнамбулистокъ Marie G..., женщина интеллигентная, о которой уже шла рѣчь. Я ввожу ее въ глубокій сонъ и говорю ей: «Вставали ли вы ночью?»—«Нѣтъ». Я настаиваю: «Вы четыре раза вставали, чтобы сходить на дворъ; а въ четвертый разъ вы упали и ушибли себя носъ. Это вѣрно и никто, когда вы проснетесь, не въ состояніи будетъ увѣрить васъ въ противномъ.» По ея пробужденіи я ее спрашиваю: «Какъ поживаете?»—«Хорошо, говоритъ она мнѣ, но въ эту ночь у меня былъ поносъ, я вставала четыре раза, даже упала и ушибла себя носъ.» Я возражаю: «Вамъ это приснилось; вы тотчасъ мнѣ этого не сказали; ни одна больная этого не видѣла». Она остается при своемъ; ей не снилось это; она вполне сознаетъ, что вставала; всѣ больныя знали; она вполне убѣждена, что это такъ было.

Въ другой разъ, во время ея сна, я спрашиваю ее, въ какомъ она домѣ живетъ и кто ей хозяйка. Она мнѣ передаетъ между прочимъ, что первый этажъ занимаетъ семейство, состоящее изъ отца, матери, нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ и живущаго съ ними стараго холостяка. Тогда я ей говорю слѣдующее: «3 Августа (четыре съ половиною мѣсяца тому назадъ), въ 3 часа по полудни, вы входили къ себѣ домой; достигли перваго этажа, вы услышали выходящія изъ одной комнаты крики, вы взглянули въ замочную скважину и увидѣли стараго холостяка, совершающаго насиліе надъ самой молодой дѣвочкой. Вы это видѣли: дѣвочка отбивалась, изъ нея шла кровь; онъ заткнулъ ей ротъ кляпомъ. Все это вы видѣли и такъ были этимъ поражены, что вы зашли къ себѣ, ничего не смѣя говорить. Когда проснетесь, вы не будете уже думать объ этомъ; это не я говорилъ вамъ объ этомъ; это не греза и не видѣніе;

то, что я сообщилъ вамъ во время вашего магнетическаго сна, сама дѣйствительность и, если правосудіе къ вамъ явится позже за слѣдствіемъ по поводу этого преступленія, вы скажете всю правду.» Сказавши это, я перемѣняю теченіе ея идей, вызываю болѣе веселія внушенія; но ея пробужденіи я ей ужь ничего не говорю объ этомъ дѣлѣ. Три дня спустя я прошу своего друга, г. Gilson'a, знаменитаго адвоката, допросить эту женщину въ качествѣ судебного слѣдователя. Въ моемъ отсутствіи она ему рассказываетъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, называя по имени жертву, преступника и опредѣляя точный часъ преступленія; свои слова она энергично поддерживаетъ; она знаетъ всю важность своего свидѣтельства; если ее позовутъ въ судъ, она, не смотря на свое душевное волненіе, которое отъ этого чувствуетъ, скажетъ всю правду, такъ какъ это требуется; она готова присягать передъ Богомъ и людьми! Когда я приблизился къ ея кровати послѣ ея показанія, адвокатъ, исполняя долгъ судьи, заставилъ ее при мнѣ все повторить. Я спрашивалъ ее, дѣйствительно ли это, не приснилось ли ей, не было ли это сновидѣніе, которое я обыкновенно вызывалъ у нея во время сна; я предложилъ ей не довѣрять себѣ самой. Она съ непоколебимымъ убѣжденіемъ поддерживала свое свидѣтельство.

Засимъ я усынилъ ее, чтобы искоренить это внушеніе. «Все то, что вы сказали судебному слѣдователю, говорю я ей, не существуетъ: вы ничего не видѣли 3 Августа; вы больше ужь ничего не знаете; вы даже не будете помнить, что говорили судебному слѣдователю; онъ васъ ни о чемъ не спрашивалъ, а вы ему ничего не говорили.» Но ея пробужденіи я говорю ей: «Что вы недавно говорили господину?» — «Я ничего не говорила.» — «Какъ, вы ничего не говорили, сказали судья; вы, вѣдь, говорили мнѣ о преступленіи, которое совершено было въ вашемъ домѣ 3 Августа; вы видѣли, какъ иѣкій...» и проч. Marie G... была сму-

цена. Разсказъ о преступленіи вызвалъ у нея негодованіе; она никогда не слыхала объ немъ. Когда г. Х... настаиваетъ, говоря, что она сама указала на это преступленіе, она ничего изъ этого не поняла. Ее охватило сильное душевное волненіе при извѣстїи, что она была призвана судомъ для свидѣтельствванія.

Чтобы успокоить это душевное волненіе, я долженъ былъ ее снова усыпить и предать забвенію всю эту поистинѣ ужасную въ дѣйствительности сцену. Но повомъ ей пробужденіи воспоминаніе обо всемъ безвозвратно было уничтожено и на другой день, бесѣдуя съ нею и наводя съ намѣреніемъ разговоръ на людей ея дома, она со мною о нихъ говорила столь естественно, какъ если бы между нами никогда не было рѣчи о нихъ.

Этого еще мало. Мы видѣли, что нѣкоторые, способные къ гипнозизаціи, субъекты могутъ, не будучи вновь загипнозизированы, простыми ихъ увѣреніемъ въ состояніи бодрствованія, подвергнуться иллюзіямъ или настоящимъ галлюцинаціямъ. Они могутъ также подвергнуться ретроактивнымъ галлюцинаціямъ; то, что патологически происходитъ у помѣшанныхъ, воображающихъ себя, что присутствовали при такой то сценѣ, совершили такой то актъ: убійство или воровство; описывающихъ все подробности преступленія, участвующимъ лицомъ или зрителемъ котораго они были, можетъ некутевенно быть вызвано у нѣкоторыхъ лицъ, простымъ ихъ въ томъ увѣреніемъ, съ ужающей легкостью.

Sch..., одному изъ моихъ сомнамбулистовъ, я говорю: «Въ эту ночь вы видѣли старшаго врача моей клиники, доктора Р..., возлѣ своей кровати. Онъ себя чувствовалъ по хорошо, его рвало; вы даже давали свой платокъ ему вытереться».

Онъ остался убѣжденнымъ, что это такъ и случилось! Внушенная идея проникла въ его мозгъ, какъ дѣйствитель-

ный, видѣнный имъ раньше образъ. Слуети часъ, встрѣтившись съ докторомъ P..., Sch... говорить ему: «Я васъ въ эту ночь видѣлъ; вы были очень больны». — «Какъ, вы меня видѣли, я небылъ въ больницѣ!» — «Я васъ хорошо видѣлъ, было 5 минутъ нѣтаго; вы были больны; это было простое недомоганіе, происшедшее не по вашей винѣ».

Въ другой разъ я ему говорю: «Сегодня утромъ вы выходили изъ палаты; вы стояли передъ часовней и смотрѣли въ нее черезъ замочную скважину: два человѣка дрались между собою и пр. Онъ это видѣлъ и на другой день, допросивъ его въ моемъ кабинетѣ въ присутствіи лица, выдававшего себя за полицейскаго комиссара, онъ разсказалъ этотъ случай, описывая примѣты работниковъ; у одного рука оказалась разбитой и онъ видѣлъ, какъ его на носилкахъ отнесли въ хирургическую палату; это былъ тотъ, который первый затѣялъ ссору. Онъ заявилъ готовность это свидѣтельствовать передъ судомъ и принять присягу. Когда, въ моемъ отсутствіи, псевдо-комиссаръ намекалъ ему о томъ, что это могло быть плаузія, внушенная мною идея, онъ казался раздосадованнымъ этимъ замѣчаніемъ и энергично подтверждалъ, что видѣлъ и что передалъ только то, что видѣлъ. Прибавлю, что человѣкъ этотъ пользовался полнымъ разсудкомъ; излечившійся большой, онъ исполнялъ обязанности больничнаго служителя при клиникѣ и отличался честнымъ поведениемъ.

Факты эти не стоятъ особнякомъ. Г. Liégeois одновременно со мною дѣлалъ многочисленные опыты въ этомъ самомъ направленіи, во время состоянія бодрствованія и сна, надъ другими способными къ гипнотизаціи субъектами: онъ пришелъ къ выводамъ, согласнымъ съ моими результатами. Это наводитъ на тяжелыя размышленія! Но что же мнѣ дѣлать? Слѣдуетъ ли скрывать истину?

Мысль объ этихъ опытахъ явилась у меня по поводу недавняго процесса, сильно возбужденнаго общественное мнѣніе.

Всѣмъ извѣстно Тисса-Деларекое дѣло. Исчезаетъ одна молодая, 14-ти лѣтняя дѣвушка, принадлежащая къ реформатской вѣрѣ. 19 еврейскихъ семействъ населяютъ это венгерское село. Вскорѣ распространяется слухъ, что ее убили жиды съ цѣлью получить ея кровь. Дѣло это происходило наканунѣ Пасхи: евреи де къ своимъ пасхальнымъ опрѣскамъ примѣниваютъ христіанскую кровь. Позже изъ Тиссы были вытасены трунъ; онъ шестью лицами былъ признанъ за трунъ этой молодой дѣвушки; но мать ея осталась неувѣренной, а другіе, ею же выбранные, свидѣтели отказываются признать этотъ трунъ. Поднялись антисемитическія страсти; мѣшье было составлено. 13 несчастныхъ евреевъ арестованы. Судебный слѣдователь, большой врагъ Царя, съ отчаянной дѣятельностью набросился на это дѣло въ желаніи подтвердить догадку, подсказанную ему его сѣвномъ ненавистью. У синагогальнаго сторожа былъ 13-ти лѣтній сынъ, его то онъ призывалъ къ себѣ для допроса. Ребенокъ ничего не зналъ объ убійствѣ. Но судья, изъ всѣхъ силъ стараясь установить то, что онъ считалъ или хотѣлъ считать за истину, передалъ его комиссару охранной полиціи, опытному въ этомъ дѣлѣ вымучиванія признаній; послѣдній отвелъ его къ себѣ домой. Прошло нѣсколько часовъ и ребенокъ признался: его отецъ завлекъ къ себѣ молодую дѣвушку, затѣмъ отослалъ ее въ синагогу. Moritz— такъ звали мальчика—услышалъ крикъ, вышелъ изъ дому, приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ храма, увидѣлъ Esther, распростертую на землѣ; три человекъ держали ее, а рѣзникъ, прорѣзавъ ей горло, собиралъ ея кровь въ двухъ тарелкахъ! Лишенный свободы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, отданный для надзора сторожу, который его не оставлялъ одного, мальчикъ, представъ предъ судомъ, поддерживалъ свои признанія. Видъ несчастнаго своего отца и 12 едино-вѣрцевъ своихъ, которымъ угрожаетъ висѣлица; самыя горячія мольбы, приглашающія его сказать всю правду; слезы

и проклятія—ничто его не трогаетъ; онъ безпрестанно повторяетъ одни и тѣже вещи въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: онъ видѣлъ. Известно, что правосудіе въ концѣ концовъ восторжествовало; всѣ друзья Венгріи и цивилизаціи возрадовались этому.

Какъ объяснить себѣ признанія ребенка? Для этого возможны двѣ гипотезы. Страхъ, насиліе, угрозы могли исторгнуть ложное показаніе; а известно, насколько у дѣтей и даже у взрослыхъ пристрастіе ко лжи своей становится упорнымъ, ужъ по одному только тому, что они въ теченіи недѣль жили, свыклись съ этой ложью; прибавьте къ этому ласки вслѣдъ за угрозами, обѣщаніе жизни, усебной розами, въ вознагражденіе за постоянство въ навязанной лжи. Это возможно! Но все таки мнѣ трудно понять столь чудовищную, правдивую пещорченность, столь быстро развившуюся у ребенка, до этого времени не выказывавшаго худыхъ инстинктовъ.

Что страхъ исторгаетъ лживое свидѣтельство у слабо закаленной души, это въ порядкѣ вещей! Но чтобы дитя въ присутствіи страдающаго и умоляющаго отца оставалось глухимъ ко всѣмъ мольбамъ, сознательно поддерживало бы свое показаніе, зная, что оно поведетъ къ смертной казни; чтобы оно неустанно продолжало противъ всѣхъ плесей свою маленькую исторію, зная, что она отъ начала до конца вымыслена—это рѣдкая настойчивость правдивой чудовищности.

Вотъ другая гипотеза: Дитя приведено къ судебному слѣдователю; униженное и угнетенное въ бѣдной средѣ, чаѣ воспитывалось, оно дрожитъ передъ лицомъ особы, олицетворяющей собою силу и расправу. Одинокое, затерявшееся лицомъ къ лицу съ комиссаромъ охранительной полиціи, во власть котораго оно отдано, дитя терроризовано. Другой убѣдительно увѣряетъ его, что жидаы—проклятая раса, для которой пролить христіанскую кровь представляется дѣломъ

благочестивымъ; у нихъ существуетъ де обычай—кровью окроплять свои пасхальные опрѣсенки; это не единственный процессъ подобнаго рода. Въ прикрашенной, полной увѣренности, рѣчи онъ ему рассказываетъ обстоятельныя и реальныя подробности аналогичныхъ сценъ. Воображеніе бѣднаго пернаго ребенка, скованнаго ужасомъ, сильно поражено: онъ весь превратился въ зрѣніе, въ слухъ; его разсудочныя способности парализованы душевнымъ волненіемъ. Слова особы производятъ сильное впечатлѣніе на слабый духъ его; мало по малу глубокое и стойкое впечатлѣніе становится образомъ; подъ вліяніемъ этого энергичнаго внушенія гипнотизированный мозгъ со всѣми подробностями строитъ навязанную ему комиссаромъ сцену—все готово: дитя видитъ распростертую жертву, удерживаемую тремя лицами; жертвоприноситель воззаетъ ей свой ножъ въ горло, кровь течетъ—все это ребенокъ видѣлъ: создана ретроактивная галлюцинація подобно тому, какъ ее экспериментальн создаютъ во время глубокаго сна; воспоминаніе объ этомъ фиктивномъ видѣніи столь живо, что ребенокъ отъ него отдѣлаться не можетъ. Подобная драматическая сцена, смѣло очерченная сочинителемъ романовъ, представляется воображенію съ такою ясностью, какъ сама дѣйствительность.

Я не знаю, вѣрна ли эта гипотеза: самый фактъ быстрого превращенія ребенка, обязаннаго искуснымъ приемамъ его наставниковъ, кажется, указываетъ на способный къ внушеніямъ мозгъ. Психическое изслѣдованіе этого свидѣтеля комиссией изъ врачей, которые прониклись бы обстоятельствами этого дѣла, дало бы безъ сомнѣнія возможность измѣрить внушимость этого мозга, установить, былъ ли онъ способенъ къ гипнотизаціи и, быть можетъ, вывести наружу истину.

Я старался показать, что гипнотизмъ не создаетъ въ дѣйствительности новаго состоянія: ничего въ вызванномъ снѣ не происходитъ такого, что не могло бы произойти въ рудиментарной степени у многихъ и въ почти одинаковой

степени у некоторых въ состояніи бодрствованія. Некоторые лица естественно внушимы; они, съ психической точки зрѣнія, нормально находятся въ томъ состояніи, которое мы называли гипотаксией или чарами, которое дѣлаетъ ихъ неспособными вести себя въ жизни, которая ослабляетъ или уничтожаетъ у нихъ всякое моральное сопротивленіе. Во многихъ отношеніяхъ знаменитые люди, одаренные артистическими или блестящими интуитивными качествами, часто являются большими дѣтьми, какъ будто вся ихъ интеллектуальная мощь уходитъ въ одну или двѣ способности представленія. Возьмемъ извѣстны эти дѣти-дива, эти счетчики, какъ, напримеръ, Монденхъ, Лланді, которые чудесной-врожденной силой отвлеченія разрѣшали въ умѣ самыя сложныя задачи, но не способные къ умственной работѣ въ другихъ сферахъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ громадный талантъ, близкій къ гениальности, уравнивается несоотвѣтствіемъ мозговыхъ отправленій. У другихъ и этой компенсаціи не достаетъ.

Кто не видалъ тѣхъ обездоленныхъ существъ, не лишенныхъ однако разума, способныхъ усвоить себѣ текуція понятія, умѣющихъ даже блистать въ салонѣ и ввести въ заблужденіе насчетъ своего настоящаго достоинства, исправно, если они хорошо направлены, исполняющихъ свои общественныя обязанности, но въ дѣйствительности лишенныхъ инициативы и воли, безъ моральнаго сопротивленія, двигающихся по теченію вѣтра, т. е. какъ ихъ направлять и внушеніе? Я охотно скажу, что они одержимы *инстинктивными слабоуміемъ*.

Подъ именемъ инстинктивнаго помѣнательства, или помѣнательства выражающагося въ поступкахъ, нравственнаго помѣнательства, помѣнательства съ свѣтлыми промежутками, резонирующаго помѣнательства, психіатры описываютъ «болѣзненное состояніе, которое меньше выражается интеллектуальнымъ бредомъ, разстройствомъ идей

и рѣчи, нежели безразсудствомъ въ дѣйствіяхъ и ощущеніяхъ, являющихся результатомъ инстинктивнаго, автоматическаго, необдуманнаго импульса, безъ регулирующаго ихъ внимательства размысленія, разсужденія, какъ то бываетъ съ человѣкомъ разсудительнымъ». (А. Foville.) «Больные эти помѣшаны, говоритъ Trélat, но они таковыми не кажутся, потому что они ясно выражаются. Они помѣшаны скорѣе въ своихъ поступкахъ, чѣмъ въ своихъ словахъ. Они достаточно внимательны, чтобы ничего не пропустить изъ того, что вокругъ нихъ происходитъ; чтобы ничего не оставить безъ отвѣта изъ того, что они слышатъ; часто, чтобы не сдѣлать никакого упущенія въ выполненіи своего намѣренія... Безразсудство ихъ узнается только въ ихъ внутренней жизни и не пробивается наружу. Они то и составляютъ ту среду, въ которой находитесь довольно большое число существъ, разсматриваемыхъ то какъ помѣшанные, то какъ преступники, которые попеременно являются жителями пріютовъ или темницъ».

Между ними можно встрѣтить такихъ, которые обладаютъ рѣдкой силой въ веденіи спора, которые одарены даромъ возраженія и постоянно ищутъ случая блеснуть своимъ умомъ. «Между этими больными встрѣчаются такіе, говоритъ Guislain, которые способны поставить въ затрудненіе людей съ солидной логикой. Ихъ возраженія порою бываютъ какъ нельзя болѣе остроумны. Я вспоминаю про одну даму, которая была истиннымъ мученіемъ какъ для меня, такъ и для всѣхъ лицъ учрежденія. Всякій разъ, когда завязывалась бесѣда, мнѣ приходилось бороться противъ этихъ остроумныхъ нападокъ. Всѣ ея отвѣты отличались такимъ анализомъ и такой глубиной взгляда, которые всѣхъ удивляли.»

Рядомъ съ этимъ инстинктивнымъ помѣшательствомъ я ставлю инстинктивное слабоуміе и подъ это опредѣленіе подвожу категорію существъ, о которыхъ я говорилъ, которые не помѣшаны, которыя произвольно не совершаютъ без-

разсудныхъ поступковъ, у которыхъ нѣтъ маниакальнаго импульса, но которыя представляютъ собою ясныхъ слабоумныхъ; они хорошо бесѣдуютъ, правильно разсуждаютъ, разсудительны, иногда въ бесѣдѣ блестящи; они съ тонкостью и умомъ могутъ провести предпринятыя ими проекты; но инстинктивная, аффективная, чувственная сторона моральнаго бытія, возбуждающаго жизненные акты, у нихъ точно атрофирована. У нихъ нѣтъ моральной воли; они не знаютъ, какъ себя вести; подобно сомнамбулистамъ, съ психической точки зрѣнія, они повинуются всякимъ внушеніямъ, легко подчиняются всякимъ постороннимъ импульсамъ. Это психическое состояніе включаетъ впрочемъ въ себѣ различныя степени: отъ простой инстинктивной слабости до абсолютнаго инстинктивнаго идиотства. Подъ хорошимъ руководствомъ эти въ моральномъ смыслѣ обездоленные существа могутъ сдѣлать счастливую и благотворную карьеру, богатую честными побужденіями. Другія являются неудачниками и впадаютъ въ распутство или попадаютъ подъ судъ.

Вотъ, воспитанная въ хорошихъ нравственныхъ правилахъ молодая дѣвушка, которую всѣ единодушно считали кроткой и честной. Выходитъ она замужъ; первые годы счастливы; она кажется преданной женой и доброй матерью. Но вотъ одинъ молодой человѣкъ овладѣваетъ ея воображеніемъ; ея мужъ, занятый борьбой за существованіе, небреженъ къ ней; она отдается этому молодому человѣку. Спустя нѣкоторое время мужъ ея замышляетъ месть противъ этого молодого человѣка, который, обольстивъ его жену, основалъ соперничающее дѣло, которое процвѣтало, тогда какъ его погибало. Чтобы утолить свою месть, онъ спова овладѣваетъ умомъ своей жены, убѣждаетъ ее, что его соперникъ—причина ихъ несчастья; уговариваетъ ее, что нужно убить его, что возстановленіе его (мужа) честнаго имени требуетъ этого убійства. Она поддается этому внушенію; послушная, уступая угрозамъ, она назначаетъ свиданіе сво-

ему старому любовнику и, подъ предлогомъ возобновленія прерванныхъ ихъ отношеній, хладнокровою, безъ душевнаго волненія, она его ведетъ къ своему мужу, который его убиваетъ. Никакое угрызеніе, никакое сожалѣніе не волнуетъ ее совѣсть; она кажется и не подозрѣваетъ громадности своего преступленія.

Ничто изъ ее прошлаго не позволяло предвидѣть такую чудовищную развращенность моральнаго чувства. Передъ судомъ ее начальница пансіона утверждаетъ, что это была самая послушная, самая исправная ученица. Одинъ свидѣтель, надъ которымъ поемѣялись на судѣ, потому что его не поняли, сказалъ о ней: «Это было мягкое тѣсто, она одинаково шла на встрѣчу пороку, какъ и добродѣтели». Переведенное на психологическій языкъ: это былъ внушимый мозгъ; она была послушна ко всякимъ внушеніямъ. Я прибавлю, что моральное ее чувство не представляло противовѣса ее чрезмѣрной внушимости. Это, быть можетъ, скорѣе было врожденное отсутствіе моральнаго чувства, нежели развращенность—это было инстинктивное слабоуміе.

Я не претендую на то, чтобы мое толкованіе было истинное; для моего тезиса достаточно, если онъ правдоподобенъ. Я далеко впрочемъ отъ мысли, чтобы всѣ преступники были помѣшаны или безсознательны; каждый фактъ долженъ быть разсматриваемъ по своимъ обстоятельствамъ, по своимъ причинамъ, по своему прошлому, по моральному состоянію того, кто его совершилъ. Ибо, кто рѣшится утверждать, что степень виновности измѣряется одной только важностью совершеннаго поступка?

Довольно! Я имѣлъ въ виду только очистить вопросъ, который затрагиваетъ самые важные интересы правосудія и общества, предоставляя болѣе меня компетентнымъ заботу подробнѣе его изслѣдовать и выводить заключенія. Миѣ казалось, что экспериментальное изслѣдованіе гипнотическихъ явленій могло пролить нѣкоторый свѣтъ на эту еще столь

темную область нравственной отвѣтственности. Съ благоразуміемъ и осторожностью слѣдуетъ пускаться въ этотъ опасный путь. Я изложилъ свои сомнѣнія, опасенія; я не рѣшаюсь сказать: свои убѣжденія.

Эта первая часть моей книги, опубликованная (за исключеніемъ многихъ прибавленій) въ 1884 г., вызвала нѣкоторую критику. Выдающійся философъ, г. Paul Janet, выпустилъ въ *Revue politique* рядъ статей, въ которыхъ онъ упрекаетъ панскихъ наблюдателей въ нѣкоторыхъ недостаткахъ ихъ метода. Вотъ отвѣтъ, который я считалъ нужнымъ дать г-ну Paul Janet: *)

«Когда г. Liégeois прочиталъ въ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ свой мемуаръ: *De la suggestion hypnotique dans ses rapports avec le droit civil et criminel*, собраніе, мало, нужно сказать, приготовленное къ этимъ изслѣдованіямъ, въ то время чуждымъ его области, было сильно возбуждено. Одни изъ нашихъ коллегъ ихъ отрицали: Панскій наблюдатель мистифицированъ притворщиками. Другіе, опасаясь дѣлать заключенія, которыя не согласны были бы съ ихъ предвзятыми идеями, отказались отъ ихъ изслѣдованія.

Однако, къ чести этой ученой корпораціи, многіе благоразумные умы, въ томъ числѣ и вы были, рѣшились хладнокровно разсмотрѣть вопросъ и принять, какъ доказанныя, нѣкоторыя явленія, освященные впрочемъ въ наукѣ значительными медицинскими авторитетами.

Вы прочитали нѣкоторыя недавно опубликованныя сооб-

*) Отвѣтъ этотъ на статьи г-на Paul Janet, напечатанныя въ *Revue politique et littéraire*, были напечатаны въ томъ же *Revue*. Г. Jung, редакторъ его сначала г-ну Janet'у, отказавъ помѣстить этотъ отвѣтъ, находилъ его «слишкомъ техническимъ, слишкомъ филологическимъ» для литературнаго журнала.

Я его замѣнилъ тогда короткимъ и почтительнымъ письмомъ, лишеннымъ всякой научной подробности, просто отвѣчающимъ критику, предметомъ которой въ *Revue* сдѣлалъ мой мемуаръ: *De la suggestion dans l'état hypnotique et dans l'état de veille*. Г. Jung соглашался принять за моимъ отвѣтомъ громадный интересъ, но не пожелалъ его помѣстить въ своемъ журналѣ.

щенія по данному предмету; въ Salpêtrière'ѣ вы видѣли нѣсколько опытовъ; нѣкоторыя свѣдѣнія вы собрали устно; вы составили себѣ нѣкоторое мнѣніе о гипнотическомъ внушеніи, не изучивъ и не уяснивъ себѣ достаточно вопроса, не провѣривъ того, что дѣлалось вѣдъ непосредственно васъ окружающаго, вы представляете свою оцѣнку, вы указываете, что, по мнѣнію вашему, точно; что, по мнѣнію вашему, подлежатъ сомнѣнію; вы указываете намъ способъ для руководства и благоволите выставлять Намеки наблюдателямъ нѣкоторыя погрѣшности ихъ метода, которымъ они руководствуются.

Позвольте же мнѣ, достопочтенный учитель, отвѣтить на нѣкоторыя ваши оцѣнки. Я это сдѣлаю со всеѣмъ почтительнымъ уваженіемъ, идущимъ къ вашему характеру и вашему таланту, но также со всеѣ свободой убѣжденія, которое внушаетъ мнѣ единственное стремленіе къ истинѣ.

Вы высказываете безграничную вѣру всеѣмъ работамъ, выходящимъ изъ Salpêtrière'ской школы; вы только съ нѣкоторою осторожностью принимаете то, что выходитъ изъ другаго мѣста. Тамъ все представляется вамъ доказаннымъ; тамъ, благодаря истинно научному методу, ничто не оспоримо: тамъ «исходятъ изъ самыхъ простыхъ, изъ самыхъ элементарныхъ явленій, чтобы дойти до явленій болѣе сложныхъ и болѣе трудныхъ—отъ физическихъ и очевидныхъ явленій до явленій психологическихъ, болѣе внутреннихъ, болѣе трудныхъ для толкованія.» Въ Намеи, наоборотъ, намекаете вы, пренебрегая физическими, болѣе элементарными, болѣе крупными явленіями, мы особенно стараемся рельефно выставлять самыя необыкновенныя, самыя удивительныя для воображенія явленія; мы быть можетъ ведемъ внушеніе слишкомъ далеко; а быть можетъ также воображеніе врача играетъ нѣкоторую роль въ терапевтическихъ результатахъ или въ психологическихъ явленіяхъ, на полученіе которыхъ мы претендуемъ.

И отвѣчу на это основное возраженіе, ибо оно главной идеей проходить въ вашемъ изложеніи.

Никто больше меня не отдастъ справедливость работамъ, выходящимъ изъ Salpêtrière'ской школы: я слишкомъ ученикъ г-на Charcot, я ему обязанъ слишкомъ большою частью своего медицинскаго воспитанія, чтобы не отдавать должнаго уваженія этому великому учителю, имя котораго всегда будетъ украшать французскую медицину. Но я съѣбно не принимаю—а самъ учитель принимаетъ ли?—всякія научныя увѣренія, протекающія отъ всякихъ учениковъ, другъ за другомъ слѣдующихъ на этомъ богатомъ наблюденьями поприщѣ. Наука медленно прогрессируетъ, проходя черезъ тысячи затрудненій; каждый день новые факты неперпроверяютъ или измѣняютъ пріобрѣтенія, которыя наканунѣ еще считались истинными; настоящей истинѣ долго еще освобождаться отъ затемняющихъ ее подмѣсей.

Если въ моихъ изслѣдованіяхъ за переходную точку я не принялъ трехъ фазъ историческаго гипнотизма въ томъ видѣ, какъ ихъ описалъ Charcot: латаргію, катаlepsю, сомнамбулизмъ, то это потому, что я не могъ удостовѣриться своими наблюденіями въ существованіи этихъ различныхъ состояній, но сколько эти фазы рѣзко разграничены.

Какъ я это говорилъ въ біологическомъ Обществѣ, внушеніе, т. е. проникновеніе въ мозгъ субъекта идеи о явленіи при посредствѣ слова, жеста, зрѣнія, подражанія, казалось мнѣ ключемъ ко всемъ наблюдаемымъ мною гипнотическимъ явленіямъ. Принятая за фізіологическія или физическія явленія казалась мнѣ въ большей своей части, если не въ цѣломъ, явленіями психическими. И не заявляю претензіи объяснять внушеніемъ явленія, констатированныя другими наблюдателями; я только имѣлъ въ виду сказать, что я не могъ безъ внушенія ихъ производить. Поэтому, слѣдовало ли за точку перехода въ моихъ изслѣдованіяхъ взять элементарныя, фізическія и очевидныя, какъ вы говорите,

явленія, которыя я самъ констатировать не могъ? Поступалъ ли я противъ истины научнаго метода тѣмъ, что я разсуждалъ только о томъ, что видѣлъ?

Допущу, впрочемъ, что явленія чисто физическаго или физиологическаго характера точны и постоянны! Справедливо ли будетъ сказать, что они проще и элементарнѣе, болѣе доступны для толкованія, чѣмъ явленія психологическія, которыя мы наблюдали? Справедливо ли, что отъ однихъ, болѣе простыхъ, можно подойти къ другимъ, болѣе сложнымъ и болѣе труднымъ, явленіямъ? Я отвѣчаю: нѣсколько, потому что явленія эти совершенно различнаго характера.

Явленія внушенія имѣютъ свои аналогичныя явленія въ нормальной и патологической жизни; природа произвольно ихъ производитъ. Параличи, контрактуры, анестезія, чувственыя иллюзіи, галлюцинаціи возникаютъ въ естественномъ сомнамбулизмѣ, въ истеріи, въ умопомѣшательствѣ, въ алкоголизмѣ и въ другихъ интоксикаціяхъ; они возникаютъ во всѣхъ насъ во время нормальнаго сна; естественно усиленные, мы становимся способными къ внушеніямъ и галлюцинаціямъ при средствѣхъ въ насъ самихъ возникающихъ или протекающихъ отъ другихъ впечатлѣній. Г. Alfred Maury подробно изучилъ такъ называемыя гипнагогическія галлюцинаціи, какія возникаютъ въ періодѣ, предшествовавшемъ сну; нѣкоторыя лица продолжаютъ ими осаждаться въ періодѣ, непосредственно слѣдующемъ за пробужденіемъ.

Мы искусственно воспроизводимъ то, что способно возникнуть самопроизвольно.

Далекій отъ мысли — разсматривать эти явленія, какъ чудесныя, я старался сблизить ихъ съ аналогичными явленіями, которыя наблюдаются въ состояніи физиологическомъ; я ссылался на автоматизмъ обыденной жизни, на рефлекторные и инстинктивные акты, на вѣрованіе, на подражаніе, на вліяніе идеи на актъ; я восходилъ отъ внушенія въ

состояніи нормальномъ до внушенія въ состояніи гипнотизма, и, если вы сообразовали прочесть главу VIII моего мемуара (глава VIII этой книги), вы найдете тамъ всѣ мысли, которыя, послѣ меня, вы сами изложили въ другихъ выраженіяхъ.

Прибавлю, что психологическія явленія, которыя нами были представлены, которыя представлены были г-омъ Richet и другими, подтверждены были всѣми наблюдателями; никто ихъ не оспаривалъ, тогда какъ мы не могли удостовѣриться въ явленіяхъ, выдаваемыхъ за физическія.

Эти послѣднія не имѣютъ никакой аналогіи въ нормальной и патологической жизни. Никакое поврежденіе, никакой произведенный надъ волосянымъ покровомъ головы опытъ никогда не производитъ контрактуры, паралича или частичнаго сомнамбулизма въ части тѣла, соответствующей подлежащей кортикальной области мозга! Простымъ ли, легко поддающимся толкованію явленіемъ представляется то, которое состоитъ въ томъ, что при посредствѣ соприкосновенія къ кожѣ производитъ вліяніе, передающееся черезъ волосные покровы, черепъ, мозговые оболочки до мозга, чтобы локализоваться въ поясѣ, соответствующемъ приложенію руки?

При настоящемъ состояніи науки не существуетъ никакого толкованіе. Когда явленіе подтверждалось, явилась надобность прибѣгнуть къ гипотезѣ о флюидической жидкости, къ какому то теченію, освобождающемуся отъ руки оператора и способному проходить черезъ тканевые и костные покровы мозга; нужно было прибѣгнуть къ месмеризму и допустить въ гипнотическомъ состояніи двойкаго рода, совершенно другъ отъ друга отличныхъ, явленія: внушенныя явленія и, какъ таковыя, они легче для ихъ уразумѣнія; флюидическія явленія и, какъ таковыя, они при абсолютно невозможномъ ихъ толкованіи, несколько не могли бы служить основаніемъ для уяс-

ненія первыхъ. Мы же, въ Панси, занимались изученіемъ только явленій внушенія.

Второй допущенный-де нами недостатокъ нашего метода и это, по мнѣнію вашему, съ цѣлью усилить удивленіе публики—состоитъ въ томъ, что свои опыты мы производили надъ субъектами здоровыми, а не надъ характерными больными. Ужь это возраженіе изумить всякаго чело-вѣка науки! Имъ неизвѣстно, чтобы фізіологи выбирали больныхъ животныхъ для изслѣдованія явленій живаго организма, чтобы психологи начинали съ изученія больныхъ мозговъ для изслѣдованія мыслящихъ способностей! И мы, чтобы изучать явленія вызваннаго сна, стали бы обращаться къ истеричнымъ, способнымъ аномальными или патологическими реакціями извратить симптомы нормальнаго гипнотизма! Когда загипнотизированная истеричная охвачена общими конвульсіями или ограниченной контрактурой, тризмусомъ, напримѣръ, какъ я это видѣлъ; когда изъ гипнотическаго сна, какъ я это тоже видѣлъ, она впадаетъ въ истерическій сонъ, имѣющій другіе признаки, думаете ли вы, что изслѣдованіе явленій, присущихъ гипнотическому состоянію, облегчится присоединеніемъ явленій, присущихъ истеріи? Ибо состояніе гипнотическое и состояніе истеричное составляютъ совершенно различныя вещи! И здѣсь я касаюсь вопроса, который между всѣми вопросами больше всего беспокоитъ васъ!

Уступая очевидности фактовъ, вы благоволите принять дѣйствительность гипнотическихъ внушеній; но, повинаясь извѣстному строю идей, вы полагаете, что внушеніе можетъ быть вызвано только у первыхъ субъектовъ; что гипнотическое состояніе представляетъ собою неврозъ, соосъдній съ истеріей, который исключительно и въ рудиментарной формѣ можетъ быть вызванъ у обыкновенныхъ субъектовъ, по который, отличаясь всѣми своими признаками, требуетъ истеричной или невропатической почвы. Вы, кажется, полага-

ете, что если мы заявляемъ, что мы не имѣли дѣло съ истеричными, неврозатами, то это, паспая немного истину, мы сдѣлали съ цѣлью не только вызвать удивленіе, но и ужасъ; вы сплитесь доказать, что мои единственно точныя наблюденія происходили надъ больными, страдавшими первыми разстройствами; для всѣхъ же остальныхъ наблюдений діагностика была-де «плохо опредѣлена, плохо очерчена».

И отвѣчу на этотъ личный доводъ. Безъ сомнѣнія многія изъ моихъ наблюдений относятся къ первымъ страданіямъ въ виду того, что я преимущественно первыми страданіями подвергаю послѣдовательной гипнотизаціи съ терапевтической цѣлью. Я не имѣю обыкновенія гипнотизировать всѣхъ безразлично больныхъ; я между ними выбираю тѣхъ, которымъ, я полагаю, это окажется полезнымъ; вотъ почему первые и составляютъ ихъ большинство. Но весьма большое число наблюдений, увѣряю васъ, относится къ субъектамъ ничуть не первымъ. Однажды, въ присутствіи г-на Liégeois, я усынилъ почти всю палату больныхъ, большую часть которыхъ составляли фтизики, эмфизематики, выздоравливающіе ревматики; двое только изъ 20 были истеричны.

Вы между моими наблюденіями приводите, какъ одержимаго *весьма тяжело* первыми разстройствами, стараго сержанта, работника на желѣзодѣлательномъ заводѣ, иѣкогда въ голову раненаго при Patau осколкомъ гранаты. Но вѣдь я же сказалъ: «что его умственные способности ясны, что онъ не жалуется ни на какое первое прошлое, что онъ не страдаетъ припадками самопроизвольнаго сомнамбулизма»; не смотря на мое это заявленіе, вы указываете на весьма тяжкія первыя разстройства, которыя не существуютъ. Вы еще относите къ неврозатамъ страдающаго гастралгіей, потому что я говорю о боли въ позвоночникѣ; а вы боль въ позвоночникѣ описываете, какъ боль спиннаго мозга, что не точно. Позвоночникъ не есть позвоночный

мозгъ, какъ черепъ не есть черепной мозгъ. Всѣмъ врачамъ извѣстно, что страданія желудка сопровождаются спинной чувствительностью и что эта спинная чувствительность не указываетъ ни на какое спинно-мозговое разстройство, которымъ нашъ субъектъ никакъ не страдалъ.

Когда я говорю о старомъ морякѣ, служащемъ на желѣзной дорогѣ, страдающимъ хроническимъ сочленовнымъ ревматизмомъ; когда я прибавляю: «это человѣкъ интеллигентный, хорошо установившійся, довольно образованный, меньше всего нервный, ничуть не легковѣрный», котораго я могъ ввести въ глубокій сомнамбулизмъ и вызвать у него гипнотическія и post-гипнотическія галлюцинаціи, то, мнѣ кажется, я излагаю обстоятельство хорошо опредѣленное хорошо очерченное; я могъ бы представить больше подробностей, описать состояніе его сочлененій, передать все развитіе его ревматизма, допросить его о послѣдственномъ прошломъ; я могъ бы съ предполагаемой цѣлью нагрузить безполезныя подробности на явленіе, которое указать я хотѣлъ; я же сказалъ все то, что долженъ былъ сказать.

Я представляю случай «человѣка весьма интеллигентнаго, несколько не перваго, занимающаго высокое общественное положеніе», хорошо себя чувствующаго, которому во время его сна я съ успѣхомъ внушилъ post-гипнотическую обонятельную галлюцинацію; я передаю о явленіяхъ внушеній, произведенныхъ въ состояніи бодрствованія и сна у одного молодого, 14-ти лѣтняго мальчика, одержимаго катарральнымъ нефритомъ на пути къ выздоровленію, «лимфатическаго, интеллигентнаго, съ хорошимъ первоначальнымъ образованіемъ, не представляющаго къ тому никакого перваго разстройства»; я могъ бы привести сотню подобныхъ фактовъ. Все это для васъ неопредѣленно и мало ясно! Между тѣмъ вы дѣлаете мнѣ честь, считая, что я способенъ распознавать первыя разстройства организма и что я обладаю

достаточнымъ научнымъ хладнокровіемъ, чтобы не допустить себя войти въ сдѣлку съ истиной.

Безъ сомнѣнія во всѣхъ у насъ есть нервная система, всѣ мы обладаемъ извѣстной первой впечатлительностью. Гипнотическое внушеніе, для того, чтобы вліять на психическое бытіе, требуетъ извѣстнаго къ тому расположенія, извѣстной мозговой воспримчивости: нужно чтобы субъектъ умѣлъ сосредоточиваться и, такъ сказать, проникнуться идеей о снѣ. Но это спеціальное расположеніе, которымъ многие въ нѣкоторой степени обладаютъ, несколько не составляетъ исключительный удѣлъ невротатів и истеріи. Справедливость требуетъ сказать, что это расположеніе часто весьма ясно выступаетъ у истеричныхъ: иной разъ пустякъ вводитъ ихъ въ сомнамбулизмъ. Это однако далеко не постоянное явленіе. Есть истеричные, которые, какъ вы то говорите, трудно поддаются гипнотизаціи; между невротатами встрѣчаются также упорные въ гипнотизаціи; помѣшанные, меланхолики, ипохондрики, лица съ подвижнымъ воображеніемъ, не умѣющія фиксировать свое вниманіе, которыхъ душевное волненіе поглощаетъ, умъ которыхъ занятъ различными мыслями противопоставляютъ внушенію сознательное или безсознательное моральное сопротивленіе. Надобно, чтобы въ этомъ участвовала воля или идея о снѣ! Простой народъ, старые воины, мастеровые, привычные къ насильному повиновенію субъекты, послушные умы казались мнѣ болѣе способными къ воспринятію внушенія. Люди интеллигентные, вполнѣ установившіеся, лимфатико-сангвиники, умѣющіе безъ предубѣжденія или умысла примѣнять свое вниманіе, когда хотятъ, спятъ лучше, чѣмъ нѣкоторые невротаты, возбужденный умъ которыхъ не умѣетъ сосредоточиваться ни на чемъ.

Обыкновенный сонъ въ дѣйствительности не отлучается отъ гипнотическаго сна; достаточно кому либо при мнѣ произвольно и естественно уснуть съ мыслью обо мнѣ, чтобы онъ могъ подвергнуться моему вліянію. Недавно въ

моемъ больничномъ отдѣленіи я нахожу бѣдную чахоточную, которая спала; я ее никогда не гипнотизировалъ. Слегка коснувшись ея руки, я говорю ей: «Не пробуждайтесь. Спите. Вы будете продолжать спать. Вы не можете проснуться.» Двѣ минуты спустя я поднимаю ей обѣ руки, онѣ остаются въ каталонск. Я ее оставляю, сказавъ ей, чтобы по истеченіи трехъ минутъ она проснулась; нѣсколько времени спустя по ея пробужденіи, происшедшемъ почти въ указанный моментъ, я возвращаюсь поговорить съ ней: она ничего не помнитъ. Итакъ, вотъ естественный сонъ, во время котораго я могъ стать въ общеніе съ усиленнымъ субъектомъ, и только вышеприведеннаго достаточно было, чтобы установить гипнотическій сонъ! Какъ могло установиться это общеніе? Я предполагаю, что наступало пробужденіе, по моему приказанію — продолжать спать — помѣшало пробужденію довершиться; лицо это успело снова сказаннымъ гипнотическимъ сномъ, т. е. въ общеніи со мною. Мать находитъ своего ребенка уснувшимъ; она говоритъ къ нему, дитя отвѣчаетъ; она ему даетъ пить, ребенокъ пьетъ, затѣмъ снова впадаетъ въ свою иперность, а по пробужденіи дитя все забыло: ребенокъ въ дѣйствительности былъ гипнотизированъ, т. е. онъ былъ въ общеніи съ своей матерью. Я полагаю, что все люди способны къ гипнотизаціи; но мы не знаемъ способовъ, способныхъ ихъ всеѣхъ загипнотизировать. Въ то время, когда открытъ будетъ вѣрный и постоянный сотворный агентъ, быстро вызывающій сонъ, не измѣняя въ то же время психическаго расположенія такимъ образомъ, чтобы субъектъ могъ спать, обративъ свою мысль на присутствующее лицо, тогда быть можетъ никто не избѣгнетъ вліянія внушенія, производимаго на него другими, какъ никто не избѣгаетъ галлюцинаторныхъ внушеній, вызываемыхъ его собственными впечатлѣніями во время нормальнаго сна.

Вы докопались даже до той мысли, что успѣхъ опытовъ г-на Liébeull'a создалъ въ Палеи родъ эпидеміи внушенія, какъ существуетъ эпидемія спиритизма, магнетизма,

месмеризма! И, въ подтвержденіе этого мнѣнія, вы говорите, что въ госпиталяхъ Парижа патологическій (самопроизвольный) сомнамбулизмъ составляетъ весьма рѣдкое явленіе, тогда какъ онъ сталъ за послѣднее время встрѣчаться гораздо болѣе въ Нанси! свѣдѣніе это не точно: самопроизвольный сомнамбулизмъ такъ же рѣдко встрѣчается въ Нанси, какъ и въ Парижѣ. Я его никогда не видалъ въ нашихъ госпиталяхъ, тоже не видали его и мои собратыя. Наши гипнотики никогда не имѣютъ припадковъ самопроизвольнаго сомнамбулизма.

Что касается до искусственно вызываемаго сна, то г. Charles Richet получаетъ его такъ же легко въ Парижѣ, какъ мы въ Нанси; докторъ Brémondъ получаетъ его также легко въ Брестѣ. Я самъ недавно и съ усердіемъ экспериментировалъ въ одномъ салонѣ, въ Парижѣ, надъ однимъ молодымъ человѣкомъ, 30 лѣтъ и двумя 40 лѣтъ, несколько не невротичными, а между тѣмъ не думаю, чтобы я изъ Нанси занесъ въ Парижъ эпидемическій микробъ. Одинъ изъ этихъ опытовъ, особенно instructifный, заслуживаетъ быть сообщеннымъ. Дѣло идетъ объ одномъ прекрасномъ и великомъ юномъ необыкновенныхъ способностей, ума положительнаго, первомъ по отличію своему въ одной изъ нашихъ великихъ школъ высшаго научнаго образованія. Желая выяснитъ себѣ вопросъ о гипнотизмѣ, онъ самъ проситъ меня усыпить его, обѣщая поддаваться серьезно и безъ сопротивленія. Менѣе, чѣмъ въ 2 минуты: закрываніе вѣкъ, внутренняя каталепсія и контрактура, автоматическія движенія. По своемъ пробужденіи онъ увѣряетъ, что все слышалъ и во всемъ себѣ отдавалъ отчетъ; но такъ какъ онъ обѣщалъ повиноваться безъ сопротивленія, то онъ повиновался. «Могли-ли бы вы сопротивляться? говорю я ему, когда я вашу руку оставилъ въ воздухѣ, могли ли вы ее опустить, не смотря на мое противное увѣреніе?» «Я полагаю это, говоритъ онъ, хотя въ томъ не увѣренъ. Одинъ моментъ я началъ опускать свою руку (что дѣйствительно замѣчено было); на пути меня охватило угрызеніе; я ее поднялъ назадъ, говори

себѣ: нѣтъ, я не долженъ ее опустить.» Было ли это изъ угожденія?

Этотъ молодой человекъ самъ не зналъ, что объ этомъ подумать. Любознательный, желая совершенно увѣриться, онъ получасомъ позже спросилъ меня снова заипнотизировать его. Менѣе, чѣмъ въ минуту, онъ былъ готовъ. Я оставляю въ воздухѣ его ноги и руки: они въ немъ остаются. Тогда я ему говорю: «Теперь сдѣлайте опытъ; попытайтесь опустить свои руки и ноги, если вы можете; если у васъ есть воля, употребите ее; но предупреждаю васъ, что вы не сможете сдѣлать это». Онъ тщетно старался и не достигъ, не смотря на всѣ свои видимыя успія, измѣнить внушенное положеніе. Я заставилъ его вращать свои руки одну вокругъ другой: «Попытайтесь остановить ихъ, вы не сможете». И онъ дѣйствительно не могъ остановить этотъ ротаторный автоматизмъ. Когда пробудили его, онъ былъ убѣжденъ, что не только не было угожденія, но что не было матеріальной возможности сопротивляться внушенному акту.

Опытъ этотъ я повторялъ надъ большимъ числомъ субъектовъ. Charles Richet, сообщая аналогичные примѣры, хорошо описалъ это странное психическое состояніе. Многие воображаютъ себѣ, что они не находились подъ вліяніемъ, потому что они все слышали; они чистосердечно думаютъ, что притворялись; иной разъ имъ самимъ трудно доказать, что они не были свободны не притворяться.

Сдѣланное отступленіе является подтвержденіемъ моего заключенія: что гипнозъ не есть вариантъ пестеріи; это не болѣзненное состояніе, прививающееся на почвѣ невротіи. Это состояніе фізіологическое, одного и того же порядка съ естественнымъ сномъ, отъ котораго онъ можетъ произойти; его въ известной степени можно вызвать у большинства

субъектовъ. Самая сильная его степень, глубокий сомнамбулизмъ, явленіе не рѣдкое и встрѣтить его не трудно.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что эти открытія должны посѣять ужасъ въ массѣ, что населеніе обречено универсальной галлюцинаціи, что одного взгляда брешеннаго на прохожаго, достаточно, чтобы его загипнотизировать? Это—преувеличеніе, противъ котораго вы, моралистъ и философъ, такъ благоразумно предостерегли публику.

Итъ магнетизеровъ, итъ магнетической флюиды. Ни Donato, ни Hansen не обладаютъ спеціальной гипнотической силой. Вызываемый сонъ не зависитъ отъ гипнотизера, а отъ самаго субъекта: его усиливаетъ его собственная вѣра; никто противъ своей воли не можетъ быть загипнотизированъ, если онъ воспротивится приказанію. Я счастливъ присоединиться къ вамъ, чтобы успокоить публику во всякомъ химерическомъ опасеніи, которое ложное толкованіе явленій могло бы зародить.

Значитъ ли послѣ этого сказать, что справедливость и человѣческая нравственность не стануть смущаться этими открытіями? Что все сказано, что все предусмотрено, что все къ лучшему въ лучшей изъ судебныхъ организацій? Это значило бы быть можетъ съ умысломъ закрыть глаза передъ плодотворной истиной. Вы безъ опасенія сказали, что законовѣды и философы стануть въ широкихъ размѣрахъ пользоваться этими изслѣдованіями, но нужно быть благодарнымъ г-ну Liégeois, что онъ смѣло перенесъ этотъ вопросъ на академическую трибуну.

Вызванный сомнамбулизмъ представляетъ и крайности, когда внушенный актъ навязывается съ непреодолимой силой. Но ничто не дѣлается въ глубокомъ снѣ, что не имѣло бы своего аналога, своего миниатюра, если могу такъ

выразиться, въ состояніи бодрствованія. Сонъ усиливаетъ фізіологическій автоматизмъ, а не создаетъ его. Между неизбежнымъ для выполненія внушеніемъ и абсолютно произвольнымъ побужденіемъ могутъ существовать всякія степени. И кто анализировать можетъ все внушенные элементы, безъ нашего вѣдома вмѣшивающіеся въ наши поступки, которые мы считаемъ протекающими отъ нашей инициативы! Воля, свободная воля, нравственная отвѣтственность: тяжелые и трепещущие вопросы! Тяжело философское сомнѣніе, постигшее человѣческую совѣсть!

Истина никогда не опасна! Одно только невѣжество безоружно! Вы говорите про универсальную галлюцинацію! Да она существовала, когда не знали, когда не подозрѣвали еще необыкновенной легкости, съ какой совершалась искусственная галлюцинація! Она существовала, когда наивная вѣра въ колдовство, вкоренившаяся въ человѣческій мозгъ внушеніемъ многихъ вѣковъ, ослабляла лучшіе умы; когда бѣсовскій шабашъ, колдуны, вѣдьмы, оборотни, гномы, злые духи и всякія такіа воображеніемъ вызванныя привидѣнія считались дѣйствительными; когда трепещущая, въ виду костра, наука не осмѣливалась сдѣлать брешь въ религіозномъ всемогущемъ суевѣріи! Сколькихъ преступленій, сколькихъ жертвъ, сколькихъ судебныхъ ошибокъ избавилось бы бѣдное человечество, если бы научная истина могла пробиться наружу! Исторія о дьяволѣ, о колдовствѣ, о бѣснотныхъ; исторія объ эпидеміяхъ бѣснованія, этихъ коллективныхъ внушенныхъ галлюцинаціяхъ, тяготеютъ, какъ страшныя кошмары, надъ предшествующими вѣками! А въ наше время сколько еще суевѣрій, внушенныхъ слѣпой грубой вѣрой исчезнетъ, какъ исчезаютъ тѣни, подъ вліяніемъ свѣтильника на научной петлѣ!

Чтобы закончить этотъ слишкомъ длинный отвѣтъ, позвольте мнѣ, достопочтенный учитель, прибавить, что

глубоко задумывался надъ слѣдующими словами Вассона:
«Человѣческій умъ не принимаетъ познанія вещей съ точностью, но примѣшиваетъ къ нему свою волю и свои страсти; такимъ то образомъ получается знаніе по его вкусу; ибо съ наибольшей готовностью человѣкъ принимаетъ только ту истину, которая для него желательна».

Важнѣйшія опечатки:

<i>страница:</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ:</i>
20	12 снизу	применешь	преминешь
23	5 „	сохраненіе	сокращеніе
28	2 сверху	десмеризуюція	месмеризуюція
28	2 „	семесмеризуюція	демесмеризуюція
34	17 „	при	по
69	19 сверху	Смотри	Смотритъ
70	1 „	аналгизія	аналгезія
71	3 „	положилъ	наложилъ
72	8 снизу	стало	стало бы
79	14 „	при	по
101	7 сверху	встѣ	вызываетъ
120	7 „	направляла	направляли
175	10 снизу	не онъ	онъ не
